Абхазский дневник

Людмила Тарнава

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года. Предлагаемый «Дневник» Л.М. Тарнава относится ко времени грузинской оккупации Сухума (1992-1993). Это поистине уникальное документальное свидетельство того состояния, в котором оказались многие простые люди разных национальностей. В нем нет ничего придуманного, все естественно, искренне и откровенно до боли. Повседневные трудности, животный страх, эмоциональные срывы, издевательства и унижения, отношения между людьми в новых условиях быта и войны – все это создает ощущение безысходности и призрачности бытия. «Дневник» своеобразный немой крик интеллигентного человека. Он читается как продолжение изданного сразу после грузино-абхазской войны дневника детского поэта Таифа Аджба, погибшего в оккупированном Сухуме…

-
- Дневник
- Мои наблюдения, размышления, факты

21 июля 1993 г.
г. Сухум
Лена!

Я просила соседку в случае моей гибели передать эту мою рукопись-дневник тебе. Я не для себя его писала, а для будущих потомков абхазского народа. Это – картина нашей жизни в Сухуме в период пребывания в нем грузинских войск и мои горестные размышления. Не судите, если что не так я написала. Все искренне, от души, без всякой фальши и рисовки.

Передай дневник историку, лучше Ст. Лакоба. Не для печатания. Но если Абхазия и абхазцы выживут в этой войне, пройдут годы, появятся новые, молодые историки Абхазии и будут писать о нашем времени. Пусть мой дневник и будет документом этого времени. Потом его могут оставить или в архиве или передать моим родным – двоюродным братьям и племянникам в Лыхнах. Пусть служит им памятью обо мне и об этой горестной странице нашей истории. Будьте счастливы.

Люся Тарнава.

Дневник

пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года

Мои наблюдения, размышления, факты

Сегодня - **5 декабря 1992 г.,** и я решила начать писать дневник. Поздно, это нужно было начать раньше, но я не догадалась и не до того было. Дневник оставляю будущим потомкам абхазов, если они останутся, и историкам при написании истории Абхазии этого периода. Если она будет еще, эта история Абхазии. Если погибну, прошу передать дневник историку Ст. Лакоба, если он будет жив, или Лене Маргания, моей подруге, она найдет кому его передать. Не буду делать никаких анализов и выводов. Пусть это делают те, кто прочтет дневник. А стану описывать лишь факты и события, свидетельницей которых я буду или того, что слышу вокруг себя ежедневно. За погрешности в печатании и возможные опечатки прошу заранее извинить. Днем, как правило, борьба за существование, некогда писать, а по ночам горит всего лишь коптилка или свеча – плохо видно что печатаю. Керосин в лампе жалею – он стоит 40 р. за 1 л (тогда) да и нет его тоже. Прежде чем начать дневник, я все же опишу события вкратце и состояние и положение нашего г. Сухума и нашей жизни на сегодняшний день. Опишу прямо по тематике, чтобы полнее все охватить и ничего не пропустить.

Итак:

Моя боль и переживания личные. Через месяц после войны, т.е. ее начала, отправила племянника, Леву, 26-летнего парня в сторону Гудаута. Ушел налегке, почти босой, в босоножках на босу ногу – сейчас же уже зима. Ничего с тех пор не знаю о нем: дошел ли, как дошел, жив ли, терзаюсь ежедневно и этим. Квартира его разодрана – двери, окна… Не могу прямо мимо идти, обхожу его дом стороной, т.к. мне плохо с сердцем, глядя на все это.

Наш бедный город. Один разор и запустение. С начала войны сожжены многие магазины, ларьки, до сих пор стоят закрытые с заколоченными фанерой витринами и надписи: «Магазин ограблен – нет ничего!» Весь асфальт искорежен гусеницами тяжелых танков. Вся набережная в комьях грязи из-за них же, привокзальная площадь – тоже. Двери вокзала забиты досками. На ж-д путях стоят разграбленные товарные вагоны с открытыми дверями, кругом пустые пачки из-под чая, открытые баночки из-под консервного томатного сока, люди тащили все,

что попадалось под руку. Порой даже не знали что тащат, т.к. вещь похищенная была еще в упаковке. Вдоль нашей улицы горы бытового мусора, выброшенного из частных мегрельских домов. И эти горы тоже состояли больше всего из-под пустых консервных банок, так называемой гуманитарной помощи, которая попала не по назначению, а в руки спекулянтов, мародеров и хапуг, которые ее потом же и перепродавали несчастным голодным людям, в основном русскоязычному населению. На этих кучах мусора вдоль улицы Эшба, основной нашей магистрали, валялись дохлые собаки и кошки, сбитые ошалелыми гвардейцами, мчавшимися на украденных у населения машинах, как сумасшедшие. Собаки еле плетутся от голода, трусят прямо по шоссе, где их и давят. Видела сама все это. Теперь стали сами жители частных домов сжигать осенние листья платанов и мусор вместе с ними. Стало чуть лучше.

Горят лучшие здания Сухума. Сгорели АБНИИ, здание архива, кинотеатр «Апсны», лучший детский сад морского порта и красавица гостиница «Рица» - визитная карточка города. Ходила сама смотреть, чтобы удостовериться и погоревать. Все так и есть. Даже еще тянет гарью. До боли жаль и библиотеку АБНИИ и красавицу гостиницу. Перед гостиницей стояли гвардейцы в черной и другой форме с автоматами в руках и довольно улыбались. Людей вокруг – ни души! Боятся выйти. Все это живо напомнило кадры кинохроники из времен войны 1941 года и фашистов довольных с автоматами наперевес. Ушла с горечью и злостью на все происходящее. Причем бедная «Рица»?

Таков наш город и на сегодняшний день.

Наши тяготы и жизненные проблемы.

Несмотря на то, что уже 4-ый месяц г. Сухум находится в руках и под властью Тбилиси и новых местных руководителей, никто абсолютно не спешит создать самые элементарные жизненные условия для людей, городского населения. Мы живем как при первобытнообщинном строе, нам лишь пещер не хватает. Итак, по порядку.

Вода.

С первых же дней войны город лишился питьевой воды. В домах ее не было совсем, кое-где во дворах шла и мы туда ходили «к черту на кулички». Потом и во дворах частных она исчезла. Стали ходить за тридевять земель к какому-то чудом сохранившемуся в наше время в Сухуме глубокому колодцу в частном русском дворе. Вся наша улица туда плелась. За день всю воду в колодце вычерпывали, за ночь она снова набиралась и мы ее днем снова вычерпывали. Голову мыла и стирала дождевой

водой, для туалета – тоже дождевая, если шли дожди. Потом вода все же как-то появилась, но лишь на первых этажах, немного на втором и не всегда, и в частных дворах. В общем и целом, воды все же в городе нет. Зато чистая водопроводная вода сочилась сквозь асфальт и текла по нашей улице Эшба. Видимо, гусеницами тяжелых танков асфальт был продавлен, а под ним и водопроводные трубы. Найти в таком случае неисправность – большая проблема. А разговоры вокруг о том, что это виноваты абхазцы – они все повредили. Вообще же чуть что, абхазцы виноваты. Надо же оправдать свою беспомощность. А считалось, что абхазские руководители никчемны для населения. Но у нас до 14 августа было хорошо и вода, и свет, и газ был бы, если бы не саботаж самого же Тбилиси.

Электричество.

Со 2-го ноября Сухум лишился электроэнергии, а мы возможности приготовить себе еду и вскипятить хотя бы стакан чая. Ведь газа давно нет. Ждали несколько дней, но света так и нет, и тогда все принялись устраиваться кто как мог. Запылали во дворах костры с варевом, стали устанавливаться в домах буржуйки, возникли керосинки, на лестничных площадках домов поставили пустые старые ведра, соорудив из них нечто вроде буржуйки… Появились на свет старые трубы, колена, решетки и люди, владеющие печным искусством. Все мы в саже, пропахли дымом, очистили подвалы от старой рухляди, и другая мебель пошла в ход. Из частных домов принялись рубить платаны, камфорные деревья и эвкалипты… Ну, платаны, ладно, если их рубить не низко, они снова отрастут, но эвкалипт, камфорное дерево… Погибает зеленый наряд города. Газета устрашает штрафом, но людям плевать. Главное – выжить и спастись. Рядом с нами бывшее общежитие постройкома №6. Там жили парни абхазы. Говорят, их вывезли на рытье окопов. Все общежитие разорено и разгромлено. Мебель выброшена для огня: добротные шкафы и столы. Библиотека профсоюзная при этом здании разгромлена. Стеллажи разобраны для костров, книги – на полу, но и их уже нет – разобрали кто для огня, кто похитил для себя. Вынуты рамы окон на огонь, разбирают паркет для костров. Такой вот разор, будто здесь варварские полчища прошлись. Будто люди не в своем городе живут.

Спать ложимся в 5-6 ч. вечера, как только стемнеет. День зимний и короткий. Почти никто не зажигает света. Свечи дороги, керосина нет и экономят. Мой сосед соорудил мне из аптечного пузырька коптилку образца военной поры. Фитиль из

бинта, наливают керосин. Она не коптит и в комнате все же что-то видно и можно передвигаться не натыкаясь на мебель.

Сосед же соорудил мне и печурку самодельную из квадратной банки жестяной с трубой и ржавым коленом, которое я нашла на свалке. Готовить на ней сложно и долго, но разогреть еду можно в ковшике и вскипятить стакан чая, кофе или какао. Такая роскошь – порошок немного остался. А молоко сухое купила на кондитерской фабрике по 100 р. за кг.

Газ дали на два дня. Сообщили, что неисправность где-то в Грузии устранена и газ обещали. Но потом он вновь исчез и похоже навсегда. Грузгаз нашему городу отказал в подаче газа. Видимо кто-то рассчитывает, что население города без воды, газа, света и тепла скорее перемрет. Нужна ведь территория без населения. Население они потом свое привезут откуда нужно, а мы лишние. Се ля ви, как говорят французы.

Купила газ. «Демократическая Абхазия». Не верю я ей. Но все равно читаю – какие-то крупицы правды о нашей жизни там есть. Так вот. Редакция газеты дала телеграмму лично Шеварднадзе о возможном социальном взрыве в г. Сухум, если населению не дадут хотя бы газ для существования. Просят давать хотя бы 2 раза в неделю. И неисправность там давно устранена, а газ все так и не хотят давать. Тем более при абхазском правительстве нам его никогда бы и не дали, если даже сейчас не дают.

Стволы срубленных платанов частники домов – мегрелы утаскивают к себе во двор и распиливают на зиму – они-то спасутся – а ветки и прочий хворост подбирают старушки из коммуналок, и я в том числе. Они-то, мегрелы, спасутся. В первые же дни войны ими были разграблены все склады города и магазины – они всем запаслись. И хлеб в их руках – дают в первую очередь им и тем семьям, где служат парни в гвардейцах. Привезли к нам во двор на машине хлеб и давали его в первую очередь соседям – мегрелам. Я разбежалась, но мне сказали: подожди! Потом все же сжалились и дали, а русские соседи не получили, хлеб – отказали им.

То же самое и у хлебозавода. В очередях стоят, в основном, лишь русские, армяне и прочие, кроме привилегированного населения – грузин и мегрелов. Их в очередях очень мало. Они приезжают на своих машинах ночью, под утро к хлебозаводу и берут его там без всяких очередей и проволочек. А мы стоим днями и ночами и то не всегда нам достается. Такова демократия!

Недалеко от нас Сухумский винный завод. С первых же дней его разорили и ограбили. Все тащили оттуда вино в ведрах, бочках, бутылках. Все вокруг пропахло и пропиталось винным духом.

Мой дом и соседи. В доме живет мало абхазцев, которые с началом войны все сразу уехали. В нашем подъезде осталась я одна на первом этаже. Почему я не уехала? По многим причинам. Во-первых, отчасти доверилась соседям, думая что не причинят они мне все же зла. Во-вторых, надеялась, что этот кошмар вот-вот кончится, но он не кончался. Еще когда Леву отправляла в Гудауту, можно было пройти через нижний Гумистинский мост. Тогда там стояли по обе стороны моста миротворческие силы русских войск. И тогда я не ушла, надеясь, что все скоро успокоится. Кроме того, мне было страшно бросать свою квартиру на произвол судьбы и лишаться всего нажитого за 40 лет работы. Я уже старая и пенсионер, мне теперь ничего не нажить и оставаться в одном платье до конца жизни – такая перспектива меня не прельщала. Сдерживало и то, что идти в Гудаута совершенно без денег и садиться на чью-то шею, лишний рот, а там и так не сладко без меня. Я хронически больна и вне своего дома больше недели нигде жить не могу. И не захотела я быть беженкой неизвестно на которое время. Пенсию не дают месяцами. Сейчас кончается декабрь, а мне последний раз пенсию дали лишь за август. Пожилому и одинокому пенсионеру жить не на что. Мы были с Левой, моим племянником, на грани голода. Потому я его и отправила, решив сама тянуть и голодать одной. Но стало невмоготу, и пошла на бывшую работу. Попросила хотя бы временно надомную работу, чтобы получать какую-то зарплату, чтобы не умереть с голоду. Дали такую работу. И теперь ношу с работы домой карточки и работаю с ними. В основном по ночам при свете коптилки, т.к. днем идет борьба за выживание: вода, дрова, огонь, очереди, хождение пешком на работу, а оттуда на рынок. Все время пешком! Транспорта почти нет. Троллейбусы стоят из-за отсутствия эл. энергии, иногда ходят автобусы, но проезд стоит 5 р. в один конец. Мне это не по карману. Если бы не работа, дарованная мне моей родной бывшей библиотекой, мне пришлось бы так или иначе бежать из города, чтобы спастись от голода. Работа меня пока кормит.

Итак, соседи. Пока никто из грузин – соседей меня не обидел, хотя и заботы никто не выказывает. Но и на этом спасибо! Ведь почти все квартиры в Сухуме абхазцев ограблены, машины экспроприированы гвардейцами, на которых они и мчатся как ошалелые, давя в городе собак и кошек. Квартиры уехавших абхазов непременно грабят. Тех, кто остался, тоже посещают под видом обыска и поисков оружия – и тоже грабят. Некоторые квартиры посещают по несколько раз и добирают, что осталось от прежних грабителей. Иногда жильцы вызывают полицию. Полиция приедет, похлопает по плечу грабителей и спокойно

уезжает. Мол, молодцы, действуйте так и дальше. А иногда и полиция, говорят, помогает дограбливать. У И.О. вывезли даже всю мебель из квартиры. В моем подъезде 3 абх. квартиры и все уже ограблены. Меня пока Бог миловал. Но еще не поздно. Каждую ночь жду «гостей». Особенно, если абхазская сторона станет одерживать победу, вот тогда неизвестно, что с нами от злости сотворят. Но пока я живу и молюсь! Наш подъезд вечером закрываем на засов. Но пришли гвардейцы и стали стучать автоматами соседке на первом этаже: открой, будем стрелять! Она грузинка. Испугалась и открыла засов. Спросили, где квартиры абхазцев. Она указала на уже ограбленную квартиру, хозяева которой давно уехали из нее. Выломали дверь ногой и вошли. Брать там уже нечего – одна мебель стоит. Спросили, где еще. Она им ответила, что больше в подъезде нет. А могла и указать пальцем на мою квартиру. Д.Г. – моя соседка по площадке этого не сделала. Она спасла меня этим. И вообще из всех соседей в подъезде остались лишь все русские. Семь квартир русские, все остались и не думают уезжать.

Они почти все с началом войны от меня как бы отстранились. Даже те, с которыми я прежде была в дружеских отношениях. Я это расценила как трусость и предательство. Они боятся, что общение со мной скомпрометирует их перед соседями – грузинами, которые расценят это как поддержку абхазам. Можно ли их судить за это строго? Не знаю! Но вот соседи моей приятельницы – абхазки В.Т. из соседнего дома, русские, живущие с ней на одной площадке, ни на один день не оставили ее без внимания. Каждый день они к ней заходят посидеть, поговорить. Там, напротив она им сказала: не ходите ко мне, вас это может скомпрометировать. Но они отмахнулись: глупости! А мои вот так! Никто не заходит никогда, не заговорит, слава Богу, хоть здороваются и то не все и не всегда. Странно при этом, что мегрелы – соседи ко мне относятся лучше, чем трусливые русские. Одни из русских ненавидят абхазцев и поддерживают грузин, другие втайне сочувствуют абхазам, но боятся это выразить, третьи откровенно говорят, что им все равно кто будет в Абхазии у власти: кто будет, к тем и примкнем, нам главное, чтобы был хлеб и жизненные удобства.

Как был прав один автор – грузин, писавший еще до войны в газ. «Республика Абхазия» статью, где он, пытаясь очернить Воронова и в его лице русское население Абхазии, писал, что случись война, насмерть будут биться лишь грузины и абхазы, как за свою родину, а русские сразу побегут прочь, потому что для них Абхазия не родина, а всего лишь «кормушка». Как раз для Воронова-то она родина, и для другой, старой, потомственно-

русской интеллигенции, чьи предки жили в Абхазии еще в XIX в., а вот для остальных русских…

Интеллигенции почти нет. В основном это простонародье, думающее лишь о куске хлеба, много пьяниц, бомжей. Все они остались и никуда не уехали. На фоне выезда грузин и абхазов их стало больше видно. На кучах мусора вдоль улиц груды путсых аптечных пузырьков из-под настойки пиона. Оказывается, бомжи это сейчас распивают вместо спиртного. Одно отребье осталось. Все они понаехали в Абхазию просто к теплому климату, морю и дешевым фруктам – родины у них никакой нет.

И вот такие у меня, увы, русские соседи оказались. Я страшно одинока. Перемолвиться совершенно не с кем. Сама к ним не хожу, т.к. боюсь, что им это сейчас не по душе. Надо же выслужиться перед соседями – мегрелами. Хожу к В.Т. в соседний дом и там изливаю наболевшее. И она ко мне не заходит – стара, больна, ей не до меня. Вокруг меня один вакуум, пустота! Такое вот общество и люди в тяжелое время. Страшно то, что ни одного интеллигентного человека нет рядом. Меня русские осуждают и за то, что я не сижу на лавочке перед домом со всеми и не перемываю косточки неприятелю, то бишь абхазам. Но я и в лучшие времена не имела привычки сидеть без дела на лавочке. А теперь сидеть и ругать не тех, кто стреляет отсюда орудиями «Град» в моих соплеменников, а тех, в кого стреляют. Но это же верх кощунства. Говорят, раньше не сидела на лавочке, а теперь НАДО сидеть с ними. Такая вот «дипломатия» и «политика» трусости и предательства. Но это не по мне. Не общаюсь ни с русскими, ни с грузинами. Но и абхазцы, оставшиеся в городе, как обычно, не дружны, не спаяны, не солидарны, часто избегают друг друга… Может ли такой народ отстоять свою свободу и независимость? Не знаю.

Беженцы и морской порт.

Услышала, что будет катер с абхазами – беженцами в сторону Гудаута. Написала письмо брату в Пицунду и решила передать туда с кем-нибудь. Пришла на причал порта. Огромная вереница людей. Не поняла кто стоит в очереди на причале. Спросила, не в Гудаута ли едут? Мне ответили, что в Гудаута сейчас едут лишь сумасшедшие. Отошла и стала наблюдать. Подъезжают легковые машины. Мужчины высаживают своих жен, сестер, матерей, дочерей с огромными баулами, чемоданами, мешками с барахлом. Все стоят в очереди к кассе. Все несколько катеров под грузинским флагом идут лишь в Поти и Батуми. Билет стоит 310 р. Говорят, что многие из Поти и Батуми поедут дальше и окружным путем на пароходе в Сочи , а оттуда и в Россию. Ни

одного катера на Сочи, в Гудаута так и не дали. А должен был быть под флагом Красного Креста. Не было. Так и остались еще многие абхазцы в Сухуми – никто о них с той стороны не позаботился. Осталось, в основном, одна абхазская интеллигенция – многих вижу порой на рынке.

Итак, грузины отправляют своих домочадцев, а сами остаются защищать свои дома и машины. У них все – деньги крупными купюрами (видела, как брали билеты), дома, машины – и они ущемлены. А я, абхазка – привилегированная нация. Живу в темной бетонной холодной и сырой маленькой квартире, а мои родственники, работающие в Сухуме, в полуподвалах богатых мегрельских особняков на квартире. Это я уже скатилась на выводы.

На колхозном рынке так много гвардейцев с автоматами, что среди них надо пробираться как сквозь строй. Покупают экзотические фрукты, которых они в своей Восточной Грузии никогда и не видели, например, фейхоа. Благодатный край, как за него не воевать! В порту стыла на холодном ветру и ждала обещанный в Гудаута катер, у одного гвардейца нечаянно выстрелил автомат. В самой гуще очереди. Люди отшатнулись в испуге, а он стоит и смущенно улыбается. На пристани, где ресторан «Амра», тоже стояли гвардейцы и неизвестно по чему и зачем-то палили. Может и по чайкам или просто так. Я ушла и стала за грузовую машину подальше от греха.

На нашей троллейбусной остановке был трагический случай. Люди ждали автобус. Мимо проезжала военная машина со снарядами. Один из снарядов выскользнул и полетел на остановку, где были люди. Солдат только успел крикнуть: «Разбегайтесь!», но было уже поздно. Снаряд взорвался, погибли люди, были и раненые.

В городе часто беспричинно палят из автоматов. Но почему если в нем нет неприятелей?

Новый первый заместитель министра обороны, фамилия вроде Камикадзе (Комкамидзе. – Ред.), выкопанный Шеварднадзе на Украине и призванный помочь созданию в Грузии профессиональной армии, справедливо написал в своей статье, что армии, как таковой, в Грузии еще нет, это всего лишь добровольцы, дисциплины у них никакой, и они должны не шастать по городу с автоматами в руках, а тем более беспричинно палить, а находиться в своих казармах. А они шастают, создают угрозу населению. У хлебной очереди, когда наводят порядок, постоянно палят из автоматов. Люди привыкли. Голуби сначала разлетались и прятались. Теперь тоже привыкли. У нас хлеба теперь без гвардейцев не возьмешь. Только они и стоят с

автоматами и наблюдают за очередью. Люди, как взбесились, и лезут, отталкивая слабых и больных. Озверели люди!

Местные гвардейцы и их семьи получают часто вне очереди хлеб. Им хорошо платят – по 8-10 тысяч р. в месяц. Между тем, старикам пенсий не выдают и зарплату вовремя – тоже.

На рынке сразу видно расслоение общества. Особенно в мясном ряду. Мясо 200 р. за кг. Толстосумы и гвардейцы покупают по несколько килограммов сразу, а нищие пенсионеры, в основном это русские, перебирают лишь косточки, которые, даже голые, без признаков мяса, отполированные прямо, стоят 50 р. за кг. Протягивающим руку нищим иногда отрезают кусочек мяса. Русские полунищие уже раздражают на рынке торговцев и людей. Да, и жалко, и раздражают. Видела, как нищий бомж стянул пучок редиски у торговки. Она его догнала, отняла и принялась этим пучком бить его по голове, что-то приговаривая. Редиски разлетелись. Он поплелся дальше. Видела, как вполне приличные на вид старушки русские стоят перед торговками капусты и просят верхние листья от капусты не выбрасывать, а давать им, а сумки держат раскрытыми наготове. Один грузин разозлившись на них, подошел, схватил кочан капусты и принялся бить им по голове русскую старую женщину, кочан распотрошился, он схватил другой и опять стал бить, пока его не прогнали. А она, бедная, даже не отошла и ничего не сказала. Расправившись с абхазами, грузины прогонят отсюда вскоре и русских, которые их уж очень раздражают своей бедностью и нищетой. Уже в очереди разговор: «Тут будут жить лишь грузины и абхазы!» Вот так-то! Но русские не уезжают, надеются, что грузины расправятся с абхазами и жизнь у них снова наладится. Наивные надежды! Вот абхазы – то их может и не погонят отсюда, а мегрелы – как сказать! Поживем – увидим!

У меня создалось негативное отношение к русским из-за их выжидательной и нейтральной позиции: где есть хлеб и еда – там и родина. Но ведь в России-то больше хлеба и еды. Тут им совершенно плохо. А почему бомжи остались? На что надеются?

Потери бывших сослуживцев, подруг.

Умерла библиограф нашего отдела Л.П.Х. Вынесли хоронить в 2 ч. дня – на кладбище не очень пускают – там стоят установки «Град».

Умерла моя соседка и приятельница, русская, Л.И. Обострение шизофрении от такой жизни, нервное истощение. Исхудала как скелет. 3 дня лежала мертвая на своей постели в спальне. Скрюченная, на боку, с открытыми глазами. Ее сожитель, бомж Л., скрыл ее смерть от соседей, никого не впускал – он

отпетый алкоголик. Затем соседи прознали и влезли через окно, открыли дверь. Выпрямить Л.И. так и не смогли, закрыть глаза – тоже. Хоронили без гроба. Завернули в простыню, затем в байковое одеяло, положили на носилки и, как мумию, понесли ее мужики на кладбище. На дно могилы положили дверь от шифоньера, затем ее, а сверху засыпали сырой мокрой глиной. Я купила ей 3 розовых бутона (она так любила цветы) и положила ей на могилу. Никто больше не принес ни цветка, соседи вообще не пошли на кладбище. Были я, невестка Л.И. с подругой и 3-ое мужчин их знакомых, что копали могилу и понесли ее на кладбище на носилках. А ведь у Л.И. есть взрослые и сын и дочь, но их в Сухуме не было.

Умерла зав. чит. залом В.К. Диабет в тяжелой форме. Была все время на инсулине и уколах. Но из-за отсутствия света, воды и огня не могла себе сделать своевременно укол инсулина. Диабетическая кома.

Видимо, кому-то надо, чтобы от таких тяжелых жизненных условий поскорее все слабые перемерли. Как бы выдержать, выстоять назло таким недругам! Как бы все силы собрать свои в кулак. Но нет здоровья и возраст.

Говорят, что некоторые гвардейцы бросают оружие и удирают к себе в Грузию. Но это дезертирство – их по головке за это никто не погладит. Зато вливаются новые из числа местных мегрелов. Уж они-то никуда отсюда не побегут.

Вот так-то – с войной нам принесли лишь разор, запустение, грабежи, мародерство, пожары, голод, холод, а за 4 месяца правления городом не дали даже самых элементарных удобств для городского населения – ни воды, ни огня, ни света, ни тепла… Ни хлеба! А если хлеб и бывает иногда, то достается с превеликим трудом и не всем и не всегда. А ведь в Сухуме войны нет, хотя он и прифронтовой город. Почему не наладить элементарные условия для жизни оставшегося здесь несчастного населения. Возможно, ждут, что так оно скорее перемрет, освободится территория, которая в основном-то и нужна, а не живущие на ней людей. Жаль, что сами местные мегрелы еще в плену иллюзий и не понимают этого. Им все кажется, что наладить свет, воду, тепло, и огонь не дают бессовестные, по их мнению, абхазцы. А своих правителей они не винят ни в чем.

2 декабря 1992 г.

С утра пошла на работу и зашла по пути на рынок. Бог меня миловал! Только вышла с рынка, как туда попал снаряд с той, абхазской, стороны. Естественно, по ним долбят круглые сутки и они молчать без конца не станут. Во дворе у нас возмутились, что

снаряд брошен именно на многолюдный рынок. Я пыталась доказать, что снаряды не управляемы и с той стороны не считали, что он непременно попадет на базар, и что оттуда тоже станут в конце концов падать на нас снаряды, поскольку и на них бросают. Но на меня налетели, что я, мол, оправдываю варварство и то, что снаряд бросили в многолюдное место. Погибло много неповинных ни в чем людей. Один русский парень из дома напротив нашего. Вечером видела, как его военные привезли под простыней на грузовичке. Мать – уборщица, единственный сын.

Я замолчала и ушла. Лучше всего молчать. Я сказала, что ведь и Эшера раздолбали, но ведь и там жили люди в домах. Но это, оказывается, можно, а вот на Сухум ничего бросать нельзя. Такая вот «демократия!».

Хлеба все нет, пекарня гражданскому населению ничего не выдает. Видела на базаре, как гвардеец бросил нищему десятку, щедрые черти! На таких и нищие молиться будут. Теперь опасно выходить и на базар, и на работу.

3 декабря 1992 г.

Говорят, что после вчерашнего попадания снаряда на базар, там почти не было людей. Люди боятся туда идти. Кто же нас кормить станет, если не базар? По радио сообщили, что погибло 12 чел., более 30 ранено. Из них, как мне стало известно, две абхазки. Попало 3 снаряда. Но моя знакомая абхазка сказала, что видела, как снаряды летели не с абхазской стороны, а с грузинской, со стороны Лечкопского кладбища, где и стоит установка «Град». Другая версия. Ее выдвинули сами две грузинки: на Маякский причал прибыло судно с оружием для грузинских гвардейцев. Узнав об этом, гудаутцы выпустили по ним снаряды. В ответ полетели снаряды Грузии, которые и залетели вместо абхазских позиций на базар. Кто знает правду?!

И еще говорят, что гвардейцы ужасно пьют: им поручили отвезти дрожжи для хлебозавода. Они их повезли вертолетом, но выгрузили не туда, куда надо. Хлеба уже неделю нет. Вероятно, из-за отсутствия дрожжей. А говорят, что их продали.

Слышала, что в лагере у гудаутцев недовольство среди северокавказцев: они воюют, а абхазцы удрали в Москву и там пережидают события. Зато хвалят мне очамчирцев – хорошо воюют.

Сосед Игорь соорудил мне печурку из большой квадратной банки из-под маслин. Даже с трубой и коленом. Выставил ее на подоконник за окно. Иначе нельзя. Дымит она безбожно, но что-то сварить и подогреть на ней можно: ковшик с супом, вскипятить чай. Были бы дрова сухие! Вся квартира пропахла дымом. И я

пахну, вместо духов, копченостями и дымом. Руки стали, как наждачная бумага. Собирала на ул. Эшба кору эвкалипта и хворост для своей печурки. Будь газ, вообще бы не выходила на улицу, во двор. Лучше не маячить перед соседями. После трагедии на рынке они стали еще больше коситься на нас, абхазцев. Я живу, как на вулкане, или под дамокловым мечом. Но деться некуда. Страшно идти, но все равно надо идти на рынок и за зарплатой. Ведь есть-то нечего.

В соседнем доме, в однокомнатной квартире случился пожар.

Там жила одинокая психически больная пожилая женщина. Все ее вещи выброшены на улицу через окно и валяются на тротуаре, а квартира черна от копоти, а о ее судьбе мне ничего не известно. Она – русская, ходила обычно в бесплатную столовую для бедных. На фоне отъезда грузин и абхазцев из города, стало видно, что остались тут одни почти русские. В домах почти они. В своей извечной стихии – борьбе за выживание, они проявляют чудеса изобретательности, но не уезжают.

4 декабря 1992 г.

После трагических событий на рынке почти не было покупателей и продавцов. Купила 3 кг. мандарин по 5 р. Была и этому рада. Зарплаты не дали. Ее уже всегда задерживают. По дороге с рынка домой видела в кучах мусора много одноразовых шприцев. И у вокзала, где сквер.

Хлеба все нет. Осталась буханка белого черствого хлеба. Молюсь на нее! Буду варить на костре под окном суп без мяса на комбижире. Уже и есть не хочется. Перешила юбку на пятую петлю для крючка – так похудела. И на моем круглом и полном лице сразу обозначались морщины. По дороге нашла досочки для костра и на работе взяла 5 шт. старых, оторванных от пола паркетин – они уже все равно не годятся. На берег за корягами идти боюсь, там часто палят из автоматов. У Левы в квартире уже сорвали и занавеси и шторы. Стала пить по ночам элениум, чтобы меньше нервничать и не просыпаться. Ложимся в 5-6 ч.вечера, как стемнеет. До 11 ночи я за это время высыпаюсь, а потом не сплю почти до утра, ворочаясь в постели, и, Бог знает, что за это время не передумаешь. К утру засыпаю, когда надо бы вставать на рассвете. Элениум не помогает. Пью и адельфан, пока есть, от давления. Я и без снарядов умру от всех переживаний и волнений. Все, что только можно, люди тащат к своим буржуйкам и кострам и жгут. С утра во дворе пилят и рубят что попало.

6 декабря 1992 г.

Вот уже вторую ночь идут страшные бои в районе Гумисты.

Не могла уснуть. С каждым разрывом холодеет душа – может кто из моих погиб! Это просто пытка. В квартире так холодно, что при разговоре изо рта идет пар. Сплю, надев на ноги две пары шерстяных носков. Дорубила ящики из подвала на дрова. Все стоит и лежит в передней. Грязь и мусор от этого неимоверная. Надо вымыться и помыть голову, но как при таком холоде? И погода против нас. Так рано пришла зима и похолодало. Надо встать сегодня в 5 ч. утра и выйти в очередь за хлебом.

На улице почти не сидим и не гуляем. Вынуждены просто выходить по дрова, по воду и т.д. Вокруг местные мегрелы из частных домов вооружились, стали – гвардейцами и ходят с автоматами. Рядом со мной соседи – тоже гвардейцы. Вот такое «прелестное» соседство. Как себя чувствовать в такой обстановке. Пока они нас не трогают, но а вдруг им что-то стукнет в голову или абхазцы организуют наступление на Сухум? Пощадят ли нас тогда, не расправятся ли от злости в отместку? В целом доме я – одна абхазка – пожилая, больная. Одинокая женщина. Не напомнят ли нам Гагра, которое, собственно, было уже после Очамчира, где они также хорошо покуролесили. Но это у них не в счет. Справедливостью тут не пахнет. Соседи – грузины, объясняя мне, что меня ведь никто до сих пор не обидел, сказали мне просто: мы не такие! А, значит, абхазцы – вот такие! Изверги и нелюди! Кто знает?! Нет, я не оправдываю зверство по отношению к мирному населению ни с той, ни с другой стороны.

Ходила днем за хворостом и корой к финскому универсаму. И там разбиты витрины магазинов, а на повороте стоят дежурные автоматчики. И их очень много. Проверяют машины. Они тут кругом, как нашествие саранчи.

7 декабря 1992 г.

Сегодня вышла к хлебозаводу в 4 ч. 30 м. утра. Еще темно, холодно, но сухо. У завода уже немалая очередь. Через несколько минут тихо прогудел самолет и ушел в сторону нижнего моста р. Гумиста, а вскоре оттуда раздался взрыв. Видимо, сбросил бомбу на абхазские позиции. Затем там же небо просветила пунктиром ракета несколько раз. Ракета быстро осыпалась, рокот реактивного самолета – и все стихло. И вдруг над городом, примерно, у вокзала, повисли осветительные ракеты. Они висели в небе долго, не таяли и стало светло, как днем. Будто светила яркая луна. Через некоторое время ракета растаяла. Так и не знаю, что это за маневры. Опять мы стояли в очереди в темноте и перекликались, кто за кем… В 7 ч. утра стали давать хлеб, и я взяла, о, слава Богу, два батона. Это были мои последние деньги – 12 руб. Хлеб давали хорошо и быстро, но под строгим надзором

полиции с автоматами в руках. Иначе не взять, потому что люди просто озверели: и старые, и малые, и любой национальности. Только под дулами автоматов и можно взять свой батон. Нас низвели до скотского состояния. И теперь мы не скоро станем просто людьми.

Днем разожгла костер и нагрела на нем воду дождевую для мытья головы и пресную – для купанья. Не хочется опускаться окончательно. Стоит сдаться, опуститься – и конец! На моей печурке сварила себе желудевый кофе с молоком, вскипятила чай для термоса и даже испекла яблочки, посыпав их оставшимся у меня с лучших времен сахаром. Какая роскошь по нынешним временам! Когда возилась с костром, раздалась канонада из «Града». Мы уже привыкли к этим залпам и под этот аккомпанемент занимаемся своим варевом, не обращая внимания на залпы. А в начале войны я от каждого автоматного выстрела далеко на улице бегала прятаться в ванную комнату. Теперь мне это смешно! Однажды сосед, возившийся недалеко от меня тоже с костром, показал мне осколок, упавший возле нас. Убивает наповал! А по виду легкая невзрачная штучка. Осколок этот нас не затронул. Мы же живем почти у линии фронта возле Ачадара. Но в Новом районе еще хуже. В первые дни войны, когда шли бои в Ачадара и рядом, пули залетели к нам в квартиры, впивались в мебель и мы прятались в ванной. Потом привыкли. Фронт передвинулся дальше. Одна тревога – что нас ждет впереди. Неужели опять новый Карабах на долгие годы? Днем увидела в очереди за хлебом бедную Ирочку Патейпа – преподавательницу АГУ. Эту умную, интеллигентную девочку. Мы – родственники. Ее дядя – Виктор Патейпа – мой крестный отец. И по селу Лыхны родственники. Живет в Нов. Районе совершенно одна в 2-х комнатной квартире. Мама умерла – она была русская. Совсем по абхазски не говорит. Повела я ее к себе. Показала чудо-изобретение соседа – мою печку и коптилку, чтобы и она могла соорудить себе эти «удобства» и «блага цивилизации», принесшие нам в Абхазию Эдуардом Амвросиевичем.

8 декабря 1992 г.

С утра пошла в библиотеку за зарплатой. Была зарплата, и деньги дали хорошие, с новой добавкой – всего 2.495 р. за две недели. Но покупать на них уже нечего. Ничего на рынке нет. Были продукты, у меня не было денег. Теперь наоборот. Люди боятся выносить товар, что-то и гвардейцы отнимают, говорят, у них. Голодно, голодно…

На работе услышала, что бомбят во всю очамчирские села и

разбомблен г. Ткварчели. У линейной ж-д милиции на ул. Чочуа множество добровольцев, еще без формы и оружия. Кругом гвардейцы, гвардейцы… На каждом шагу: на перекрестках улиц, на рынке, просто на улицах, на перроне вокзала… На перроне же стоял и танк. Это он взобрался через лестницу на перрон.

Зашла к знакомой Н.А. В их дом в 11 ч. ночи попал снаряд с абхазской стороны, как они считают. Крыша разворочена, но никто, к счастью, из семьи не погиб, а их в доме 5 чел. Все уже спали. Множество осколков больших и малых пробили стену, вышиблись окна, осколки тяжелые, металлические. А такая была у них красиво отделанная квартира после ремонта. Это частный дом. Н.А. дала мне черствого хлеба – спасибо им, они меня уже не раз выручали то хлебом, то мукой. Ее сын работает в «Колосе» - он грузин, а она очень интеллигентная русская. На абхазцев она не разозлилась. Лишь сказала, что сами ведь абхазцы по радио предложили вывезти из города население, и кто, мол, виноват, что мы тут остались.

Еле доплелась домой. Тащила еще паркет старый для своей печурки А дома новая неприятность – в доме В. увели парня абхазца, который там скрывался уже с начала войны. Его опекала молодая русская женщина рядом, соседка по площадке. Он ни разу ни в кого не стрелял, не хранил оружие. Увели в комендатуру. Конечно, выдали соседи. Рядом живет гвардеец. Соседки А. не было в это время дома. Узнав об этом, она побежала в военную комендатуру, рассердившись на соседей – мегрелов. У парня в Гудаута воюют 3 брата – он четвертый. Они ему наказали сидеть тихо в Сухуме и не рыпаться. Мол, если мы погибнем, хоть ты один должен остаться у нашей матери. Вот он и сидел. Тихий, такой хороший парень. И вот увели. Что будет с ним, Бог знает. Мы все здесь под дамокловым мечом. Чем больше они станут терпеть поражения военные, тем они будут злобнее и скорее с нами тут расправятся. За Гагры и т.д. Рассказывают ужасы об абхазах, натравливают против мирных абхазских горожан с целью мести. Кто же нас спасет и защитит?

Кажется их установку «Град» на кладбище разбомбили. Что-то она молчит сегодня. И поделом! Но у них есть установки и в других местах.

Все прогрессивные и интеллигентные грузины города тоже возмущены этой войной, танками, разбоем. Пока шла по нашей трассе, промчался один танк в город из Гумисты, а другой, наоборот, в сторону Гумисты. Как ошалелый промчался! Весь наш асфальт они продавили танками.

9 декабря 1992 г.

Встала чуть свет и пошла на рынок, чтобы добыть что-то съестное – к 1 ч. дня там уже ничего нет. Утром было мясо по 200 р. за кг. и даже печень – тоже по 200. Взяла того и другого – такая роскошь! А что делать, больше нечего абсолютно есть. Из печени сделаю паштет, чтобы было что мазать на иногда достающийся хлеб. Спасибо библиотеке - это она спасла меня от голода.

Сегодня ночью не стреляли – было на редкость тихо. С чего бы это? И тишина меня тоже пугает – может грузины прорвались в Гудаута и потому тишина у Гумисты.

Соседка В. – Алла, что опекала этого парня – абхазца, которого вчера забрали гвардейцы, вернулась из военной комендатуры ни с чем. Там ей сказали, что они таких парней не берут, т.е. таких, кто сидит дома без оружия и не воюет против них. Значит, это чисто местная инициатива, а именно, соседская, вокруг же и рядом живут мегрелы и среди них служат и в гвардейцах. Сейчас смотрю из окна, стоят во дворе у них и обсуждают что-то, размахивая руками. Наверно, этот же вопрос, о заложнике. Бог знает, что они самовольно могут с ним сделать, свершить и самосуд. Вот такие вокруг нас соседи. Нет, нет, как все уляжется, буду искать обмен и уезжать из Сухума. С меня хватит! «Молодцы» мои родственники – абхазцы – бросили меня тут одну на произвол судьбы и горя им мало. Главное, чтобы прописка их здесь была. Я погибну и как раз им кстати. По ночам от боли и горя разрывается сердце, от всего передуманного. Жив ли там Лева, другие ребята? Думает ли кто о том, как я здесь осталась и живу?

10 декабря 1992 г.

Никуда не ходила, была весь день дома и возилась с костром. Слышала, что в центре города, у молочного магазина, на ул. Октябрьской, полицаи и гвардейцы напились и устроили между собой грандиозную потасовку. Весь квартал был оцеплен и никого туда не пускали. Такая вот армия и наводители порядков.

Сегодня ночью была тишина редкостная. В очереди за хлебом В., одна абхазка сказала: не верьте им, что взят г. Ткварчели, если бы он был взят, они наладили бы подачу эл. энергии. Ткварчели стоит как форпост. Но как нам тяжело без света. Уже второй месяц из-за этого у нас информационная блокада. Одна информация из их «Дем. Абхазии» насквозь часто лживой. Прочла статью груз. «демократов» - депутатов Гамахария, Месхи и еще двух сванов – депутатов. Они назвали бывшую газ. «Абхазия» оголтелой, которая напечатала, мол, проект устройства Абхазии, Т. Шамба разработанный. И предлагают свой вариант. Конечно, я его просмотрела. Все в нем, как было при Сталине, Брежневе,

Хрущеве… Та же командно-адм. система, тот же диктат из Тбилиси, когда Абхазия без его ведома не может назначить у себя ни одно должностное лицо. Символика, мол, должна быть своя у Абхазии, но ничем не отличаться от грузинской. Спрашивается, зачем же тогда такая символика? Все рассчитано на простаков и наивных людей. И они сами, наивные, полагают, что пойдут на такое устройство своей республики абхазцы?! Лишь одни они умные, а другие все простаки. Вот и не будет конца противостоянию.

Говорят, что бои переместились в сторону Очамчира и потому у нас тихо. Похоже, им хотят абхазцы устроить «котел» сталинградский. Один из летчиков русских, наемник, бомбил в Очамчира абхазские позиции. Им платят огромные деньги за один такой вылет, обещают машину и квартиру в Тбилиси. В общем, кто даст больше! Как на аукционе.

У наших мусорных контейнеров было полно пасущихся там кошек и котят. Теперь их не стало – или перемерли с голоду или их разодрали и съели сами голодные бродячие собаки.

11 декабря 1992 г.

Пошла пешком на работу отнести просмотренные карточки и взять дргуие. Сгорел автовокзал и прилегающая к нему часть ж-д вокзала, где стояли камеры хранения. Крыша провалилась насквозь. Никто ничего не знает. Вернее, знают, но молчат. Они говорят, что это абхазцы сбросили бомбу или снаряд (но от снаряда такого пожара грандиозного быть не может), другие говорят, что сами гвардейцы там поссорились, подрались, у них были гранаты и другое оружие, которое и пошло в ход. Это вероятнее всего, потому что в эти дни я там видела на перроне и вокзале много фланирующих гвардейцев. Пока их там не было, вокзал был цел, как они появились, произошла трагедия с вокзалом. Какое теперь на очереди добротное здание?! Сердце обливается кровью от всего увиденного.

Выйдя из рынка, видела, как местные ребята с автоматами отстреливали несчастных голубей. На жаркое, по-видимому!

Тишина сказали оттого, что заключен договор о прекращении огня между абхазами и грузинами до 12 декабря. По-видимому снова выводятся российские войска. На кого же они нас бросают?..

Господи, спаси нас и помилуй. Избавь нас от таких «демократов» и их предводителя. Как он мог пойти войной на Абхазию? Чем он демократичнее Гамсахурдия. Во мне рождается ненависть. Это плохое чувство, но как быть?

Когда я несколько дней назад выразила сожаление своей

соседке – мегрелке по поводу сожжения гостиницы «Рица», она мне ответила: «Ну, ведь это не грузины делают, это хулиганы!» Мне хотелось спросить: «А из кого состоят эти хулиганы?» не спросила – нельзя! А ведь это не абхазы сжигают лучшие здания своего города – абхазов здесь почти не осталось, а те, которые остались, прячутся и это, в основном, пожилые люди. Русские и армяне тоже сжигать и делать поджоги не пойдут – они боятся и им это ни к чему. Так кто же остается из этих «хулиганов»? Кто повально ходит пьяным, колется наркотиками, стреляет в ни в чем неповинных голубей? Мясо их наверняка есть они не станут – у них достаточно денег, чтобы купить его и на базаре. Так кто занимается «загадочными» пожарами, как выразилась их же «Демократическая Абхазия?» Уж они-то знают кто и кто куролесит в городе.

12 декабря 1992 г.

Сегодня, по слухам, кончается перемирие. А что дальше? Встала сегодня поздно, в 9 ч. утра, т.к. ночью не спалось и уснула под утро. Пошла с утра собирать кору эвкалипта и др. топливо для костра и печурки. Во всех там закоулках стоят и бродят гвардейцы. На обратном пути с полной сумкой топлива (оно горит мгновенно и как бумага), встретила родственницу Э., что работает в больнице в отделении ухо-горло-нос. Она сказала, что с Гудаута у них тоже нет никакой связи. Знает лишь, что сын ее двоюродного брата был ранен и увезен в Москву. Сказала также, что ее двоюродная сестра Ч. с мужем тоже здесь в Сухуми и к ним уже 18 раз приходили гвардейцы. 18 раз!

У дома на нашем клошарном рынке купила петрушку и 5 кг мандарин. Фрукты в этом году дешевы, потому что покупать некому – население разъехалось и отдыхающих нет и теперь уже давно наверно, не будет.

Некстати, вчера поранила палец, рубя досочки от ящика. Теперь не постирать, пока не заживет. А все такая проблема, что дальше уж некуда! Хлеба осталось полбатона, а потом надо доставать, вставать ночью и стоять по 8 ч. в сутки в очереди. И дают-то всего 2 батона. Один – мягкий, уходит в первый же день, а второй, черствый, уже съедается медленнее. И сколько так не по-человечески жить? Все это мы уже прошли в детстве и отрочестве во время второй мировой войны, думали, что хоть старость будет сносная, а не тут-то было – еще хуже, чем во время последней войны. Тогда хоть карточки были на хлеб и гарантировано 400 г. на человека в день и др. продукты по

карточкам были.

Цены вздувают непроизвольно кому как вздумается в магазинах. Фундук очищенный недавно был на кондитерской фабрике по 90 р. за кг., сейчас – 120 р. за кг., а сегодня подошла к ларьку – уже 140 р. Но ведь я лишь позавчера брала по 120 р. ?! Вот так они надувают и без того страдающих и несчастных людей. Такие нечистоплотные люди, наживающиеся на беде. Во всякой блокаде так бывает. И ни на кого нет управы.

Сегодня к вечеру уже постреливали. В. говорит, что передышка была из-за обмена пленными. Сейчас тихо.

Ночью снился кошмар, в страхе проснулась. Теперь боюсь ложиться спать. С элениумом лучше, но нельзя же все время принимать транквилизаторы – привыкнуть можно и тогда вообще не уснуть. Днем лишь замочила белье в теплой дождевой воде, т.к. болит порезанный гвоздем при рубке ящика для печки палец, работала с карточками. К вечеру страшно ноет спина – это на нервной почве и от напряжения всего дневного. Будет ли спокойная ночь?

13 декабря 1992 г.

Сегодня день рождения бедняги Левика. Где-то он там? Жив ли, что поделывает? А если его заставили воевать? Он же даже гвоздя в стенку вбить не может. И никому не скажет, что он больной, что он – инвалид второй группы. Постесняется сказать. Никогда у него еще такого ужасного дня рождения не было, как нынешний. Все – то мама была рядом в этот день с подарками, то я – его бедная тетушка… был бы лишь жив!

Сегодня было без десяти два ночи, когда я вдруг проснулась от гула тяжелого самолета. Именно тяжелого, так он надсадно и тяжело гудел. И летел очень низко, прямо над домом. Спросонок мне показалось – он стреляет автоматными очередями. Но в кого? Все спят в домах, глубокая ночь, сквозь серую пелену неба едва пробивается тусклая луна. Я умом понимала, что надо вскочить с постели и бежать спрятаться хоть в ванной комнате от осколков. Но не могла подняться, так меня приковал к постели сон. Я ведь приняла таблетку хлозепида на ночь.

После этого так и не уснула. До утра! Не слышала куда улетел этот самолет. Встала затемно – не могла больше лежать. Сразу пошла к В. в соседний дом и спросила, не слышала ли она ночью тяжелого гула самолета. Она ответила отрицательно и сказала, что мне это лишь приснилось. Наверно, я схожу с ума, подумалось мне. И тут зашла к ней ее соседка по площадке. Я и у нее спросила о самолете. А она сказала, что да, был самолет, причем летел тяжело и низко. Значит, не приснилось. Это В.

крепко спала, хотя жалуется на бессонницу.

Сегодня очень холодно. Ветер, и печурку мою все время задувало ветром. Наплакалась от дыма – он просто выел мне глаза.

14 декабря 1992 г.

Говорят, что перемирие продлили до 17 декабря. Ну, а дальше что? Какая нам светит перспектива, если, как говорят, чеченцы уходят, поскольку Абхазия выразила желание присоединиться к России, а Дудаев против этого? Дудаевы приходят и уходят, а страны остаются. Кто знает, кто придет потом вместо Дудаева?

Все это большая политика и не моего ума, наверно, дело.

А вот во дворе у нас появился 15-летний мальчишка с охотничьим ружьем и отстреливает бедных птиц. С утра до вечера. Даже не жирных в это время дроздов, а бедных пичужек – воробьев, синиц и др. пернатых, голодных, слетевших к нам с гор за пищей и не получающих даже уже и у нас, т.к. нет никаких крошек хлебных, ни сала свиного, ни семечек для синиц. Все в прошлом! Когда я колдую со своей печуркой за окном, воробьи вьются у моего окна и просят есть. Так жалко, а дать им совсем нечего. Порой отрежу от себя ломтик и накрошу, но им это мало.

Была в библиотеке. В.М. сказала, что была в Новом районе и там, где стоят в ряд гаражи автовладельцев, роют окопы. То ли гаражи приказали снести, то ли еще что – не знаю. Но готовятся.

В городе полно появилось новых военных в пятнистой форме. Наверно, десантники.

Говорят, что идут переговоры между грузинами и русскими. Решено отвести противоборствующие стороны на несколько км. друг от друга, а дальше что? А дальше, видимо, будут уже диктовать сильнейшие и великие – грузинская сторона. Так и напрасно пролили кровь молодые люди. Все хорошо и гладко у них в «Дем. Абхазии» на бумаге. Там сплошь и рядом одна «демократия». Другое дело в жизни и в быту. Напр., мы и русскоязычное население уже насмотрелось на такую «демократию» и сделали свои выводы.

Ну, а что делать? Не воевать же без конца с ветряными мельницами, как воевал Дон Кихот. Это же бесполезно и себе дороже. Они были и останутся белой костью, а мы – чернью бессловесной. Как сейчас в хлебной очереди. Уже одна такая очередь говорит сама за себя. Даже слов тут не надо.

Сегодня я вышла за хлебом из дома в 4.30 ч. утра. Было еще

совсем темно и рассвело лишь часа через 2. Простояла до 11 ч. утра и удачно взяла хлеб, т.к. стояла близко. Другим не досталось. Зато всю ночь хлеб вывозили любым автотранспортом для грузинского населения, в города и села. Рафики, «Икарусы», фургоны разных типов, просто легковушки – вывозили и вывозили хлеб с завода, а люди стояли и мерзли молча на дворе. Длинная такая бессловесная темная очередь, в основном, из стариков и старух и, в основном, из русскоязычного населения и армян. Все всё знают, но молчат. Попробуй пикни! Даже спросить не смеют, будут ли давать им вообще сегодня хлеб или нет. Зато из другого, служебного окна, все выдается и выдается хлеб привилегированному населению по несколько батонов, и они, счастливые, уходят прочь, даже не глядя на нашу очередь.

Такова «демократия» новая по-«шеварднадзевски» и по-«надарейшвилевски» и прочих наших «демократов» несчастного парламента Абхазии.

Кресла, судя по газете, уже распределили, выбрали без всякого парламента новое правительство, новых министров, состоящих в основном из грузинской национальности и несколько абхазцев, вроде Св. Кецба, Р. Эшба и кое-кого еще типа марионеточных, которые устраивают новое правительство и считаются «истинными демократами» вроде Л. Маршания, этого давно известного демагога. На выборах в парламент Абхазии они ранее не вошли, разобиделись и вот сейчас взяли реванш и уже на «белом коне».

Ну, ладно. Это уже мои выводы, а я обещала писать лишь о фактах. Да, соседка – грузинка меня предупредила, чтобы я зря и лишний раз по городу не шастала: в заложники берут абхазцев, даже женщин. Лучше не высовывать носа. Но как, если ежедневно надо что-то доставать и искать вплоть до хвороста для печурки. Рассказывают о зверствах, якобы совершенных абхазцами в сел. Кочара, и нынешнее заложничество, мол, результат этих зверств.

В зверства верю плохо. Просто стараются восстановить простых людей друг против друга. Чтобы убивали ни в чем неповинных абхазцев в городе.

Вообще жить в городе становится опасно и страшно для нас.

15 декабря 1992 г.

В хлебных очередях чего только не услышишь! Рядом вполголоса один армянин рассказывал, как гвардейцы остановили троллейбус, идущий в Новый район (тогда еще был эл. свет и они ходили), вошли сразу в три двери троллейбуса и потребовали от пассажиров паспорта. Именно паспорта, а не какой-либо другой документ. Те их достали. И тогда гвардейцы

стали вырывать из паспортов ту страницу, которая заполнена на абхазском языке. Ведь данные в паспорте заполняются на трех языках у нас. Затем изуродованные таким образом паспорта вернули пассажирам. И этот армянин в очереди с недоумением и риторически вопрошает: «Что это!!!» А я ему тоже спокойно ответила: «Это – «новая демократия!»

Многие люди в городе разных национальностей уже давно сделали свои выводы, глядя на все происходящее в нашем городе. «Дем. Абхазия», как всегда о пожарах, с горечью пишет о пожаре ж-д вокзала. И ни слова о том, кто в этом повинен, кто совершил злодеяние и какие меры будут приняты к преступникам. А ведь ясно, как день, что все это совершили дислоцировавшиеся там несколько дней гвардейцы с одним своим танком на перроне. Они обитали в одной из уютных комнатушек автовокзала и чего-то там не поделили, разорвав при этом ни в чем не повинный вокзал. Пока их там не было – я ведь целый месяц проходила по перрону, идя на работу – вокзал был целехонек. Появились они – вокзал сгорел за пару дней их пребывания там.

16 декабря 1992 г.

Вечером, 15-го числа, опять раздались сильные взрывы в районе Новом. И сегодня утром – тоже. С какой стороны стреляли неизвестно.

Утром пошла узнать о пенсии – ничего нет. Оттуда с сумкой – за корой эвкалипта и хворостом.

По ул. Эшба туда-сюда опять дребезжали танки, в сторону Гумисты и обратно. Откуда-то со стороны Лечкопского кладбища тоже выполз танк. Вот такое оно, «перемирие» и «переговоры» до 17 декабря, как нам сказали. О чем, собственно, могут вести переговоры противные стороны, если то, что предлагает одна сторона неприемлемо для другой и наоборот?

Наверно, конца этой войне не будет.

Увидела по дороге опять Э.С. Она сообщила мне, что умер сын Х.Г. – Алик. Еще молодой мужчина. Это родственник моей двоюродной сестры. Завтра похороны в 1 ч. дня. Надо будет обязательно пойти. Пешком! Все пешком и всюду лишь пешком. Откуда брать на все силы.

Надо развести костер и постирать три дня замоченное белье. Все такое мученье – первобытная жизнь.

За комбижиром, который стоит 150 р.за кг., стоит огромная очередь, будто за сливочным маслом. Раньше его никто и в рот не брал. Опять мне приснилось, что Лева до Гудауты не дошел. Одолели меня тяжелые сны. Ни одной ночи без неприятного сна. И хлозепид с элениумом не помогают.

На ул. нашей Эшба через каждые 100-200 м стоит непременно гвардеец. Кишат они повсюду и везде. Как их много! Ведь и местные одели формы и пошли с автоматами. Разве все это абхазам одолеть? Надо же быть реалистами – или же унижение и еще более тяжелое рабство, чем при социализме, или просто гибель всего народа.

И все равно Л. Маршания я никак патриотом назвать не могу! Он печется лишь о собственном удобном устройстве, чего и добился. Во всякой нации есть такие люди. Но они – это еще не вся нация и не весь народ!

17 декабря 1992 г.

Поздно вечером, уже темно, и пришлось лечь из-за отсутствия света, несколько раз затрещал пулемет, где-то будто совсем рядом, так близко. Раздавались выстрелы. Было неприятно и страшно. Ну, в кого здесь в городе вот так можно ночью стрелять из пулемета или автомата?

Наверняка пьяные эти вояки и просто балуются, пугая бедных людей и без того живущих пещерной жизнью.

Была я вечером у В. в соседнем доме. Она лежала, я сидела рядом, держа на коленях и грея ее котеночка, которого она подобрала и приютила. Оказалась кошечка, и я ее назвала Сесилью. Она ко всем лезет на колени греться, а ночью пролезает к В. под одеяло и спит с ней.

Мы просто разговаривали при свете ее коптилки. Так рано спать ложиться не хочется, всего 6 ч. вечера, а дома и поговорить мне в квартире не с кем.

Возвращалась, наши уже закрыли дверь на засов. Рано закрывают. Пришлось беспокоить соседа, чтобы открыл мне парадную дверь. А за дверью стояли в это время еще две моих соседки и шутливо от меня потребовали: «Пароль, пароль!» Я засмеялась, пароль сразу не придумала, а потом мне пришло в голову уже в постели, что надо было сказать: «В «Колосе» в свободной продаже булочки с маком!» В самый раз и к месту, т.к. мы давно никаких булочек не видим

Ходила на похороны бедного А. (Алика Сангулия? – Ред.) – сына тети Х. По нынешним военным временам похороны были вполне приличные. И народу собралось немало. Конечно, были и грузины с соседних улиц, те, кто его хорошо знал с детства.

Абхазцев было мало. Даже среди их родственников многие отсутствовали – нет в Сухуме.

Роскошные букеты – роз, хризантем, оформленные в целлофан. Симпатичная, хотя и некрасивая жена. Квартиру, похоже, пока не ограбили. На месте вся библиотека, роскошная

хрустальная люстра… Уж ее бы сняли мародеры!

Вынесли в половине первого – так рано. Пошел дождь. На улице ждала машина скорой помощи – туда и поставили гроб, внесли цветы и сели близкие товарищи и те, кто должен был затем на кладбище гроб вынести и донести до могилы. Больше никто из родных в машину не вместился. Вокруг не было ни одной легковой машины. Во-первых, их уже все отняли у абхазцев, а и те, у которых она осталась, спрятали машины, боясь на них ездить. Не видела и большого автобуса для родственников и близких, желающих поехать на кладбище. Я не стала никого ждать. Дождь припустил во всю, я была, дура, без зонта, на дворе у меня висело для просушки белье и едва машина с покойником отъехала, я сама поспешила домой. Туда и обратно пешком! С ума сойти! Это от нас до ул. Кирова, где был городской нарсуд. Нарсуд разгромлен – осталась одна коробка от здания: ни крыши, ни окон, ни дверей. Вот такие варварства вокруг, будто гунны прошлись.

Пока шла домой, по дороге обогнал меня один танк в сторону Ачадара. Не оборачиваясь, я уже знаю, когда позади мчится танк, дребезжа и тарахтя.

Видела по дороге мою институтскую подругу – грузинку Н.Г. Поговорили от души! Она меня звала к себе. А это не сделали даже мои знакомые абхазцы в Сухуме. Вот и говори о национальности. Все дело лишь в людях, а не в национальности.

Она сказала, что новый комендант дал прикурить гвардейцам и теперь они так не шастают по рынку, как раньше. Чего им табунами по рынку ходить, только людей пугать своими автоматами. Всегда ненароком могут выстрелить – ведь среди них много пьяных и под наркотиками. Страшно было мне идти по улице на эти похороны. Надо меньше выходить в город вообще.

19 декабря 1992 г.

Сегодня день Николая Чудотворца. Ходила с утра в церковь молиться, просить Чуда у святого – спасти наш маленький народ, принести ему успех, спасти меня, Левика, Юру, всех моих родных и близких от гибели. Понесла фрукты к столу для покойных.

Идя по дороге в церковь, видела на перроне стояла электричка в сторону Очамчира. Почти новенькая, чистенькая, такие у нас раньше и не ходили. Пригнали, наверно, из Грузии.

Стоит так: в самом переди две дрезины пустые, за ними еще дрезина с мешками и песком. Это на случай диверсии и взрыва на дороге. Потом электровоз, а затем уже пассажирские вагоны. Едут в ту сторону, в основном, они. А кто же еще? Вот так бы ходила в сторону Гудаута!

После церкви, если уж была в центре (тяжело ходить пешком всякий раз), пошла на рынок купить хоть что-то что надо. Купила лишь цицмат – кресс – салат и белый редис. С тем и ушла. Рынок почти пуст. Меня нагнал в дороге опять дождь. Пришла усталая очень и мокрая. Ну и жизнь! А тут холод, надо печку топить, дым, сажа, копоть… Скоро и дровишкам моим конец. Тогда уж не знаю что делать, как сготовить еду.

А ночью бухало на Гумисте и довольно сильно. Сначала стреляют они, потом отвечают из-за Гумисты. Все равно спала – мы уже привыкли. А что делать?

20 декабря 1992 г.

Все же я простыла, идя с похорон А.С., когда шла без зонта под дождем. Сегодня промозглая погода. За окном идет мокрый снег. В квартире стылость, как в могильном склепе. В своей банке за окном все же вскипятила себе какао (даже пока!) и кипяток для термоса. Дрова на исходе, а мне очень нужно горячее питье. Принимаю все меры, чтобы не свалиться. Что тогда будет со мной? Есть калина в сахаре, малина, мед, лимоны, козий жир, сухое молоко… Но вот ноги попарить – проблема. Не очень-то нагреешь горячей воды без хороших дров.

Что с нами дальше будет? Зима в разгаре – ни света, ни газа, ни отопления, ни воды, ни дров… А сегодня, говорят, для населения и хлеба не было. Я не выходила никуда – нельзя, совсем свалюсь. Надо переждать простуду.

Мой сосед – летчик Ж.М. отвез 4 моих письма, чтобы опустить в Москве – Юре – брату в Пицунду сразу 2 письма, в Ригу и в Молдову. Очень нужно послать и в Гудаута 2 письма через Москву, но мама Ж. сказала, что он теперь уйдет в отпуск до января. Как я сглупила, что не подготовила ему сразу и гудаутские письма. Говорят, что где-то возле Маяка есть вертолетная площадка, откуда летают в Гудаута. Надо будет найти и передать хотя бы там через кого-то. Но боязно мне туда идти. Еще письма отнимут и саму прогонят или в заложники возьмут. Русским бы военным передать, что летают в Гудаута часто.

Хорошо, что вчера сварила себе еду дня на два-три. Готовить с открытым настежь в кухне окном, когда за окном идет мокрый снег, а я с гриппом – это самоубийство. Разогреть уже легче. Где найти потом дров?! Когда же кончится эта война? Приехал бы Левик из Гудаута. Так боюсь, что он потеряет и свою квартиру. Парень больной будет без своего угла. Какое жесткое время дня

нас. И это – «демократия!?»

24 декабря 1992 г.

Пролежала я несколько дней с гриппом. Совершенно одна. В доме была какая-то еда, даже шикарная по нынешним временам, но ни куска хлеба. И в магазине его давно нет. Был у меня говяжий бульон, рагу из свинины с горошком и картофелем, паштет из субпродуктов, сделанный самой, фрукты, сухое молоко. Пока работала, отъелась немного, набрала сил. А то и не помню, когда в последний раз ела мясо с началом перестройки.

Не видя меня 3 дня, В. пришла узнать что со мной. Я ведь к ней каждый день бегала в дом напротив, даже в день два раза иногда, излить наболевшее. Узнав, что у меня нет ни кусочка хлеба, даже такой шикарной едой не наешься, если совсем нет хлеба, она мне принесла целых полбатона. Вот такая жертва! Сама она еле ходит с больной нагой, стоит в очередях за хлебом, когда он есть, а потом раздает, то одной сестре, то другой, то собакам, то кошкам, то мне или еще кому.

Но В. пришла еще и потому, чтобы сообщить мне, что «их» прижали где-то «наверху», обещали устроить им экономическую санкцию, если не оставят в покое Абхазию и что нам нужно запасаться продуктами впрок. «Они»-то выживут, умрем первые мы, изнеженные абхазцы, чувствительные особенно к холоду. Но какие продукты, на что и где? Был бы эл. свет, работал бы холодильник и морозильные камеры. Можно было бы заморозить мясо, субпродукты. Но света нет и не будет стабильным, если и появится.

Опять ходят к колодцу на нашей улице и вычерпывают его за день до дна. В городе снова нет воды, опять какая-то авария. Снова абхазцы виноваты!

Ночью после ухода В. опять сильно стреляли. Просыпалась от залпов, мне показалось, что отсюда начали новое наступление на Гуд.р-н. Очень болела голова, плохо спала. И все думала, думала… Это наивно, думать, что такие санкции чем-то помогут абхазцам. «Они» вгрызутся в эту Абхазию зубами, чтобы не упустить. Без Абхазии Грузия как самостоятельное государство существовать не сможет – ведь у нее больше ничего нет для выживания, как страны. Опять я скатилась на анализы, но без этого мне трудно писать дневник. От злости за «санкции» они, наверно, так и громыхали ночью по абхазским позициям. Бедные там парни! Лежит снег, холодрыга, костров ночью разжигать нельзя, а они южане-мерзляки… Представляю каково им! И очень жалею! И наши, наверно, там.

На другой день после В. пришла из соседнего дома моя приятельница, старушка, бодренькая еще, за 80 лет, эстонка. В подавленном настроении. На ухо шепнула мне, что ей сказали, что через несколько дней тут начнется война. «Ну, а разве она уже не идет?», - спросила я ее. Очевидно, подразумевается наступление новое то ли оттуда, то ли отсюда. Все равно нам плохо!

В. накануне в городе видела крытые черным брезентом машины, в которых сидели бугаистые автоматчики. Прибыли, наверно, новые силы или куда-то отправляются еще.

Сегодня пойду в библиотеку – отнесу карточки. Может зарплата была. Попрошу З. и Л. меня поддержать и не лишать работы. Не от них это зависит – они бы с радостью, я - трудяга. Но сокращений не избежать – «они» обанкротились окончательно. Да если еще и санкции появятся… Мы, тутошние абхазцы и русские, и без «санкции» отдадим концы от голода и холода. А если уж и «санкции!»… Говорят, что будут теперь помогать гуманитарным образом западной Абхазии – Гудаута, Гагра… Ну, хоть за них порадуемся. Буду спокойна там за наших, если еще и Левик жив и там обитает. Мы умрем – они останутся.

Мы рассуждали, сидя с В., что войны этой могло и не быть, а жили бы мы с грузинами сносно и мирно, это нам более родственный народ, чем русские, по традициям, по обычаям, культуре, воспитанию, по родственным связям, если бы сами грузины не совершили столько ошибок и несправедливостей по отношению к абхазам.

Сначала это бесконечное переселение сюда выходцев из Западной и Восточной Грузии, затем стремление ассимилировать народ абхазский, а уж в последние годы с началом злополучной неудавшейся перестройки и совсем хорошо: постоянные оскорбления, унижения, высокомерие, старание абхазцев принизить, как «хомо сапиенса» - люди даже, мол, не второго, а третьего сорта; также безответственные публикации на такую же тему политиков, историков, ученых… И долбили, испытывая терпение малочисленного, но тоже горячего, свободолюбивого и самолюбивого народа, каким они считают лишь себя. Это и такие фразы, как «абхазы – мох на теле Грузии, который надо содрать», «Нам нужна Абхазия без абхазцев»… Изречения, вроде: «А кто такие абхазцы – разве это люди?» - услышанные мной в Тбилиси в 1950 г. от одной девчонки – дуры (от старших, конечно, услышала), это и выражение мегрела Л. из соседнего дома об абхазцах: «Живут на нашей земле и еще командовать хотят», это и мерзкий жест одной базарной торговки в очереди за хлебом, которая сказала: «Мы теперь абхазцев вот так!» - и сделала жест

ногой, раздавливающей на земле насекомое, клопа, например. Все это было и есть и терпение абхазского народа иссякло. И вот идет война! Теперь удивляются: «Почему? Всегда мирно жили! Воевали с общим врагом, но между собой – никогда!» Да, жили. Но опять-таки терпели. Абхазцы делали хорошую мину при плохой игре. Опять-таки абхазский такт и воспитание, абхазская сдержанность и степенство. А что дали АГУ и телевидение и т.д. и т.п., то не грузины это дали абхазам, а Москва тогдашняя, ЦК, чтобы как-то успокоить абхазский народ. Но опять по этому поводу сыпались затем попреки на головы абхазов: «Ах, вы, неблагодарные, мы вам дали то да это, а вы еще недовольны!» Занимайтесь своей культурой, а землю, на которой испокон веков жили ваши прадеды, деды и отцы, оставьте в наше распоряжение. Вот – тут-то и нашла коса на камень! И идет эта мерзкая война!..

Я понимаю, что политикам из Абхазии не сами русские нужны, а Россия, как сильное государство, которое сможет защитить в любое время Абхазию, взять ее под свое покровительство, помочь стать на ноги и уж никак никогда не воевать с малочисленным и безобидным народом. И я тут поддерживаю эту идею. А сейчас просто вся сжалась от ожидания еще худшего.

Слез у меня уже не осталось. Я их выплакала в первые дни войны, в августе, когда на нашей ул. Эшба гибли молодые парни – абхазцы в спешке отступая к р. Гумисте. Каждую ночь плакала, слыша автоматные очереди. А сейчас просто ком в душе и неимоверная тяжесть. Уж лучше бы плакала – мне было бы легче. А длинными ночами лежу и думаю, думаю так, что лопается голова. Ложимся-то в постель даже в 5 ч. вечера. Рано темнеет, света нет, экономлю керосин – вот и приходится ложиться с горькими думами. И еще холодрыга страшная – под одеялом как-то теплее. Если еще и воды для грелочки сумею нагреть на своей банке-печурке.

Россия, примет ли, поможет ли? Ельцины приходят и уходят, а Россия остается и останется навсегда. Над Ельциным и его кликой будет еще суд истории. Может, доживем до этого. Кто-то выживет из нынешнего населения бывшей страны.

Говорили всегда применительно к абхазам и грузинам: «старший брат (подразумевая грузин), младший брат - об абхазах», но если даже в семье старший брат будет все время третировать младшего, пилить его без конца и не видеть в нем человека, то даже он сбежит куда глаза глядят от такого старшего брата. Так чему тут удивляться? Бежит «младший брат» - абхазы, от такого «старшего брата» - грузин и уже бежал, куда глаза глядят, кто бы его ни принял на стороне (пусть Россия, пусть

Дудаев, пусть Турция) – лишь бы убежать без оглядки и не возвращаться. Вот такую я смогу провести тут аналогию. А говорить с «ними» невозможно, бесполезно, не умеют выслушать, понять… Ни разу не сели за стол с этим «младшим братом» и не спросили у него, почему он «бежит», чего ему не хватает? Даже младшему брату в семье дается своя доля в хозяйстве, которая лишь ему принадлежит, и старший ее затем не отнимает, потому что у него есть – своя.

Ладно, хватит выводов и анализов. Буду писать о событиях дальше, если они развернутся.

25 декабря 1992 г.

Соседка по площадке сказала мне, когда я пришла с работы, что приходили двое мужчин бородатых из Красного Креста. Один говорил по-английски. Жаль, что меня не оказалось дома. Они ушли. Сказав, что придут еще или пришлют письмо. Странные англичане! Откуда им известен мой адрес? И причем письмо, какое письмо они мне пришлют? Я никому ничего не писала, тем более в Красный Крест. Думаю, что это могут быть обыкновенные воры и пришли на разведку. Одинока, абхазка! Тем более, что на другой день я услышала, что в доме на ул. Эшба па пятом этаже в тот же день, когда приходили эти «иностранцы» ко мне, была убита русская одинокая женщина, предварительно ими ограбленная. Вот и открывай двери Красному Кресту! Никому не верю и говорить буду лишь в присутствии соседей. Если они и вправду англичане. Возможно, они просто хотели узнать, как ко мне относятся соседи – грузины и с такой миссией прислали их сюда. Но все это мне подозрительно. Идет война, убить могут от чего хочешь.

26 декабря 1992 г.

С утра пошла собирать хворост и кору эвкалипта. Хвороста уже почти нет, срубленных веток платана – тоже. Все подмели уборщицы улиц, листья сожгли, а хворост сами забрали. Скоро ни одной палочки валяться на улицах не будет.

С утра очень сильно громыхали установки «Град» и под эту канонаду я пошла за хворостом. В хлебном очередь. Стоит пока впустую. Хлеб печется, но дают лишь гвардейцам и их семьям. Сразу по несколько буханок. Мы – без хлеба. Господи, когда все это кончится?!

А я так надеялась этим «англичанам» передать письма родным в Гудауту и подруге.

Пришла В. со своей пустой коптилкой. Наполнила ей своим «подарочным» керосином. Как тяжело с готовкой пищи?! Вся я в

саже и мучаюсь с утра. Всего один раз по поводу какой-то аварии на газопроводе сидели в Тбилиси без газа – всего неделю! - и вопили по телевизору на весь мир: «Ах, Тбилиси будет жить неделю без газа!» Чтоб они сейчас так жили, как мы, месяцами и годами без газа да еще в разгар зимы! Пусть им все отомстится, господи, супостатам чертовым! Хорошо воевать на таком расстоянии, когда тебя это совершенно в бытовом условии не затрагивает.

27 декабря 1992 г.

Пришла Л. из соседнего дома. У почты очередь стариков за пенсией. Деньги затем принесли, но такими крупными купюрами – в 5.000 руб. одна, что ее нельзя нигде разменять. Деньги опять унесли в банк. Вот так уже поступают второй раз. Издеваются над стариками. В наше время выпускать такие купюры – это же лишь для миллионеров, а не для пенсионеров.

Ночью очень сильно стреляли. Наверно пытаются прорваться через Гумисту к Новому году. Сделать вот такой «подарок» Грузии – грузинскому народу. Представляю, какая будет там «мясорубка». Боюсь, что всех перебьют и сожгут деревни. А сделать это могут от злости, что так упорно сопротивлялись и не дали сломать оборону.

Сегодня ходила наша почтальон Нели и принесла мне эту крупную купюру достоинством в 5.000 для пенсии. Вот так! «Здравствуйте, я ваша тетя!», - как говорится. Мне же это «чудище» и принесли! Меняй как хочешь и давай тут же сдачи, а иначе пенсия тю-тю!

Надо было дать сдачи аж 504 р. Хорошо было дома 150 р., заняла у соседей 400 – сумела дать сдачи, уф-ф-ф! А где теперь мне менять мою купюру? Не у мясников же на рынке – надуют в два счета. Вот так они мучают бедных пенсионеров – пожилых людей.

Пенсию же с ноября назначили 1.570 р. Что это на месяц в сравнении с нашими нынешними ценами. Считай это всего 157 р. старыми деньгами.

Расплатились с нами по декабрь включительно. Оно и видно, говорили, что прибыли деньги в Абхазию – один миллион! Интересно, кто дал Грузии такие деньги? Сами мы сейчас бедны, как церковные крысы, и торговать нам нечем.

Нет, так и не прорвались ночью за Гумисту! Но должны же они это сделать, упорно пытаются. Со страхом жду этого дня в тревоге там за своих.

Все-таки, видимо, это были англичане. Говорят, что приезжали в машине с Красным Крестом. Жаль, что я их так и не

увидела. Кто же их ко мне прислал? Кто-то из моих друзей или родных из Гудаута, а может кто-то из Москвы? Неясно. Жаль, жаль, что не повидались.

28 декабря, понедельник, 1992 г.

Всю ночь шел страшный бой у р. Гумиста. Сейчас, в начале восьмого утра, утихло. Но иногда бухает. Все-таки им важно к Новому году завершить операцию, чтобы поднять тост за покорение абхазов. Да, да, на языке XIX в. это так и называется, тогда бы так и произнесли и историки написали бы: покорение абхазов! Уже не в XIX веке, а в конце XX-го! Нужно поставить абхазов на колени. Вот и бьются они, бедные, там, до последнего . Напрасные жертвы! Такая боль за них. И это все совершает «демократ» №1, ближайший бывший сподвижник М.С. Горбачева, которого превозносил до небес демократический Запад, в первую очередь США. Вот такие зигзаги в политике. Действительно, политика – грязное дело, недостойное порядочного человека и противное Богу, если идет вот такая бойня. Опять я – на анализы! И впрямь, как написано о Скорпионе в гороскопе – аналитический, мужской ум. А зачем он мне нужен1 Лучше бы я рассуждала, как другие: «Подумать только, идет такая борьба из-за кресел!» Наивные и недалекие люди!

Надо идти в библиотеку и что-то делать с этой моей «драгоценной» 5.000-тысячной купюрой. Теперь будем мы, пенсионеры, кому их вручила почтальон, ходить с этой купюрой, как с писаной торбой. И в банк не понесешь – оттуда же и принесли. Видно, нет других. И потерять боюсь. Было бы на что жить сейчас, я бы ее сохранила до лучших времен. Но, увы, отдать соседям долг от ее сдачи и на что-то жить дальше. Может, работы лишат.

А какая мерзкая сегодня погода – идет дождь со снегом. Мокрым! В квартире стылость, а там им, за Гумистой, наверно, сейчася жарко. Бедные, бедные! Чем помочь, как и что сделать? Остается лишь сидеть и ждать конца всего этого. Любого! – И переживать и пережить всю эту боль.

С утра вдруг стали давать хлеб. Я зашла к В. поделиться о вчерашней пенсии, а у нее – хлеб. Отрезала она мне полбулки. Такое богатство! В. сказала, что в очереди одна старуха сказала, что грузинские войска готовят генеральное наступление 20 января. Неужели? А что сейчас-то происходит? Это, мол, лишь подготовка. А я-то думала, что они к Новому году постараются покончить с абхазами. Решить вопрос, как говорится, окончательно и бесповоротно.

29 декабря 1992 года, вторник.

Встала в 5 ч. утра и пошла в очередь за хлебом. Ночью выпал небольшой снег, но мокрый. Вызвездило, и к утру – морозец. Гололед, скользко. Сломались хрупкие ветви эвкалиптов. Люди из частных домов тут же выскочили с пилами и топорами и отнесли себе это топливо во дворы. Опять они! Всюду они поспевают. Простояла в очереди за хлебом с 5 ч. утра до 9 ч. утра. Люди окоченели на морозе. Пританцовывали. Старые, инвалиды, на костылях… Ноги стали нечувствительными. Потом, отчаявшись стали барабанить в дверь завода: будет ли хлеб или мы напрасно коченеем! Вышел пожилой грубый гвардеец, отругал за стук и сказал, чтобы уходили по домам – не будет хлеба. Ни сейчас, ни вообще потом. Никогда, вроде. А гвардейцы уносили хлеб в мешках, горячий, еще пышущий жаром, весь в пару. Разошлись люди. А я пришла домой, взяла сумку с деньгами и палку – алабашу – и поплелась по гололёду на рынок. Ведь кормит нас лишь он и черный рынок. Но и там почти пусто. Купила 1 кг. кукурузной муки за 100 р. и 1 кг. мяса за 250 р. На обратном пути собирала обломившиеся от снега ветки платана – и в сумку – для топки. Встретила по пути И. Патейпа. Она шла пешком аж из Нового района на базар. За какой-либо едой! «Хоть что-нибудь купить» - сказала она. Бедная Ирочка, была похожа на бомжиху, и это лектор АГУ, умница: в ветхом куцем пальтишке на рыбьем меху, в дырявых перчатках… Сказала, что уже давно живет без хлеба. Печку железную купила, но на нее нужно массу дров, а их нет… Пришла я домой и стала жарить немного картошки. Как быть без хлеба! А ноги так и не пришли в себя от утреннего холода на снегу в очереди. И хлеба не достала.

Все гвардейцы с их машинами, танками и танкетками исчезли вдруг из гостиницы «Турист». Там не осталось ни души. Куда – неизвестно! Русские все же сочувствуют абхазам. Нет, нет да слышится: «Когда же вернутся наши абхазцы», или «Абхазцы сейчас сильные…» Если бы! Так и не знаю, на что рассчитывают там наши абхазцы. Сухум взять им не под силу, туда грузинские войска упорно не пускают, отбрасывают от Гумисты. А сколько может длиться это «великое сидение»? Лично я рассчитываю на упорство и упрямство Влад. Григ. (Ардзинба. – Ред.). Со слов В., у него отец такой упорный и упрямый, которого она знает.

Мои русские соседи стали ко мне «добрее». Если в самом начале войны они от меня сразу отмежевались, то теперь даже заходят за водой на первый этаж и т.д. Это, очевидно, потому, что абхазы делают крен в сторону России, ищут у нее поддержки.

Муку на хлебозаводе распродали налево из-за отсутствия мазута и воды, - так нам объяснили люди и потому хлеба нет и

когда будет – неизвестно.

Люди при встречах делятся опытом приспособления в домашних условиях огня для приготовления пищи. Об обогреве и речи нет! Лишь бы еду какую-то приготовить. В комнатах стылость, как на улице. А на улице уже снег и мороз. А конца этой войне не видно. Нет, к Новому году не возьмут они ни Гудаута, ни Гагра – это уже точно. Сегодня 29-ое декабря. А вот что будет после Нового года – это уже Бог один знает!

Ночью мне опять снилось тяжелое, моя умершая сестра Рита. Плачущая в слезах! Наверно, беспокоится о сыне, Леве. Если бы я сама знала, где он, жив ли. После таких снов мне очень скверно. И без того я вся извелась, а тут еще эти сны. Еженощные! Ставила свечку в церкви – не помогает. А по ночам просыпаюсь от слуховых галлюцинаций. В ушах плач по-абхазски, «амыткума», прямо как на похоронах плачут, причитая по абхазски. И крик! Ну, ужас какой-то. К чему это? Я боюсь, что сойду с ума. Наверно, это у меня от атеросклероза сосудов мозга. Но раньше такого каждую ночь не было. А теперь каждую ночь. Разрывы снарядов туда и оттуда, а в ушах плач и причитание. Вот такое сочетание ужаса. А я совсем, совсем одна! И поделиться обо всем этом, пожаловаться некому. У нас одна проблема – выжить, пережить зиму эту. Дожить до весны и лета. Пережить войну. Дождаться мира.

А ветки платана горят неплохо. Бедный платан! Как его ругали: и аллергию вызывает, и грязный вид имеет, мусор от него и т.д. А теперь скольких людей он спасает от голода и холода. Придет ли он в себя после такой рубки. Газета «Дем. Абхазия» все время взывает не рубить деревья, иначе штраф. Но это глас вопиющего в пустыне! Где тут быть патриотизму? Его у наших мегрелов в отношении Сухума и не было. А теперь и подавно – лишь бы выжить.

Новый год на носу. Они тащат вино, шампанское, поросят живых и битых, индеек, праздновать они его будут. А нам нечем отмечать – в диком холоде, без света , без огня.

30 декабря 1992 года, среда

Всю ночь опять палили у Гумисты. Похоже там ребята вообще не спят. К утру стихло. Отдыхают, видимо!

Всю ночь шел снежок. А утром повалил во всю. Всегда мы, горожане, мечтали о хорошем снеге перед Новым годом. И вот он повалил, но в какое, Боже ты мой, время! Все кругом белым бело, такая красота, а в доме нет ни света, ни газа, ни воды, ни отопления, ни даже хлеба. Кусочка хлеба нет. И не будет! Варю этот свой несчастный килограмм мяса на своей печурке, открыв

настежь в кухне окно. Слава Богу, хоть не на костре во дворе.

А тут говорят, в городе дают импортное мясо по 170 р., макароны для одиноких пенсионеров, для них же какие-то консервы… Видимо, кто-то сжалился над стариками и прислал в Абхазию, а может и Грузия поделилась. Но попробуй пойди в город! Пешком от «Колоса» до центра города. Туда и обратно. Почти натощак. Назад ноги не приволочешь. Да еще там очереди на весь день. А темнеет уже в 4 часа вечера. Да еще шлепнешься где-нибудь на льду и снегу, сломаешь ногу… Тогда уж совсем «хорошо». Кто позаботится-то?! У кого в городе кто-то из близких остался, помогают чем-то друг другу. А я совершенно одна.

Никуда я не пошла. Это рискованное для меня дело. Да еще одышка, сердце гипертоника… Так недолго и концы отдать за 1 кг. макарон. Как-нибудь перебьюсь. Сделаю из этого своего мяса аж харчо! У меня есть прокрученные орехи фундука, как «акачпей». Купила 1 кг. за 120 р. на консервном заводе. Были они по 90 р., а тут уже 120 р. и нет их уже. Были бы тогда деньги, надо было бы взять 3 кг. Удобно, сытно и питательно. Тем более без хлеба. Сварю мамалыгу из своего 1 кг муки, есть настойка из бузины… Чем не встреча Нового года. Веточки сосны в вазе! И назло всем недругам отмечу. Одна! Если уже нет никого здесь. При коптилке, или разорюсь керосином на лампу. Ну и жизнь! Дай бог, чтобы они там в Тбилиси вот так жили и отмечали свои праздники, чего они нам устроили. И будем ждать что нам принесет этот Новый 1993-й год. А прошедший был ужасным.

Люди ломают ларьки, киоски на дрова, тащат все это на колясках, на тачках… Я не могу так. Делают это, в основном, русские. Мы, абхазцы, самые тут неприспособленные со своей деликатностью и изнеженностью. Ведь женщины-то, в основном, остались. Мужчин, детей здесь уже нет – уехали все. А женщины стерегут свое имущество и квартиры.

31 декабря 1992 года, четверг

Навалило снегу по колено. Шел всю ночь и утром идет, не переставая. Сверкала вчера молния, гремел гром. Говорят, это к большому снегу. Если в Сухуме, в городе такой, то представляю, что делается в деревнях, наверху. А залпы все продолжаются в ту сторону. А оттуда мне уже не слышно. Отмечаются, наверно, что они все тут сидят и никуда не делись, несмотря на лавину снега.

А мы отрезаны в своих бетонных «пещерах» от всего мира. Ни света, ни газа, ни отопления, ни воды, ни информации, ни хлеба… Ни муки! У меня 1 кг кукурузной муки есть. Ни дров! Как и на чем что-то сварить? А снег все валит и валит. Чувствую, что заболеваю чем-то нехорошим, тяжелым. Не дай Бог! Что со мной

тогда будет. Только бы не болезнь! В городе ни одной близкой души. Родственнички мои, они бросили меня тут одну уже давно, а не только на время войны. Кому-то надо, наверно, чтобы мы тут горожане остававшиеся перемерли от жизни такой.

Будь проклята эта тройка вандалов, развалившая Союз в Беловежской пуще. Все оттуда!

Соседи – русские из подъезда, взяли Игоря – соседа же и пошли куда-то в такую погоду рубить ларек или киоск. Притащили на санях. И русские выживут – они же привыкли жить в борьбе – за революцию, за хлеб и дрова и т.д…

Снег повалил деревья эвкалиптов. Тоже вышли и рубят, пилят люди.

Сказали, что дают тесто дрожжевое на нашем хлебозаводе. Поплелась через сугробы. Очередища уже собралась большая, но тесто давали. Получали его лишь приезжающие гвардейцы в сумки, пакеты. Очередь молча и терпеливо стояла. Пошел опять снег. Под ногами слякоть, лужи, снег, сапоги мои замшевые намокли. Стояла почти час и безрезультатно. Не выдержала и ушла домой. Говорят, что потом стали давать. Уже, когда люди были, наверно на грани. Стоят такие униженные, жалкие… Кто же нас до такой жизни довел? Кому сказать великое «спасибо»? «Демократам», «фашистам»? Ни от какой власти нам не хорошо. Мы же просто люди в первую очередь, а не абхазцы, грузины, русские, армяне… Людей же в нас власти не видят.

Сижу днем под Новый год и штопаю свои чулки, носки. Вот и вся подготовка к Новому году. А под ногами грелка с теплой водой. Остыла. А воду снова нагреть, разжигать огонек – это мука. И дрова на исходе. Последние. Как их раздобывать? Хворост, кору деревьев, если снега с полметра.

Не сумев взять Сухум военной силой или не желая его разрушения, абхазцы, наверно, решили уморить от голода и холода, как и войска, стоящие тут, так и ни в чем не повинное городское население, особенно ни в чем невиновных русских и абхазцев. Почему же они тогда не вывезли отсюда все оставшееся абхазское население? Тут их осталось не так мало, особенно женщин. Или мы никому уже не нужны? Непонятная мне политика. Дело в том, что и блокада эта не поможет. Лишь население перемрет, особенно русское население и абхазское. Они тут защищены более нас, я уже писала. Особенно те, кто живет в частных домах. У них печи, дрова, запасы продуктов. А мы?

К вечеру почтальонша принесла мне сразу 3 телеграммы из Молдовы. От кого бы вы думали? От совершенно постороннего мне старика, знакомого по письмам, из брачных объявлений, а не

от родных и близких! Зовет к себе, пишет, что деньги и посылки в Абхазию не принимают. Я была очень тронута таким вот сочувствием чужих людей, а не своих. Не поеду, конечно. Непросто выбраться в одиночку с вещами из Абхазии, дорого, по дороге я помру от перипетий и пересадок, далеко уж очень. Но дорого внимание и сочувствие.

1 января 1993 года, четверг

Вот и настал Новый год совершенно незаметный и не праздничный. Легла, как всегда, с петухами, в 6 ч. вечера. В 9 ч. еще не спала. Никто не стрелял в честь Нового года. Наверно, наконец, поняли, что не до него. Никто не палил из ружья и автомата, хотя почти в каждом доме оружие. Вот так и встретили. Тихо, молча, горестно.

Утром я поднялась к соседке поздравить ее, и она мне сообщила, что войска из Тбилиси уже давно из Абхазии ушли. Оно-то и видно, что гостиница «Турист» опустела. На мой вопрос, почему же, она ответила, что в Тбилиси тоже волнения. Не хотят, чтобы парни погибали здесь, в Абхазии. Совершенно верно! У меня всегда с начала и вертелась мысль в голове: зачем они здесь? Что, им мало своей земли в восточной Грузии? Почему они из Кутаиси, Тбилиси, Зестафони, Боржоми, Зугдиди, Самтредиа и т.д. – здесь? Но остались местные вооруженные отряды. Да и техника, конечно, у р. Гумиста никуда не делась. Сегодня совершенно тихо, там не стреляют. Празднуют Новый год или надоело воевать? Хотя бы так!

С утра вожусь с горе-огнем. Притащила какие-то ветки, все под глубоким снегом. Что-то подогреть – проблема. И доколе мы так будем мучиться? Уже забыли, когда смотрели вообще телевизор. А смотрели ли мы его вообще когда-то? Пещерное прозябание!

Дорогие мои гудаутские абхазцы, что же вы с нами делаете-то? Что даст такая вот блокада? Только мы и перемрем. Что вам с того? Техника-то военная никуда не денется, как и воины возле нее грузинские.

Думаю, что вывод тбилисских военных это всего лишь маневр какой-то. Может и вправду готовят наступление к 20 января?

Днем приходили две соседки-грузинки в разное время. Талико Гогия и Гвалия Дареджан. Принесли кусок хлеба, фрукты (мандарины, апельсины, орехи). Никто меня тут не убивает. Пока!.. Здесь осталось много абхазской интеллигенции, женщин… Плохо всем, но мне, одинокой во всем городе, хуже всех.

Днем пришла дочь соседки, живущая в центре города. Она сообщила, что 31 декабря с абхазской стороны были выпущены 2 или 3 снаряда, которые попали возле ул. Горийская и возле турбазы. Погибло что-то 8 чел. И 1 двухэтажный частный дом сгорел. Горел долго – 4 часа. Жители возмущаются, почему абхазская сторона бросает снаряды на жилые кварталы города и гибнут ни в чем неповинные люди…

Днем я немного лопатой расчистила дорогу от дома от лежалого и смерзшегося снега, чтобы ненароком не упасть на льду. Вспотела от работы. Но ноги так и не согрелись. Хуже всего ногам – без грелки они не согреваются, а воду нагреть – великая проблема.

3 января 1993 года, воскресенье

Видела с ночи в доме напротив в кв. Ляли Чанба свет. Думала, может соседи смотрят за квартирой или кто приехал от них. Она с мужем и ребенком давно уехала. Утром оказалось, что там ночевали чужие, были гвардейцы. Один из них вынес большую фотографию и они на ней что-то разглядывали. Я наблюдала из окна. Спустился сосед, живущий под Лялей и что-то на фотографии выискивал, чтобы показать им. Наверно, мужа Ляли хотят знать просто в лицо. Бесчинства, как видно, продолжаются. Влезли в чужую квартиру и хозяйничают в ней.

5 января 1993 года

Вчера я ходила в библиотеку и зашла на рынок. Кукурузная мука уже 150 р. за кг., мясо – 300 р. Муку не смогла взять. Зло берет, как куркули пользуются нашим бедственным положением и никто из администрации их не одернет. Вот это и есть «рыночная экономика»? Но в США она давно, и там не позволяют под угрозой штрафа при бедственных ситуациях пользоваться грабежом людей, вздувать цены.

Где-то в 11 ч. утра на город упали снаряды с абхазской стороны. Упали в центре города. Сколько человек убито, я не знаю. Но убитые мирные жители есть. Такая вот война не с армией, а с мирными жителями. А сегодня ночью очень стреляли с двух сторон, падали осветительные ракеты. Плохо спала – все время разрывы.

10 января 1993 года

Не писала дневник несколько дней. Да и нужен ли он будет кому-нибудь? За это время приходили иностранцы из Международного Красного Креста по розыску родных и принесли весть из Гудауты от Л.М. И то неудача: лишь после их ухода я

заметила, что адрес там напутан, вместо г. Гудаута стоит г. Очамчира. Вот мой ответ Л.М. и будет плутать по городам. Одно утешение, что оказалось, что Левик жив, дошел и находится в Гудауте. В этот день, 6-го января, нам дали свет эл. Мы так обрадовались. Я все вымыла от копоти, сажи, пепла, а через два дня его опять не стало. И опять я вооружилась ножовкой, топориком для рубки мяса, молотком и пошла искать сучья и хворост. Но не так легко что-то найти: все люди уже подобрали. Сняла дверь с подвала своего и расколола.

Продолжаются грабежи и мародерство. Обокрали в нашем доме Л.Т. – она ведь уехала с начала войны в Гудууту. Подо мной, в моем подвале, отрезали огромный кусок трубы для парового отопления и тоже унесли. Скоро и дом наш, наверно, унесут. На работе дали нам премиальные. Тем, кто в таких условиях еще ходит на работу. Купила на рынке кукурузу за 80 р. кг. 2 кг и по ночам (днем некогда) при свете коптилки ее прокручиваю на мясорубке, очень тяжело! Можно намолоть на один раз с крупой. Мука стоит 150 р. за кг – не по карману. Сколько ее купишь? А хлеба все нет и нет! Видела, как провезли полную грузовую машину с мешками с мукой. Куда, неизвестно. Нет мазута, потому хлеб не пекут. А мука есть - так объясняют. Еще сказали, что эл. свет погас из-за новой диверсии абхазов в районе г. Очамчира. Кто знает правду? Нам тяжело – одно лишь ясно.

Приходится брать и мясо дорогое, т.к. больше есть нечего. Достала макароны по 160 р. за полкило. Вот и ем их вместо хлеба. Лишь мандарин дешевых вдоволь – по 5 р. за кг. На западном фронте без перемен. Стоит редкостная тишина. К чему бы это? Когда был свет, заработал и телевизор. Но лишь 1 канал – тбилисский. Весь день и ночь вещал лишь на грузинском языке. С центральным телевидением и передачами на русском языке придется распроститься. Телевидение теперь ведь платное, а в республике нет денег на это. Так что вечера у нас теперь будут свободные – можно почитать. Когда будет лишь эл. свет. А пока – коптилка и банка для обеда.

13 января 1993 года.

Сегодня опять «Новый год» - по старому. Даже забыла. Не до него. Свет эл. вроде пока горит. Хотя и гаснет порой. Но очень слаб. На таком быстро и не сваришь. Пока есть щепки, надо все же топить баньку. Цены на продукты резко подскочили после Нового года. Хлеба все нет и нет. И муки – тоже. Кручу на мясорубке кукурузу. Хоть на тарелку жидкой мамлыги. Чудовищно! Бросить город на произвол судьбы без хлеба и муки на неопределенное время. Даже в годы Великой Отечественной

войны такого не бывало. А ведь ответственные за город те, кто его контролирует. Как они это называют, т.е. оккупационные войска.

Телевизор тоже принимает 1-ую и 2-ую программу. Слышим «Новости» и «Вести». Но утешительного пока ничего нет. Сообщают, что грузино-абхазский конфликт затягивается все туже. Абхазы исполнены решимости стоять до последнего, а грузины – не отдавать ни пяди родной земли. Родной! Это им она, значит, родная. А абхазцам- двоюродная или никакая! Ну и ну! И, мол, Шеварднадзе должен сделать вывод, - сказал тележурналист Осокин. А какой вывод? Его нужно было делать еще несколько месяцев назад. Ткварчели в еще худшем положении, чем мы. По ТВ об Армении – ох и ах, как она мучается. А о Сухуме – ни слова. Хотя у нас еще хуже. В Армении хоть газ бывает. Брошены мы всеми! В Лагодехи взяли в заложники русских военнослужащих в обмен на хранившееся там на складах орудие. Заложников выпустили. Значит, оружие грузинам отдали. Вот так они вооружаются всеми правдами и неправдами против Абхазии. Мы теперь – другое государство. Вроде Ирака, беспокоящего постоянно маленький Кувейт. А Кувейт, ах, какой бедный и несчастный, а Абхазия – это Грузия и никаких гвоздей!

Сегодня под утро вроде были какие-то залпы. А было тихо уже больше недели. Неужели опять все сначала? И доколе? А когда мы будем по-человечески жить, как все в мире? Я уже устала от споров, кого и чья эта земля. Все равно никакой правды на свете нет! Карабах – тому пример. Так чего же мы добьемся, если до сих пор ничего не добился Карабах? Уже сколько лет! Мы не выдержим этого. Или соберитесь с силами и изгоните супостатов, или смиритесь с тем, что нет правды и все останется как прежде даже хуже. С этим надо будет теперь смириться. Малочисленный он и есть малочисленный, а, значит, и бесправный народ. Се ля ви!

14 января 1993 года

Сегодня Новый год по-старому. Я легла, как обычно рано, привыкнув к тем дням, когда сидели без света. Ночью началась дикая пальба из автоматов. Я спросонок не поняла, в чем дело. Решила, что в городе началось наступление абхазцев. Вжалась в постель и боялась зажечь свет. Мне было и без того плохо с животом – болел весь вечер. Потом я догадалась, что это ТАК отмечали наступление Нового года. Но зачем так до смерти пугать людей. Во всех квартирах грузин есть автоматы. В нашем подъезде квартиры Мукба и Эмухвари, пустующие без хозяев, поселились гвардейцы. Конечно, это временно. Но соседство неприятное, опасное, поскольку это чужие и незнакомые мне

люди. Не то, что соседи-грузины. Так и будем жить как на вулкане. В «Новостях» ничего утешительного. А в 9 ч. вечера я их и слушать уже не стала – легла спать. В 8 ч. «Вести» тоже не захотела слушать. Холодно сидеть. Напряжение света очень слабое. Телевизор стал не цветной, а зеленый. Они даже тут не профессионалы. До 14 августа отлично показывали наши телевизоры, а как они пришли – все стало плохо показывать. Ничего качественно и добротно делать не умеют. Прежнее правительство было «плохое» - разогнали. Пришло новое и затаилось. Ни слуху, ни духу! Чем они заняты, тоже неизвестно. А жить все хуже и хуже. Пошла в зубную поликлинику. Там у врачей ни рефлектора, ни плитки электрической не стоит. А ведь они работают руками с нашими зубами. От холода им сводит руки. Как же они могут лечить зубы?

Зато по телевизору Н. Гонгдазе давал интервью наш новый глава правительства – Т.Н. (Надарейшвили. – Ред.). Гражданское высшее должностное лицо. Ему бы думать о том, как налаживать жизнь населения и города. А он говорит об обмене пленными и убитыми абхазцами. (Сказали, что погибло у Гумисты 200 чел. абхазцев. Это ужас! Но я не очень верю их цифрам – умышленно завышают). Зачем ему об этом давать интервью? Ведь для этого есть военные высшие лица. Лишь бы не говорить о проблемах оккупированного города Сухума.

В городе полно повидла за 130 р. за кг. Очень дорого и соблазнительно вместо сахара иметь. Но на что его мазать, если хлеба все нет и нет! Город брошен на полуголодное существование. Даже голодное! И все спокойны. Об обмене пленными лишь говорят, и убитыми. Да воздаст Господь по заслугам тому, кто это все заварил с самого начала! Всем плохо: и бедным солдатам, убитым под Гумистой, и мирному населению. Перестала выходить и их «Демократическая Абхазия». Это еще почему? Продают лишь «Апхазетис хма».

15 января 1993 года.

Купила «Демократическую Абхазию». В ней большое интервью с Л. Маршания. У меня всегда было к нему негативное отношение. Но это интервью мне показалось довольно справедливым. Он просто реалист. А те, кто в Гудаута, утописты. А от утопий ждать обычно нечего. Только вот, неужели Маршания не понимает, что абхазцам в новых «демократических условиях», после распада СССР жить станет намного хуже, чем раньше, при «социализме»? Он умный и понимает, конечно. Но он – реалист. Другого исхода нет. Или «ливанизация» и в конечном итоге исчезновение малочисленного народа, или смириться с тем, что

дает нынешняя жизнь. Это будет рабство и сознание, что абхазы – люди второго сорта (если не третьего). Ну, или гибель, или принятие этого.

Днем передали о покушении на Вл. Гр. Ардзинба. Москва передала с подачи Тбилиси. Вечером это же сообщение было опровергнуто. Выдают желаемое за действительное или в самом деле что-то было…

Эл. свет, слава Богу, пока есть. Хоть что-то сварить можно, чай вскипятить. А холодрыга ужасная! Цены выросли баснословно на базаре и «черном рынке». А в магазине пусто. И хлеба все нет и нет! Кручу по ночам кукурузу на тарелку жидкой мамалыги. Очень крупно и тяжело.

На улицах опять горы неубранного мусора. Весной нас ждет эпидемия какая-нибудь.

21 января 1993 года

Празднества и фейерверки в Сухуме по поводу ранения и даже гибели, как они говорят, Вл. Г. Ардзинба. Мегрелы радостно поздравляют друг друга. Будто все дело в одном лишь Ардзинба! Между тем средства информации из Москвы опровергают эти слухи. А мы, тутошние абхазцы, в полном неведении. Нужно сказать, что мы тут – самые несчастные и бесправные сейчас люди. Даже русские, которые почти все остались в Сухуме, тогда как мегрелы и абхазы отсюда в большинстве своем побежали, чувствуют себя гораздо увереннее и на правах хозяев и коренного населения. Одна беда: хлеба им не дают! Стоят часами у хлебозаводов, но впустую. А на первой странице «Демократической Абхазии» вся первая страница посвящена обращениям, письмам, заявлениям и т.д. русского населения г. Сухума. Обращаясь к Ельцину, Шеварднадзе и прочим (один сплошной вопль!), они кричат о том, что их бомбят абхазские экстремисты, убивают оставшееся в городе русское население, называют цифры, сколько погибло русских во время обстрелов (будто других погибших не было), заявляют, что они всегда замечательно жили с грузинами в городе, что их никто не обижает и пусть Россия не заботится о них – им тут замечательно рядом с грузинами и т.д. Меня эти заявления удивили и вызвали досаду. Обижать можно, не обязательно при этом убивая из автоматов. А как же то, что им не дают хлеба, а дают его лишь мегрельскому населению? А как же ропот в очередях недовольства по этому поводу? Это что, не русские, стоят в бесплодных очередях недовольные? Господа, не надо хоть

говорить о демократии! Постыдитесь! Абхазское правительство было «плохое», но чем «хорошее» нынешнее? Что оно-то дало вам, русские граждане?..

Я вышла затемно к «Колосу» в очередь. Стояла и мокла под дождем. Подъезжали разные машины к окошку сбоку и грузили буханками хлеб: для гвардейцев и местного мегрельского населения. Рефрижераторы, «Скорая помощь», разной марки фургончики, легковые частные машины… Подъезжают, открывают багажники и грузят. Все это на виду у очереди. А очередь состоит в основном из русских, армян, редких (1-2 человек абхазцев). Что же вы тут молчите, господа русские? Они не молчат. Но их никто не слышит. Не надо говорить, что вам тут очень хорошо и вас никто не обижает. Сказали, что этот завод для военных. Но и у других хлебозаводов такая же история: приезжают гвардейцы, грузят, а русские и прочие стоят и лишь вдыхают аромат свежеиспеченного хлеба. А то еще и недалеко кто-то торгует этим хлебом по 50 р. за буханку. И берут люди, у кого есть деньги.

Так на войне наживаются многие. Война многих тут обогатила. А у бедных отбирают последние рубли. Потом вышел с автоматом гвардеец и сказал нам: не стойте, муки нет и хлеба не будет! Уже и тесто не дают. У меня во рту уже месяц не было ни крошки хлеба. И тесто я ни разу взять не смогла. Так и существую. Как в концлагере или блокаде ленинградской. Купила кукурузную муку за 130 р. 1 кг. Она крупная, лишь на мамалыгу. А это не сытно, все время хочется есть. С чем кушать мамалыгу? Фасоль стоит 350 р. за кг. мясо – 300-350, а свинина – 400 р. Горе политикам, доведшим население несчастное до такой жизни! Но ведь не все живут так плохо. У мегрелов есть и мука, и все другие продукты, и деньги. Новая власть ничего не умеет организовать! Исчезает как в прорву гуманитарная помощь. Всю муку распродали своим же. А мы голодаем!

Пошла к Нине Ан. Узнать, как они пережили большой снег и холод (ведь в их дом как-то попал снаряд, к счастью, без жертв, хотя в доме было их 5 чел). Она – русская. Муж был грузин, дети – два сына – грузины, невестка полуабхазка полугрузинка – такая вот семья! Сын работает в «Колосе» инженером. Она мне дала оставшийся у них кусок хлеба. Сказала, чтобы я пришла завтра – сын будет работать в этот день и принесет домой хлеб. Уже не раз они меня выручали мукой и хлебом. Мир не без добрых людей. Посидели, поговорили. Посетовали, что это не по-христиански радоваться гибели В. Ардзинба грузинам (если бы даже он погиб). Их православие и христианство – это фарисейство и лицемерие. К такому выводу мы с ней пришли. Так шумно радоваться, отмечая

гибель человека им даже ненавистного, фейерверком, салютами, будто это невесть какой праздник, даже неприлично и безнравственно. Если только это до них доходит. Что и говорить, очень недалекий, невежественный народ живет рядом с нами. Ну, погибнет Вл. Григорьевич – он же тоже не вечен и находится в постоянной опасности и риске быть убитым хотя бы наемниками, то встанет на его место другой лидер. Дело ведь не в нем, а в народе, которого последние 5 лет лишь унижали и оскорбляли, я уже не говорю о последних 40-ка годах после установления тут автономии. Лидера можно убить, но народ остается. Велико же будет их разочарование, если они узнают, что он все же жив. О, господи, ты же справедлив и добр! Покарай того, кто рад чужой смерти. «Мне отмщение и аз воздам!». Пусть восторжествует справедливость.

22 января 1993 года

С тех пор, как в нашем доме и в доме напротив нашего в пустующих квартирах поселились гвардейцы из Грузии, я живу как на ВУЛКАНЕ! До сих пор соседи – грузины и живущие вокруг нашего дома в частных домах мегрелы, меня не обижали, и я жила относительно спокойно, доверяясь им. Теперь иначе! Понятно, что ребятам негде жить и им необходимо где-то поселиться. И Бог с ними, если нет выхода – кончится война, они уедут. Но если бы они жили тихо - мирно. Вчера, к вечеру, раздалась автоматная очередь два раза то ли прямо в нашем доме, то ли во дворе или перед моими окнами. У меня в квартире задрожали стекла окон. Я испугалась, погасила свет, ушла в ванную комнату. Зачем так беспричинно стрелять, пугать людей? Они просто балуются и часто пьяные. Но пули ведь могут залететь в квартиры, особенно на первом этаже.

Парни эти не столь агрессивны. Но с одним из них тут жена – живет с мужем в нашем подъезде в квартире Анзора Мукба. Она опасна. Ходит тоже в форме с автоматом. Грозится что перебьют всех абхазцев. Вот такое соседство! Моя соседка по площадке Дар. Гв. уже подружилась с ней. Боюсь, что сказала ей и кто я такая. Выглядит эта молодая женщина из Зестафони совсем девчонкой, пигалицей, но у нее уже двое детей, одному из которых, по рассказам, уже 8 лет. Она их оставила и приехала сюда с мужем, очень агрессивно настроенная. Мне кажется, что она неважно соображает, что делает. Недавно я столкнулась с ней на своей площадке. Она в это время кубарем, как девчонка, свалилась по лестнице, промчалась мимо меня как угорелая, а, выскочив во двор, разразилась автоматной очередью в небо просто так, ради острастки, наверно, меня или ради удовольствия. Вот и делаю

вывод, что у нее «не все дома». Но как я могу жить рядом с такими людьми в безопасности? И соседи-грузины меня уже не защитят – будет поздно да и им пригрозят что, если они не убьют меня, то убьют их, т.е. соседей, они сами, гвардейцы. Такая практика бытует уже давно в зоне конфликтов в Южной Осетии и Карабахе. Не убьешь соседа, друга противоположной национальности, то расправятся с тобой. И это действует на соседей… Самые бесправные тут абхазцы. Они вне закона, а не только люди второго сорта. Да, такие, как Маршания, Эшба и Агрба В. обезопасили себя откровенным блюдолизтством и подхалимничаньем, но а другие тут абхазцы чем и кем защищены? А никем! Сами же эти «новые лидеры» абхазские их защитить не могут, хотя и призывают быть с оставшимися тут абхазцами мягче и лояльнее. Как бы не так! В гвардейцах много просто бандитов, алкоголиков и наркоманов. Кого они станут слушать: Китовани и Иоселиани им разрешили творить тут ВСЕ! Каждый вечер теперь я жду гибели. Дадут прямо очередь автоматную в окно, когда я сижу перед телевизором. Первый этаж – это все запросто. Бросить гранатомет, бомбу самодельную – пара пустяков. Господи, единственная абхазка во всем доме! Не считая Ж.Х., но и он, сейчас уже не в безопасности.

И все это в то время, когда я никому из этих их ребят гибели и смерти не желаю, как и своим же. Зачем эта ведь совершенно бессмысленная бойня – она все равно нам, малочисленным, ничего не даст. Вот видела по ТВ как Ельцин, Президент такой великой державы, как Россия, не погнушался приехать САМ в непокорный ему Татарстан и заключил с ним ДОГОВОР. А Э.А. Шеврaднадзе погнушался приехать ранее, еще до войны, в Абхазию, чтобы поговорить с абхазскими лидерами и договориться с ними. Посчитал это ниже своего достоинства. Мол, зачем старший брат поедет к младшему – должно быть, вроде наоборот. А Ельцин не посчитался с этим, пренебрег своей заносчивостью и ложным самолюбием, чтобы окончательно не порвать с частью своей России. Вот она, политика цивилизованности, как и в Чехии и Словакии. Почему же это такие умные грузинские лидеры не понимают? А амбиции не дают, то, что они, по их мнению, пуп Земли, тем более на Кавказе.

Подумать только! Гонимы тут лишь абхазы, именем которых названа эта земля. Зачем же тогда, как справедливо заметила Нина Ан., называть Абхазию «Абхазией», если не признан народ именем которой она названа, презираем, готов к геноциду и исчезновению с лица той же Абхазии? Он сейчас самый униженный и пришибленный тут. Нельзя не догадываться, что

отныне ему тут жить станет гораздо хуже, чем прежде, чем всем прочим народам, населяющим Абхазию, русским, армянам и др., не говоря уже о привилегированной национальности – мегрелам, грузинам, сванам. Обвиняя абхазов в стремлении к привилегированности, они сами занялись тем же в еще худшей мере. В Абхазии привилегии были лишь у номенклатурной верхушки, партийных, хозяйственных, административных работников. Простое абхазское население никаких льгот и привилегий по своей национальности никогда не имело! Такая же номенклатурная верхушка была и в грузинской части населения. Так что они все квиты! А вот мы оказались виновными и готовыми к тому, чтобы именно нас прошили за это автоматной очередью в любой час.

Днем пошла к Нине Ан. отнесла ей свои погибающие от холода фиалки. Хлеба они мне не дали – нет муки на хлебозаводе. Пошла и пришла пешком в очень мокрую погоду. По обочинам ул. Эшба опять, как летом, горы бытового мусора из частных мегрельских домов. Ведь вдоль всей улицы лишь они проживают в частных домах. И масса пустых банок из-под консервов. Опять-таки наглядно видно, куда она шла и пошла эта «гуманитарная» помощь и вся продукция разграбленная со складов. У меня в доме уже давно, с лета, нет никаких консервных банок: ни полных, ни пустых. А муки нет на хлебозаводах потому, что ее давно мешками продали налево своим же. Невозможно было печь хлеб без топлива, ее решили продать. Но нам ни 1 кг муки не досталось. Сейчас они сидят, пекут и жуют свои пшеничные лепешки, а мы без муки и хлеба. Никак ничем не насыщаюсь. Сколько надо иметь еды, чтобы насытиться без хлеба?

Постоянно отключают ТВ передачи, когда должны быть «Новости» или «Вести». Или свет отключают. Свет есть, передач нет, есть передачи – света нет! Жизнь просто ужасна во всех отношениях. По дороге собирала хворост. Для своей банки – печурки. Эл. свет такой у меня слабый, что спираль эл. плитки почти не нагревается. Приходится опять возиться с хворостом и банкой – печкой. Есть-то ведь хочется.

26 января 1993 года

С тех пор, как в нашем подъезде поселились в пустующих абхазских квартирах гвардейцы, парадная дверь у нас закрываться на засов на ночь перестала: они ходят туда-сюда всю ночь (дежурят, наверно) и мы теперь совершенно беззащитны перед возможными грабителями и убийцами. Между тем, слухи о том, что убита недалеко вся семья русская, что убито еще 12 чел.

Грабят, а затем убивают. Так что не знаешь о чем думать: о том, как прожить при нынешних сумасшедших ценах без хлеба и муки в голоде, холоде, или о том, чтобы тебя при этом еще не прикончили мародеры и убийцы. Ну и жизнь настала! Хлеб вздорожал, но его все равно нет и достать его прежняя проблема. Эл. свет так слаб, что даже спираль днем на эл. плитке не накаляется, не краснеет. Я встаю в 5. ч. утра, когда напряжение хорошее и есть возможность что-то сварить для завтрака и обеда. К 8-ми утра напряжение падает. Но каково вставать в 5 ч. утра при таком ужасном холоде!? А всегда нужно вставать затемно: то очередь за пенсией, то за хлебом или тестом, то готовить пищу… Совершенно нельзя присесть и спокойно жить.

Дешевы лишь бедные мандарины. Хозяева их предлагают по 5 р. за кг. и то уже никто не берет. Объелись мандаринами, поскольку есть особенно больше и нечего. Продавцам, конечно, обидна такая их дешевизна. Подумать только – морковь стоит 250 р. за кг., картофель – 110 р., лук – 150 р., капуста – 100 р., а несчастные мандарины, которых в России многие и не пробовали ни разу – всего пятерка! А ведь на эту массу мандарин мы могли бы иметь тут и картофель, и муку, др. продукты. Вот что значит бесхозяйственность и неорганизованность! Нынешние власти Сухума оказались совершенно не способными что-то организовать. Одним – налево муку мешками, другим – ни горсточки. И это в войну! Даже в 1941 г. было больше организованности. КПСС хоть и гадкая была организация, но мобилизовывать и организовывать людей и дело умела. А эти «псевдодемократы» - нет. Поражает, что по ТВ ни разу никто не заикнулся о тяжелейшем положении населения нашего города Сухума. Только и слышишь: ах, бедная Армения осталась без газа, без хлеба и т.д. Показывают, как армяне там волокут на санках хворост, дрова… Будто то же самое у нас не происходит. Все это знакомо и нам и без ТВ! Понятно, что грузинским журналистам не хочется говорить правду о невыносимой жизни горожан Сухума, ведь его грузины контролируют и они в ответе за жизнь такую населения. А российских журналистов тут нет, они их сюда и не пускают, мол, будут врать потом по ТВ, а если и пускают, то не дадут написать и сказать о нас правду. А абхазских журналистов тут нет, они все в Гудаута. А оттуда они едва ли станут говорить о катастрофическом положении жителей Сухума. Так это обидно! Никому до нас нет дела, а мы тут просто пропадаем. Эл. свет дают по графику, и почти полдня он отключен, а ночью постоянно отключают или свет или телевизионные передачи. Ни один почти фильм мы от начала до конца посмотреть не можем. Видим то ли конец, то лишь начало.

Самые интересные передачи по ТВ часто бесцеремонно отключают. Так никогда прежние власти не делали. Понятно, время военное, но и в такое время нужен порядок, тем более нужен. Особенно в распределении продуктов.

28 января 1993 года

Утром, в очень сырую погоду, собралась идти в библиотеку. Зарплаты все нет за январь месяц. Пенсию за январь тоже я еще не получила, а уже конец января. Утром, когда вышла, недалеко от нашего дома остановилась легковая машина без номера, из нее вышла молодая женщина с автоматом, пустила очередь в небо, затем села и снова они уехали. Что это? Стращают нас, пугают? По вечерам все время возле дома трещат автоматные очереди и мы сидим ни живы, ни мертвы. Бесцельная стрельба. Просто так! Ради развлечения. Хотя им запретили вести в городе беспричинную стрельбу.

Пошла пешком туда и обратно. Опять стояли троллейбусы – плохо с током. На привокзальной площади целая военная часть в зимнем военном обмундировании защитного цвета с автоматами. Непонятно, то ли приехала с поездом, то ли уезжают. Скорее всего, приехали. Полно их вокруг. Опять грохает сегодня «Град» отсюда по абхазцам на ту сторону. Не понимаю, почему они все врем пишут в газете и вопят по телевидению, что постоянно в них стреляют абхазцы. Мы тут слышим как раз противное тому, чему они нас заставляют верить: они постоянно стреляют туда! Им стрелять туда можно, а оттуда сюда – ни в коем случае!

Никак не пойму, на что рассчитывают там, за Гумистой. На свою военную технику? Но и у этих она есть. А живой силы тут больше. Сколько может сопротивляться эта горстка абхазцев за рекой? Не напрасны ли это жертвы?

Они, т.е. грузины нашего города, идут с рынка с сумками полными мяса, с кружками сыра… Живут они почти все довольно неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше нас. Иных вообще война не коснулась. Живут и лишь выбрасывают весь свой ненужный хлам из частных домов на улицу. Город загажен, разбито все, будто тут гунны прошлись. А ведь это все сотворило и местное население и их гвардейцы. Не нужен им город – земля лишь нужна. А разве местные мегрелы покинут когда-либо здесь свои виллы, особняки? Кругом лишь они-то живут. Абхазцам уже тут и земли не хватает. Они за нее ссорятся. Как было с моим соседом А.М., который хотел себе выгородить участок за «Колосом» сначала для огорода, а потом под строительство дома. Там строился другой абхазец и не давал ему места. А вокруг, одни почти мегрельские особняки. Вот она справедливость!

Военная комендатура запретила местным мегрелам покидать Сухум, менять местожительство без разрешения. Это понимать надо, как мобилизацию, пресечение дезертирства – они должны быть здесь и защищать свои дома и Абхазию от самых же абхазцев. Вот он, парадокс – от кого защищать свою землю. От их же исконных хозяев. Зачем Кувейт, когда у нас здесь свой «Кувейт»? И не видит этого мировое сообщество. Просто не желает видеть и ссориться с главой грузинского правительства. Как же, он ведь «демократ»!

29 января 1993 года

Опять исчезло электричество. И опять придется искать топливо для банки-печурки. К тому же снова пошел снежок. Очень холодно в доме. И конца этим мукам не видно.

Я сказала своей соседке – грузинке, живущей на одной со мной площадке, чтобы она не говорила поселившейся в кв. Ан.М. с мужем-гвардейцем, женщине кто я такая. Но она говорит, что им из соседнего дома – грузины – соседи уже сказали, что в нашем доме живут двое абхазцев. Это – я, и Жора Хашба. Вот такие люди в соседнем доме. Живут не в нашем доме, а донесли, постарались. Так что не своих соседей по дому я боюсь, а живущих в доме напротив. Там Сартания, Кукава и другие грузины живут. Права, значит, была В.Т., говоря, что в их доме живут нехорошие соседи – грузины, злобные и шовинисты. Так что кругом люди разные, и я совсем не в безопасности. Каждый день мне грозит опасность. Правда, эта женщина – гвардейка

сказала, что нас они не тронут. Так мне передала моя соседка Д. А там, кто знает, как сложатся обстоятельства. Опять грохает «Град» с раннего утра. А по вечерам вокруг нашего дома трещат автоматные очереди. Для нашей острастки, наверно. Ведь врага тут нет. Боже, спаси и помилуй от всего этого!

Если бы остался до сих пор в Сухуме Левик, они бы его, молодого парня, уже давно забрали бы и разделались с ним, несмотря на то, что он парень, в сущности, больной и сам не понимает что и почему все это происходит. Это счастье, что я его смогла отправить в октябре в Гудауту. Позже бы это сделать уже не смогла или за очень большие деньги, а их не было. Нет, не смогла бы отправить, не дали бы парню уйти в Гудауту. Они и так при переходе мне говорили: «Он уйдет туда, а там будет стрелять в нас». Но, похоже, что он пока не стреляет, по сведениям из Гудауты. Он же себе ломоть хлеба отрезать толком не может, какое ему стрелять. Руки, как лопаты, а совсем никчемные. От болезни головы.

Вечером слушала их телевидение Абхазии. Создается впечатление, что абхазов вконец отсюда изгнали и допустить их назад не собираются. Зачитали обращение армян к парням армянским встать на защиту своей родины, т.е. Абхазии. От кого? От абхазов же! Вот такой парадокс. Пусть переименуют вообще тогда эту республику и больше не называют ее «Абхазией». Мол, грузины и армяне – братья и должны вместе бороться за свою землю и свои дома. А кто же тогда абхазы на этой земле? Если уж в нашем-то доме всего осталось 2 абхаза – я и Жора Х. И которые сидят и дрожат – тронут их или нет. И это права человека и новая «демократия» по-шеварднадзевски. Одни ему в Европе премию присуждают за бывшие успехи в мировой политике, другие возмущаются, что премию дают человеку возродившему тоталитарный режим в Грузии. Середины нет, как сказала диктор Т. Миткова. Такая вот демократия

30 января 1993 года

Ночью был снежок с порошей, а утром подморозило. Стало совсем холодно. В квартире как на улице. У соседки, О.М., умерла в городе сестра, и я пошла со своими соседями на похороны. Это за Красным мостом, где расположены санатории военные и дома отдыха. Там всюду стоят на улицах с автоматами патрули. И в домах отдыха и санатории – их части. Мышь не проскочит! Весь этот район города разорен, в ужасном состоянии. Ни одного целого здания: выбиты стекла и вышиблены двери. Нас заставили остаться помянуть, а когда мы вышли, то уже троллейбусы не ходили. Отключили свет. Пошли через весь город пешком. Шла

через платформу ж-д вокзала. На пути стоит эшелон открытый и несколько ж-д платформ заняты разбитыми в боях, видимо, без башен, танками. Я насчитала 7 штук. Изуродованы вдребезги…

Мне думается, что гудаутские власти все же недооценивают всю тутошнюю ситуацию. Сухум весь ощетинившийся и стоит начеку все время. Смешно думать. Что сюда могут прорваться абхазцы. Не пустят их – и все! А в Гудаута реалий, видимо, не признают. Тем горше мне!

На моей площадке в доме появились соседи в пустующей абхазской квартире. Говорят, вселились Воры! Они предупредили соседей никуда не звонить, мол, о них там (считай, в полиции) знают, и лучше, мол, смириться. К ним, мол, будут приходить девочки! Короче, воровской и бордельный притон рядом с нами. И все это нужно терпеть, чтобы не получить пулю в лоб. А еще могут и нас обобрать до нитки и пожаловаться будет некому. Вот, дожили. И это «новая демократия» по-шеварднадзевски. Так что ли? Каждый третий парень на улице ходит с автоматом. Что же думают все же наши там, в Гудаутах? Эта неизвестность и ежедневное ухудшение жизни, рост криминальных преступлений и обстановки просто угнетает. Тут и так выбиваешься без сил, не зная, как выжить, а еще и угроза постоянная со стороны гвардейцев и воров.

Опять по телевидению вопили: «Ах, бедная Армения, сидит без газа и тепла в квартирах. А хлеба ереванцам дают лишь по 250 г. в день!». Уважаемое телевидение, почему ты молчишь о г. Сухуме? Мы-то давно, уже с лета, сидим без газа, тепла, огня и даже питьевой воды… А хлеба и 250 г. не видим уже больше месяца. Сегодня лишь на поминках я съела ломоть хлеба за целый месяц один раз. Нарочно, думается мне, молчат о Сухуме. Мол, все тут хорошо, «прекрасная маркиза». Так это больно и обидно!

Значит, в пустующие квартиры абхазцев будут теперь вселяться гвардейцы (это еще куда ни шло), но и воры и устраивать в них притоны – «малины», бордели и все это с ведома местной полиции, кажется. Значит, абхазцы вообще вне закона. Иначе как это понять? Законно все такое и демократично, не нарушение это прав человека? Если абхазцев, конечно, считать за людей. Похоже, что на абхазцах вообще теперь крест! Все на этой земле хозяева: и грузины, и русские, и армяне и т.д., кроме абхазцев. Тогда зачем она, наша республика, вообще носит их имя?

31 января 1993 года

Итак, прошел еще один тяжелейший зимний месяц – январь. За окном лежит снег и был мороз. Очень тяжелая зима. У меня на

окнах в комнате и кухне со стороны комнаты образовались на стеклах ледяные узоры! Вот такой в квартире царит холод. Я вся застыла от холода и замерла, как и мухи, вылупившиеся почему-то зимой и осевшие на моих стенах. Каждый день я их собираю и выбрасываю за окно, а они опять тут на стенах. Застыли, окоченели. Как я. Так кому же нужна эта территория, когда почти половина людей Абхазии вымрет от голода, холода, от зверства воров и бандитов? Какой-то кучке политиканов? Которые сидят сейчас где-то в тепле, с едой и в полной безопасности? А ни в чем неповинные люди вот так здесь страдают и гибнут?

Вечером, когда уже стемнело, кто-то стал настойчиво стучать мне в дверь, будто не видят, что темно и я боюсь ее открыть. Спросила «кто там?» - никакого ответа не расслышала. Может, кто из соседей. Но зачем звонить одинокой в потемках и при этом молчать? Я все равно живу здесь как заложница, хотя и у себя дома пока. Так не было страшно все эти месяцы, как сейчас, когда кругом развелось столько хулиганья и преступников…

Выяснилось, стучали в потемках ко мне эти парни, которые вселились в абхазскую квартиру – искали свечу. Ни я, ни Дареджан им не открыли, сказали, что не откроем, а Игорь сосед – открыл. Девочки – абхазки из этой квартиры уехали давно, а свою квартиру поручили родственнице, живущей неподалеку. Тоже абхазке. И это она дала ключ от квартиры этим ребятам. Кто они по национальности, неизвестно. Наверно, грузины. Они ее, по-видимому, знакомые. Она доверила им квартиру, а нам каково? Их 5 человек. Они уже вечером тут во дворе, говорят, дрались.

3 февраля 1993 года

Наступил еще один тяжелый месяц – февраль. Переживем его, а уже март будет полегче, хотя все равно холодно. В квартире так холодно, что порой надеваю перчатки, когда ничего делать не надо. А под ногами грелка с горячей водой. Так и перебираю печатные карточки дома для библиотеки. Хотя там сейчас никто ничего и не делает – только получает зарплату, но я так не могу.

Изредка погромыхивает днем и ночью «Град», под окнами балуются гвардейцы автоматными очередями, а так – все замерло. Ни так, ни этак ничего не двигается с места. Лишь мы коченеем и тянем свои дни. Свет постоянно отключается по нескольку раз в день. Эл. плитка не нагревается, чтобы сварить что-то из еды. Стоит часами кастрюля. Можно приготовить лишь поздно ночью после 12 ч. или рано утром в 5-6 ч. утра. Но вставать и заниматься этим в такой холодрыге ужасно. Сразу коченеют ноги, руки, потом они и в постели уже не согреваются без грелки.

Вечерних передач мы уже лишены по телевидению. Если не успеешь посмотреть утром «Утро» и «Новости» с «Вестями» в 7-9 ч. утра, то днем уже ничего не увидишь – передачи все отключены даже если есть свет. А по ночам тоже отключаются. Делается все, чтобы мы не увидели ни новостей, ни фильмов, ничего! Понимаю, что идет война и не до того, но до того уж беспросветна наша жизнь и тяжела, что могли бы нас хотя бы отвлечь телевизионными передачами на время. Занимают второй канал своими передачами на грузинском языке, отключают 1-й и 3-й тбилисский и тараторят по своему лишь по второму каналу. Значит, слушает его лишь грузинская часть населения, а остальная – или спать ложись или занимайся другими делами. Читай, например, в холодрыге книги. Газет-то тоже ведь нет. Вот такая беспросветная жизнь. Думаю, что это «всерьез и надолго», как говаривал Ленин. Не вернутся абхазцы, так и будем жить. Боже, как я ненавижу Сухум и не хочу тут жить дальше. Лежит снег, морозы каждую ночь. Хлеба так и нет 2-ой месяц. Покупаю кукурузную муку по 100-150 р. за кг. на лепешки

5 февраля 1993 года

Центральное телевидение о нас молчит. Даже не упоминает. Упоминают лишь «Вести» и то в связи с Россией, когда затронута она…

Пошла в библиотеку и на рынок с утра. По дороге увидела поразившую меня картину: на обочине дороги на куче бытового мусора тощая кошка пожирала внутренности другой кошки, погибшей тоже то ли от голода, то ли задавленной машиной. Вот до чего довели и животных.

На работе наш сторож показался мне просто психом. Он переусердствует и уже не пускает в помещение даже сотрудников библиотеки. Видите, мол, что сделали с АБНИИ? Будто АБНИИ сожгли сами сотрудники института, а не они же. Сторож – грузин, по имени Шарль. Поругалась с ним и ушла с карточками. Но стоит ли обижаться на психа?

Цены на рынке становятся просто недосягаемыми для стариков. Хлеба в продаже все нет, мука кукурузная на рынке – 150 р., а фасоль уже 450 р., сыр – 1000 руб. Есть становится просто нечего. Мяса почти нет и если оно и есть, то ужасное: одни кости, пленки и сухожилия. Сахар за 500 р. кг. С их «свободной Грузией» мы просто протянем ноги. Если и сейчас во время войны не умрем, то умрем потом, когда и война кончится. Видела, как из «Колоса» двое мужиков (грузины, конечно) тащили из завода мешок пшеничной муки и грузили в багажник автомобиля. Вот у них и есть вся эта мука. Город продолжают

разорять. Тащат на спине какие-то двери из учреждений и др. деревянную утварь на дрова и просто воруют. Какой ущерб городу нанесен! Кто же это потом возместит?! От Абхазии же и сдерут, обвинив во всем абхазцев. Это же козел отпущения!

В некоторых частных дворах стоят по 2,3, 4, 5 легковых машин. Часто разбитые, замурзанные. Ворованные, наверно, или отнятые у абхазцев. На улицах тоже полно всякой разбитой техники: груда металлов. До чего неаккуратный и бесхозяйственный народ у нас. Вечером возле дома опять была автоматная очередь. Совсем рядом. Балуются, играют, а наверно и выпившие. Очень страшно. С пьяных что возьмешь. И убить могут запросто, если выпьют. А они все время тут пьют.

12 февраля 1993 года

Дела неважнецкие: Грузия нагнетает истерию, мол, абхазцы готовятся к штурму Сухума, сосредотачивают свои войска у реки Гумиста. Шеварднадзе заявляет, что будут бороться «до последней капли крови». Ему так легко говорить – не он и не члены его семьи подставляют головы под пули и ночуют в холодных танках зимой. И еще он сказал, что потеря Сухума будет означать потерю самостоятельности Грузии. Ну, зачем так утрировать и нагнетать? На Абхазии клином свет сошелся? Почему это Грузия не может быть самостоятельной без Абхазии? Я полагаю, что он так говорит, потому что, в самом деле, без курортов и субтропических продуктов Грузия почти ничто – Аджарии ей тут мало. Во-вторых, таким заявлением он снова будоражит молодежь Грузии, чтобы она ехала сюда воевать из других регионов республики, а не только местные ребята. Грузинская молодежь, которой тоже явно все это надоело, они устали и ей хотелось бы сидеть там, в Грузии, у себя дома, а не мерзнуть в танках и у нашей реки. Такое заявление главы правительства лишь подхлестывает их. Как же, они ведь потеряют все, вплоть до самостоятельности своего государства. Вот такой дальновидный политик Эдуард Амвросиевич. Но и мы не профаны, а понимаем для чего это нагнетание и истерия. Снова прибыли дополнительные танки, войска и, чтобы оправдать все это будоражит он и свою республику. И верно сказал Ардзинба: надо оправдать новую эскалацию!

А жизнь наша – тут кошмарная и конца зимы нет. Ледяной холод в квартире. На дворе опять пошел снег. Эл. свет дали, но он такой, что его все равно что нет. Можно лишь при его свете передвигаться по комнате, не натыкаясь на мебель. Ничего на электрической плитке не сварить. Я голодная! К тому же хлеба как не было, так и нет. Уже второй месяц я не видела хлеба. В

ковшике поставила на электрическую плитку вечером крупу для варки мамалыги. Легла спать, оставив ее на плитке, зная, что она и не закипит. Так и было. Лишь в два часа ночи замесила муку в этом ковшике. Почти до утра возилась то с кашей, то с кипятильником для нагрева кипятка для термоса. Свет отключают к тому же днем и ночью примерно на 5-6 часов. Что можно сварить?! Или согреться? А Шеварднадзе (слышала по телевизору), обещает Армении дать частично электричество из Грузии. При том, что Абхазия сидит в холоде и голоде. Мне странно – все время речи о бедной Армении. Опять там исчез газ, мало хлеба (250 г. в день на человека). Но о газе мы уже мечтаем не один год, а хлеба не видим ни крошки. Молчат все! Видимо, им невыгодно рассказывать о бедственном положении населения нашего города. Как же! Контролируют город полгода, и жизнеобеспечение людей в городе до сих пор не налажено. И это новое руководство! Прежнее было плохое! Вот и получили «хорошее!»

Выступал по телевидению Абхазии новый премьер Абхазии – Надарейшвили. Был он что-то вял на этот раз. Говорил о том, что много дел, будут строить новую независимую Грузию и т.д. Когда будут строить? Не пора ли начинать? Или когда все перемрут от голода и холода?

В магазинах почти ничего нет. Если что и привозят то все некачественное, плохое. Если растительное масло, то горькое, если томат, то кислый, если повидло, то все в яблочных косточках и внутренних перегородках, так что есть даже опасно. Вот так нам будут присылать все «дай Боже, что нам негоже», в Абхазию. Зато курорты им тут, ох, как нужны. Только население Абхазии не нужно. И не только абхазы. Никто не нужен. Метрополия – это Тбилиси и дело с концом. Наше дело молчать в тряпочку – мы: колониальные люди. Жаль, что местные грузины этого не понимают. Хотя до кое-кого уже доходит: мы никому тут не нужны, такой я уже слышала разговор и от них. Так-то! Еще не то будет. Сейчас все сваливают на войну, на абхазцев, а потом? И потом будет так же плохо, как сейчас. Нам бросят лишь кость, остатки с барского стола, то бишь Тбилиси. В газете ихней прочла смехотворную, лживую статью предназначенную для русского населения. О том, что Грузия простирается вплоть до Туапсе. Что же за чушь? Ну, кто не знает, что в местах Сочи и его окрестностях испокон веков жили совершенно другие племена: убыхи, джигеты, шапсуги (кстати, живущие там и сейчас)? На кого, каких дураков рассчитана эта статья? На простаков, на знающих совершенно историю? Уже по этой статье можно судить, насколько правдива вся информация в этой газете. Лучше бы они

этот номер и в Москву не послали: там она вызовет лишь недоумение, смех и обнажит всю остальную их фальсификацию истории Абхазии. Ври, да знай меру, как говорят. Мне даже жаль этих ребят – гвардейцев, которым заморочили голову политики. Не политики же подставляют свои головы под пули. Вот будет читать их молодежь такие статьи и верить всему, что там пишут. Отсюда и нагнетание обстановки. Из-за незнания истории. Мы, сказал Тамаз Владимирович по телевидению Абхазии, - находимся в обороне! Надо же! Они в обороне! А кто же нападающий? Абхазцы же, конечно, такие - сякие. 90-тысячный народ напал на 3-х миллионный, кажется, да? И третирует его. Ну и ну!

Неужели общественность слепа? Хорошо подметила газета «Наша Россия» оппозиционная Ельцину, которую весь год получала из ее редакции. Она пишет, что во всех этноконфликтах и национальных столкновениях зачастую агрессор и его жертва ставится в один ряд, на одну доску. Это как раз случай с Абхазией. Нам утверждают, и опять это сказал по телевидению Надарейшвили, что войну эту Грузии навязали против ее воли. Будто танки абхазов вошли в Тбилиси, а не наоборот. Поехал же Ельцин в Татарстан договариваться с непокорной республикой, а не ввел туда войска и танки. Если Эдуард Амбросиевич за годы нашей войны уже 6 раз приезжал в Сухум, почему он не приехал сюда один раз до этой войны, чтобы сесть и всё обсудить за столом переговоров. Да ну! «Абхазы же мох, который надо содрать с тела Грузии», а с мхом кто станет договариваться – это же низшее клеточное существо. И вот вам итог, а теперь вопят, что «навязали» и они же обороняются, будто не их «Грады» тут грохочут днем и ночью на ту сторону. Горстка несчастных абхазов и целая армия приехавших сюда бойцов, пусть и добровольцев. Все ведь вооружены до зубов. И не выглядят оборонцами.

18 февраля 1993 года

Беда! Опять погасло электричество. Похоже, что-то опять произошло с линями эл.передач. Значит, снова печка-банка, дрова и др. «прелести» нашего бытия. Вчера я пошла уже искать наших дальних родственников, поскольку у меня с начала конфликта в городе ни одной родной души. Не с кем поговорить, обсудить наше положение, или что-то новое узнать о намерениях наших гудаутцев. Начала я с Цицы. Нашла ее в центре в большом высотном доме на 6-эм этаже. Хорошая большая квартира, но то же стылая и без признаков условий для бытия. Правда, в лоджии

железная печка, немного сырых дров. Две бедные женщины – мать и дочь. У Цицы лишь мизерная пенсия, а дочь сейчас без работы. Вот так и живут. Печка правда, весело горела, я отогрелась. Женщины мои затеяли до моего прихода приготовить такую роскошь по нынешним временам: пирожки с картошкой. Угостили, сварили (тоже роскошь) растворимый кофе, видимо оставшееся от лучших времен. Посидели, поговорили, вспоминали былое и молодые годы, наших бедных репрессированных родных, посетовали о нашем бедственном положении абхазцев. Ничего нового там не узнала, кроме того, что знаю сама по редким передачам по телевидению. Теперь без эл. света опять и новости эти не услышим. А холод неимоверный – я ночью, даже в теплой постели, так и не смогла согреться. А за окном опять пошел мокрый снег. Постоянно идет снег этой зимой, начиная с декабря, чего в прежние годы не было. Все против нас! От Цицы я вышла через парк, возле Дома правительства. Горестно смотрела на вырубленные деревья мушмулы, не пожалели и раскидистые кусты магнолии суланжа, которая обычно распускает весной прежде листьев свои крупные сиреневые колокольчатые цветки. Вырубают парки на дрова! И это «патриоты» города! Нужен им Сухум, как пятое колесо. Им лишь земля нужна. Живут они чисто потребительски. Ну, мерзнут, ну, готовить негде, но ведь и я так живу, но не вырубаю зеленую красу города. Собираю щепки, ветки, кору.

По городу не пройти от прибывших сюда новых гвардейцев. Кишит ими город! Это из-за очередной передачи по ТВ о новом, мол, наступлении абхазов на Сухум, на прибытие сюда к ним на подмогу других людей с Северного Кавказа, Молдовы и т.д. Все для того, чтобы был повод для нового ввода их войск из Грузии и техники. Что же делать дальше, ума не приложу. И о чем переговариваться и договариваться при таком жестком отношении к абхазцам. Их тут обобрали до нитки. Заняли их дома и квартиры. Каждый день только и слышишь о новом беззаконии по отношению к абхазам. Они уже давно тут вне закона. Живу и не знаю что со мной станет завтра. Уже полгода длится все это! Сколько еще? Хлеба не ела уже два месяца. Люди тащат тесто из завода. Но я не могу выстаивать долгие очереди: отмораживаются ноги. Потом их вообще не на чем и нечем согреть. Так и заболеть недолго. Живу кукурузной мукой. Но и мамалыгу есть – то не с чем. А лепешки на таком эл. огне не прожариваются – рассыпаются. А теперь и такого света опять не стало. Господи, как жить, когда конец такой зиме? Никогда я так не желала конца зимы, как в этом году. Но ведь и весной и летом надо что-то варить, на чем-то готовить. На чем? Самое главное,

что у нас нет огня! Нет элементарного для жизни: огня, тепла, света! Вот такое новое правительство настало.

В библиотеке ненормальный сторож. Он не пускает нас на работу, оскорбляет, выгоняет. А директор его боится и потакает ему. Боюсь, что и зарплату нам в таком случае перестанут выписывать. Тогда будет и голод ко всему прочему. Полный город безработных мужчин, а сторожем взяли ненормального человека. Мало горя нам в такой жизни, так еще и это!

Рядом русские соседи топят свои железные печки, пекут лепешки. Никто не позовет погреться. Не нужны мне их лепешки, позвали бы хоть отогреться – они ведь знают, что у меня нет огня. Вот такие соседи!.. Какие невнимательные, черствые, бездушные люди у нас тут среди них. Да, мир не без добрых людей, но их, добрых, не так уж много. Ведь от того, что я у них погреюсь, их не убудет, неужели им жалко поделиться теплом, ведь печки все равно горят-то. Какое жестокое время и люди! Самой навязываться не хочу – им это, наверняка, не по душе. Распогодится, пойду искать других родственных абхазцев и знакомых. Жаль, что близко никто не живет. Вместе как-то бы легче пережить все это. Совершенно я одна, как перст! И ни один гудаутский родственник не позаботился обо мне, не прислал весточку, кроме Лены и старика – знакомого из Молдовы. Но это даже не родня. Такая вот черствость со стороны моих родичей.

Я только встала с постели. Квартира ледяная, огня никакого. Не хочется умываться ледяной водой. Не буду умываться. Рассказывала Цице и Аде о том, что пережила с августа. Они плакали. Сказала, что не буду рассказывать, если станут плакать. Мы уже закалились и очерствели. Я плакать уже не могу.

У Цицы тоже руки в мелких ранках от дров и печки. Я иногда, если удастся сварить мамалыгу немного, ем ее остывшую. Помажу немного аджикой и ем одну мамалыгу.

Да, мы, оставшиеся здесь абхазцы, сберегли свое имущество и квартиры, но какой ценой! Ценой холода, голода, всевозможных лишений, одно из которых невозможность в течение нескольких месяцев зимы просто помыться и вымыть голову, ценой постоянной угрозы быть ограбленными и тут же убитыми. Знают ли это те, кто отсюда бежал в августе? В панике. А мы, герои, остались. Ведь и нам тоже было страшно, мы ждали всего, чего угодно, от окружающих нас враждебно настроенных людей, вооруженных. Перетерпели и страх и все лишения.

19 февраля 1993 года

В морском порту, в «Черноморце» дают гуманитарную помощь. Вот выстояли старушки всю ночь, а получили по горсти

сахара и риса! Вот и вся гуманитарная помощь! Зато эта «гуманитарная помощь» свободно курсирует на рынке у спекулянтов: сахара полно – 1 кг.: 500 руб., рис продают пачками… Откуда у них все это? Ведь завоза больше нет никакого. Один ответ: гуманитарная наша помощь. Сегодня с рассветом вышла к «Колосу» за тестом. Не давали. Это потому, что вышла я – вчера тесто было, а я не пошла. Люди простояли впустую. Нет света, один движок не справляется с замесом теста, и воды, наверно нет. Сказали: не ждите, парни на передовой сидят голодные. Уже военным у завода не дают хлеба, ни теста, потому что им везут прямо на передовую в фургонах хлебных. Очевидно, они уже от передовой и не отлучаются, боясь нападения на город абхазских частей. Вот так-то! Сидят там и ночуют в своих танках, голодные, без хлеба. И зачем они сюда вообще приехали из своей благословенной Грузии, сидели бы у себя дома. Задурили им головы и заставили. Политики! «Демократы!»

Я юбку перешила уже на четвертую петлю и все равно она с меня уже падает. Придется сделать сбоку складку – будет юбка с запахом. Мечтала о такой давно. Нет худа без добра – без войны я и не похудела бы. Вот только бывает голодновато, нечего есть, а цены просто стали недоступны, в том числе и на черном рынке.

В очереди за тестом я выразила сожаление стоящей рядом русской женщине, что стоим мы вот бесполезно, так и не зная, будут ли давать тесто или нет, мерзнем, что в России русские так бы покорно не стояли, а потребовали бы ответа, стуча в дверь или вызывая заведующего, на что та мне ответила: «Да, вот прожили мы здесь почти 50 лет, а теперь…» Вот и понимай что «теперь!» А они, т.е. грузины, твердят по телевидению и в прессе, что русских никто не обижает и не ущемляет. Да их вот так постоянно унижают в этих очередях за хлебом, в которых грузинов-мегрелов почти нет, а стоит одно почти русскоязычное население. У другой стороны есть и мука и прочее.

Когда я иду на рынок через вокзал и вижу в основном эти их разноликие лица – везде они – тихой сапой в течение 40 лет оккупировавших без оружия Абхазию, в особенности наш Сухум, то меня очень раздражает это. А теперь взяли Сухум военной силой, вытеснив отсюда навсегда аборигенов Абхазии – самих абхазов. И когда по телевидению они все время повторяют «апхазети», «апхазети», думаю: «Почему «апхазети»? Назовите «Чубурхинджи» или еще как-то по своему. Если уж абхазов прогнали вовсе. Идешь, и будто не по Сухуму идешь, а где-то в бывшем Миха Цхакая или Зугдиди или еще где в коренной Грузии. Давно Сухум не абхазский город.

Шла я на рынок и в библиотеку через вокзал. Народу там масса. Они! С баулами и вещами уже не так часто, а с мешками мандарин, с картонными ящиками. Везут цитрусовые на восток, в свою альма-матер – Грузию и Тбилиси. Из нашего же благодатного края, за который они намерены лечь костьми, но не отдать: это их земля, как они утверждают. Да уж, под дулами автоматов со всем согласишься! Днем довольно сильно опять грохала установка «Град», будто кашляла, захлебываясь. Потом они скажут по телевидению, что абхазцы прорвались, а они, мол, отбили противника. И многие поверят. А я не верю ни в какое наступление абхазов. Просто они грохают отсюда по нам и будут лгать, что это лезут в Сухум абхазы. Как надоела эта беспрестанная ложь и ложь! Сегодня морозно было утром, но солнечно. Может скоро кончится проклятая зима? А света все нет опять. По дороге домой набрала полную сумку веток платана приготовить себе еду. Опять сажа, копоть, паутина, зола, цыпки на руках и порезы.

20 февраля 1993 года

Сегодня вроде пахнуло весной – такой был весенний день, хотя ночью и не могла согреться под двумя одеялами. Измучилась с огнем, ветки платана сырые не горят, а сухих дров у меня уже нет. Пусть и весна и лето – жизнь не станет легче. Самое главное – нет огня и хлеба. Огонь – это и еда. Не будет огня, не сваришь себе похлебку, не пожаришь лепешек из кукурузной муки. Опять люди тащат всякие дрова. А откуда в городе Сухум их взять? Это и деревья вдоль тротуаров, и всякие деревянные строения: ларьки, киоски, двери и окна покинутых зданий, мебель не работающих и не охраняющихся учреждений. А чем же еще топить и варить еду?

Соседка сказала, что у них есть газ – приобрели за 1.000 рублей. Конечно, зять, муж, там, где есть в доме сейчас мужчина, еще терпимо. Хуже всего одиноким женщинам, старым.

Из-за света уже опять нет третий день воды в городе. Пользуюсь пока старыми запасами – на 2-3 дня. Потом опять идти к колодцу на ул. Эшба.

Дорогие мои соплеменники, энергетическая блокада принесет беду лишь самому городу – будут вырублены все деревья и краса города, поломаны деревянные строения. Ничего эта блокада для победы не даст. Ничего! Сухум нужно просто брать!.. Сколько мучить людей и самим мучиться? Может быть с потеплением произойдет какой-то сдвиг в этом противостоянии? И телевидение мы опять не слышим. Хоть что-то мелком

узнавали об Абхазии. Теперь ничего. Пока был свет, мои бедные руки немного отошли глицерином, растительным маслом. А теперь опять как наждачная бумага и ранки. Между тем сегодня днем страшно стреляет «Град», слышна автоматная очередь – ведь линия фронта от нас рядом. Особенно страшно ночью – ни зги не видно, так темно без электрического света, грохочут артиллерийские орудия, иногда раздается автоматная и пулеметная очередь. Лежишь, вжавшись в постель. Так сколько это будет продолжаться? Или уж так или этак, но надо что-то решать. Что думают в Гудаутах, знать бы нам тут.

Опять вдоль улиц горы мусора и на этих кучах бедные мертвые кошечки. Или от голода околели или от наезда машин. Сколько их вдоль дороги в этом году погибло. Люди частных домов вылизывают свои дома, дворы и сады и все выбрасывают на улицу. А машины мусорные сейчас не ездят и мусор так и валяется. Господи, на что стал похож Сухум? Этот чистенький прежде, белоснежный город, каким он был в 50-60-х еще годах до нашествия этой ватаги – саранчи. Сколько грязи нанесли машины, танки. И все на улицах и тротуарах. Как в деревне – масса грязи. Людям все надоело, они просто устали. Они хотят просто жить – и все! А не бороться всю жизнь.

У меня иссякают силы без огня и света. Я очень устаю от этой возни с хворостом, печкой, дровами да еще и ходьбы всюду пешком. Очень уж далеко ходить приходится. Утром я еще иду бодрым шагом туда, а назад еле волоку ноги. И обычно с грузом – с рынка или с полной сумкой коры и хвороста для банки-печки. И еще оттого, что не вижу просвета. Видимо, кто останется сейчас жив, будет и жить дальше. А другим суждено погибнуть в этой борьбе с лишениями, невзгодами или от снарядов или пули. И от грабителей я еще не застрахована – все еще может быть.

21 февраля 1993 года

Я уже боюсь стучать на машинке. Рядом поселились на площадке агрессивные ребята местные – грузины. Их вселила сама хозяйка абхазской квартиры. Могут спросить, что я тут выстукиваю. И дневник надо из дома унести. Вчера ночью самолет сбросил мощную бомбу недалеко от нас – остановка «Подъем». Весь квартал разнесло – там частные дома, виллы и особняки грузинские, в основном. Это было в 12-ом часу ночи. Даже в нашем доме у людей вылетели стекла. У меня в комнате – тоже. Так и спала до утра с открытым окном. Простудилась. Ведь февраль! Кругом люди во дворах мели осколки стекол. Днем мне сосед натянул по моей просьбе пленку на окно. Я за зиму лишилась 3 больших стекла – где их сейчас взять?! Днем

случилась неприятность. Я стучала соседу – Игорю (звонок же не работает), хотела напомнить о пленке, чтобы он не забыл, его дома не было. Никто не открыл и я ушла к себе. Зато постучал парень из квартиры абхазской (они, оказывается, там сидели человек 5 и выпивали) и сказал, что я их подслушивала у двери, что он видел это сам. Напрасно я его убеждала, что всего лишь стучала соседу насчет пленки на окно. Он грубо орал на меня, чуть не ударил, пригрозил… Я очень расстроилась. Во-первых, я настолько плохо слышу, что не слышу стуков соседей в свою дверь, о каком подслушивании может тогда идти речь? Во-вторых, моя интеллигентность мне этого делать не позволяет, в-третьих, они говорят на грузинском языке, а я его не понимаю. Абсурд, конечно. В такое страшное время, когда я сама всего боюсь и нуждаюсь в защите, разве я стану лезть на рожон, кого-то подслушивать, подставлять свою голову… Мне бы от них вообще подальше держаться, а вот они оказались рядом на площадке. Но мне же надо выходить на нее иногда. Хорошо, что там с ними оказался один мой сосед – Гия Эсебуа и он вроде все сгладил. Но все равно они мне не поверили. Я теперь их еще больше боюсь. А у них бандитские физиономии, с такими шутить нельзя. Обидно, что я ни в чем не виновата. Они подвыпили и им это показалось. Им все кажется, что мы, соседи, имеем что-то против их посещения этой квартиры. Но у нас и своих проблем хватает, не до чужой квартиры.

Да, стучать на машинке уже опасно. Надо уносить куда-то дневник и писать дальше от руки. Очень опасно жить тут стало. В любое время ни за что ни про что могут расправиться со мной. А эти ребята говорят, что они нас тут защитят от мародеров. Если бы так! Едва ли.

Как рассветает, вздыхаю с облегчением. Очень страшно по ночам.

Вот так могут меня тут спровоцировать приписав мне то, что я не совершала, чтобы расправиться со мной…

25 февраля 1993 года

После того, как вышибло мое окно во время взрыва и я пролежала всю ночь с разбитым окном, я заболела: воспалением бронхов (очаговая пневмония). Это заболевание очень опасно для меня, т.к. начинается астма. С таким диагнозом меня в 1980 г. положили в Республиканскую больницу и я там лечилась целый месяц. А тут оказалась брошенной на произвол судьбы, совершенно одна без огня, света, воды и тепла. Хорошо, что дома были лекарства и все, что надо для простуды, но ведь нужен кипяток для чая, а нет ни воды, ни огня, т.к. я не могла разжигать

свою печку при открытом окне и кипятить себе воду. И дров нет. Попросила соседей, они принесли мне два раза термос с кипятком (вода – моя, т.к. ни у кого нет лишней воды). А потом больше и не зашел никто! За целых два дня. Лежала с температурой 380 и вся горела. За весь день сумела съесть лишь 1 апельсин и выпить чаю – ничего не хотелось да ничего готового и не было, кроме мисочки борща. Но его еще надо было разогреть на чем-то. На другой день спала температура и, хотя надо лежать, я все же встала, чтобы что-то подогреть и испечь кукурузные лепешки. Есть после спада температуры очень захотелось. Даже те старухи, с которым я худо-бедно общалась – Валя Тарба и Лида Лутс – покинули эгоистически меня. Такие вот «друзья»! Хорошо, что у меня было не воспаление легких да и кто знает, может и оно – боли под лопаткой. Соседка – грузинка стала сторониться. Чем упорнее бои под Гумистой, тем они здесь больше отдаляются от нас. Видно, готовят нас к худшему. Думается, что если абхазцы все же прорвутся в Сухум, что мне кажется маловероятным, то, прежде, чем отсюда бежать, грузины прикончат нас, оставшихся тут абхазцев…

Купила снова «Демократическую Абхазию». В ней на 1-ой странице большой заголовок слов вроде бы Т. Надарейшвили, а это сказал Шеварднадзе: «Сдача Сухуми будет означать потерю государственности Грузии». Не больше не меньше! Надо же как-то поднять на борьбу уставших от войны грузинских ребят – вот и пугает. А как же была у Грузии государственность в прежние века, когда Абхазия еще не была пристегнута к ней Сталиным?

В конце статьи фраза, вызвавшая у меня ироническую усмешку: «Враг не пройдет в Сухум. Город не будет сдан врагу». Это абхазцы-то враги своему родному городу, столице многовековой?! Ну и ну! Под рубрикой «Вести из-за Гумисты», как обычно, сарказм и ирония по поводу царящих беспорядков в Гудауте среди казаков и вообще. Будто у нас здесь не то же самое: пьянство, мародерство, убийство, спекуляция, наркомания… Все это знакомо и нам тут. Так что не стоило бы об этом и писать и смешить сухумчан. Они это знают по себе.

Встретила своего школьного товарища по Лыхны, живущего давно в Сухуме – адвокат, Вова Микадзе. Я ему выразила надежду, что с его фамилией наверно, ему тут легче. Он, по паспорту, абхазец. Он сказал, что ты, наоборот, еще хуже, гораздо хуже, приходили уже домой к нему несколько раз. Они отлично знают все квартиры, где живут абхазцы. К Ляле Инал-ипа приходили двое мужчин: один в форме военной, другой – в гражданской. Спросили, не хочет ли она уехать отсюда. Вероятно, им нужна ее квартира. Вот так придут и выселят ни с того, ни с

сего. Тогда и уехать можно в Гудауты, бросив и отдав им тут все. Нет уж, дудки, буду держаться пока до конца. Но с каждым днем жить становится все опаснее. И штурма города боюсь, и местных расправ. В «Демократической Абхазии» опять о зверствах абхазов над грузинами в Гудаутах. Страшно это все читать…

На базаре – вещевой рынок. Люди вынесли из домов все, что у них было, на продажу, чтобы собрать денег на еду. Меня пока с работы не прогнали. Это меня и кормит. Но все равно голодно. Все очень дорого, покупать нечего, огня чтобы приготовить что-то, нет. И уже, как погасло электричество, опять не стало питьевой воды. Давно все запасы воды кончились у меня. Нам грозит эпидемия. И дождя, как назло, нет, чтобы собрать дождевую воду хотя бы для туалета и мытья рук. То шел и шел снег и дождь, а теперь пасмурно, но сухо. Правда, стало чуть-чуть теплее, нет морозов.

Я посадила в банке лук репчатый на перо и выставила на окно. В марте – апреле будет у меня в тарелку супа зеленый лук. Только бы не пропасть, не заболеть, выдержать всю эту блокаду какую-то. Сегодня сосед-грузин дал пшеничную лепешку – это Гогия Коля. Они с женой – отличные люди. Самые добрые ко мне в доме. Хочу, чтобы мои родные это знали, если я вдруг погибну и умру. Пусть скажут им за меня спасибо. Тамара и Коля Гогия из среднего подъезда. Не все они злые. Мне тоже жаль всех гибнущих ребят: и тех, и этих.

Надо купить к весне кукурузу хотя бы 10 кг. Пока она стоит 80 р., будет дороже весной. Кто знает, когда кончится эта заваруха. Мои щепочки на исходе – где взять сухие дрова? Как без дров что-то сварить, поесть горячее в феврале? Да еще больной, простуженной, со слабыми бронхами.

26 февраля 1993 года

Проснулась в 3 ч. ночи от плохого сна, каких-то странных перебоев в сердце. Я ведь еще не поправилась от острого бронхита, астматический кашель. Думаю, надо дневник переправить как-то на ту сторону. Могу умереть внезапно, погибнуть, и тогда он не попадет по назначению, к моим. Пошел дождь и сырость, я еще больна, не выхожу. Нет дров, нет кипятка, нет горячей еды, стылость в квартире. Два дня мне давали кипяток мои соседи. Моей же водой. Все как-то выкручиваются: у кого даже газ, у других керосинки, печки. Сообщила на работу, чтобы зашли помогли с горячей пищей. Был бы огонь, я смогла бы себе что-то сварить, вскипятить чай. Как в блокаду выжить

одиноким больным? Сообщила Саре Дж., чтобы пришла. Может, она знает, кто едет на ту сторону, чтобы передать дневник. Из него они полнее узнают о нашей жизни. Сегодня пока есть 1 кукурузная лепешка, и открыла банку консервированного самой перца. Но это не еда горячая для больного бронхитом. Вчера соседка занесла 3 пышечки с картофелем – испекла она на газе. Съела с наслаждением со своим салатом.

Опять возобновились у меня слуховые галлюцинации. Был перерыв, а теперь – опять! Я и оттого тоже проснулась этой ночью. Плач, причитания (амыткума) одиночные и хоровые. Так явственно и чисто слышно. Ужасно неприятно! От этого и инфаркт недалеко схватить ночью же. По физиологии, видимо, все слышанное это много на похоронах и плач у могил, осталось, запечатлелось в мозгу и вот теперь воспроизводится будто наяву. Но это уже полудушевное заболевание, наверно.

Днем пришла Сара. Она тоже недавно переболела, сидела голодная. А в общем, ничего утешительного и она не знает кроме того, что ее ребята пока там живы. Посидели, побеседовали, посетовали на нашу жизнь вместе. Она мне, бедная, принесла печенье и банку шикарного варенья из малины и алычи – вместе. А вот чай не могу вскипятить себе – нет дров.

27 февраля 1993 года

Отношения с В.Т., к сожалению, разладились вдрызг. Она с самого начала войны срывалась на меня злым криком ни с того ни с сего. Потом приходила ко мне домой и извинялась, объясняя это тем, что очень нервничает. Я ее понимала, прощала и не прерывала общения. Но под конец это стало уже слишком. Резкие, злые окрики на меня и еще сказала: «Ищи себе других абхазцев для общения». Я ушла, недоумевая. А жаль, из абхазцев лишь она тут рядом. Другие все мои живут в Новом районе или городе. Потом мне они же сказали, что В.Т. агрессивна и со странностями. Оно и похоже! Теперь вокруг полнейшее одиночество!

Утром пришла русская соседка – Ол. Март. И принесла мне, о чудо! – горячий рисовый суп со сливочным маслом. Я еще кашляю надсадно, задыхаясь от спазмов астмы, а вчера за весь день не смогла выпить стакану горячего чая. Закашлявшись, запивала глотком холодной сырой воды. Вот тебе очаговая пневмония в условиях блокады. Как это еще чудом у меня не развилась пока (тьфу, тьфу) астма. Спас меня имеющийся дома «Солутан». Он, говорят, сейчас страшный дефицит – его ищут и пьют наркоманы. Ну и времечко!

Съела горячий рисовый суп соседки и сразу согрелась душой

и телом. Как мало надо человеку да еще в условиях войны и блокады.

Дров нет совсем. А идти и собирать по улице хворост не могу в таком состоянии. Это я совсем свалюсь. Тогда мне – каюк! Надо перетерпеть и посидеть без еды.

Как милостыню выпрашиваю у соседей, больная, кипяток. В каком унизительном положении я тут оказалась… Будь я здорова, вышла бы на улицу собирать хворост и кору для своей печурки. Сара, увидев это изобретение печного искусства, сказала, что ее надо было сфотографировать. Могу и отдать ее в музей истории Абхазии, если в будущем понадобится и выживу.

Зашла к жене Ж. Хашба за стаканом кипятка. У них горит печка, тепло. На печке горячий чайник! Счастливые люди! Не всем так уж плохо, как мне. Одинокому, пожилому, да еще больному, хуже всего сейчас. Где она, эта помощь, и от кого? Лиза, моя давняя приятельница, пришла на мой зов и лишь отругала сказав что ей не до меня и не нужна я, мол, ей. Вот так-то! А лет 25 тут рядом в общении были. Она – эстонка. И как все эстонцы, эгоистична и черства. Вот что делает война с людьми.

С утра грохает отсюда «Град». Говорят, что абхазцы готовят наступление на Сухум (то ли 1 марта, то ли к 4 марта), а отсюда им не дают проводить дислокацию войск. О, Господи, что нас-то ждет?! Уцелеем ли мы в этой заварухе? О наступлении уже сотни раз было говорено, однако. И потом, кто громогласно объявляет об этом? Новая военная тактика, что ли, когда, по-моему, все должно быть как раз наоборот, скрытно. Поживем, вернее, переживем, увидим.

Кто-то на мою дверную ручку снаружи повесил сумку, а в ней литровая банка мясного супа и пшеничная лепешка. Дед Мороз? Почему не постучали? Дверь моя вовсе открыта специально, лишь на цепочке. Не захотели зайти, увидеть? Все равно – спасибо! Но суп-то холоден. Если бы у меня было топливо, я бы и сама чего-нибудь сварила. Ничего, подогрею, есть еще кусок фанеры – сосед нарубит. Вот так я и живу, мыкаюсь. Зашла Нина соседка. Занесла 2 пирожка с повидлом. Есть еще добрые люди, кроме Вали Тарба и Лизы Лутс.

1 марта 1993 года

В последнее время по вечерам стрелять из автоматов вокруг дома что-то перестали. Не до того, наверно, или надоело.

Вечером 28-го февраля я приготовилась к наступлению из-за Гумисты: соорудила баррикаду из табуретки и диванных подушек над головой постели, прикрыла свое «дитя» телевизор и легла в 7 ч. и стала ждать. Было тихо, так и уснула. В 130 ч. ночи

проснулась от дробной автоматной очереди близко за окном. Потом все стихло. Так и не дождалась никакого наступления. А душа была в пятках весь вечер.

Утром встала и решила пойти искать хворост, несмотря на хрипы в бронхах. Совсем нет огня, а, значит, и горячей еды, не все, однако так бедствуют в Сухуме. У соседей, наверху, у русских, даже газ горит. Купили за 1.000 рублей. Но это надо еще иметь баллон и приспособить к плите. Для меня это нереально. Итак, у них горит газ, на плите большая полная кастрюля кипит борща… Да, трудно всем, но **невыносимо не всем**, а лишь подобным одиноким бедолагам, как я. Вот я и считаю, что они-то (т.е. и я), перемрут от такой блокады в первую очередь.

Итак, больная, по-дрова. Иначе без еды останусь. Кашляя, сморкаясь, с хрипами в бронхах, взяла я большую сумку и шнур для вязанки хвороста и отправилась за ним аж от нашего «Колоса» до автобусного гаража на улице возле Тархнишвили. Там я приметила давно валяющиеся ветки от срубленного платана. Пешком туда и обратно! Шла через перрон ж.д. вокзала. Там уже растащили скамьи для сиденья, стоящие на перроне, деревянные, на дрова. Обычно я там отдыхала, идя пешком с базара и работы. Скамей уже нет. Один приличного вида мужчина тащил домой кресло из зала ожидания на вокзале. Все тащат и тащат! Ломают и жгут, как вроде бы «после нас хоть потоп». Выгружали целый вагон пшеничной муки. Но куда она девается потом? Наверно, для армии и своего населения. Стоят грузовые машины с ящиками мандарин. Увозят в Грузию. Но сколько вывезешь? Видела у частных домов выброшенные на улицу срубленные деревья мандариновые. И впрямь, кому они теперь, бездоходные, нужны? Вырубят их и посадят дорогой картофель. Как в Белоруссии будем жить. Я запыхалась со своей бронхиальной одышкой. Наглоталась очень холодного воздуха. Еще больная, вспотела. Как потом не заработать осложнение. Ну, а что же делать? Самое тяжкое, что нет у меня огня и уже кончились запасы воды. А воды нет нигде. И дождевой – тоже. Туалет промыть нечем. Где-то, говорят, есть бассейн с дождевой водой, надо пойти. Схватим мы без питьевой воды эпидемию. Странно, раньше и без эл. энергии кое-где во дворах иногда шла вода. Теперь ее нет. Без света можно жить, ложась рано спать, но как мне быть без воды и огня. Мне нужен горячий чай, больной, а его у меня нет. Грузины стойко все переносят. Еще бы! Мука у них есть, огонь – тоже. Вот с водой худо, но и ее находят. Все терпят, не сетуя, считая, что их борьба – это борьба за право дело. Пленка на моем выбитом окне утром вся запотевшая и мокрая – течет прямо с нее. И это внутри очень холодной квартиры. Слава Богу,

что пока хоть есть крыша над головой. А если вдруг наступление и дом разнесут наш? Боюсь, что не выдержу я этих тягот. И весной, и летом будет тяжело без огня и воды. Даже хуже – грозит эпидемия. Кругом разор и запустение, а работники зеленого хозяйства что-то делают: подрезают кусты, копают газоны. А пальмы от мороза здорово пострадали. Очень была холодная зима, как мы выжили, не знаю. Я уже не купалась больше 2-х месяцев, месяц не мыла голову – негде нагреть воды, нет воды. Белье постельное все черное от сажи, пижама – тоже. Полный шкаф чистого белья, жаль пачкать и его грязным телом – негде потом постирать. Мы уже как бомжи стали. И о нас молчит Центр. ТВ!!!

По дороге обогнала большая, крытая брезентом, машина. Я разглядела в ней ящики с бутылками **шампанского**. Надо же: блокада и прорва у нас тут шампанского! Пир во время чумы? Куда и кому оно? Кругом на кучах мусора лишь из-под него пустые бутылки.

Говорить мне рядом не с кем, и потому я свои мысли поверяю дневнику.

А я слышала, что не 1 марта, а к 4-му марту собираются абхазцы штурмовать город, хотя считаю – это чистым безумием и авантюрой. Ни от нас, ни от города ничего не останется и не возьмут его при этом.

В день советизации Абхазии – 4 марта!? О, Господи, кому нужна сейчас советизация?.. В то же время пока, ничего отличного от прежнего, я не вижу. Тот же диктат и тоталитаризм. Но в еще худшей форме.

Продолжаются грабежи и заселения квартир. У нас в доме среди бела дня обокрали русскую квартиру при ушедших в город хозяевах.

Разгромили и ограбили квартиру Юры Чкадуа и его жены – Св. Амашукели.

Люди тащат питьевую воду пешком откуда-то из Нового района. И еще неизвестно качество этой воды.

Люди приспособили коляски, тачки, сумки на колесиках для дров, рынка и таскания др. тяжестей. А ведь была и у меня такая сумка, и у сестры Риты. После ее смерти все выбросил дурак Лева. Как бы эти сумки сейчас **облегчили** мою жизнь.

Зашла к Ляле Инал-ипа. У нее весело гудит печка. Полно кипяченной воды. Я напилась просто воды от души – теплой, кипяченной. Она дала мне 3 штуки пресных оладика на обед. Вот так и живем – маемся. Доколе?!

Осенью объедались дешевыми фейхоа затем – мандаринами, теперь – апельсинами, 20 р. за кг. Только и остается поглощать

цитрусовые, благо их варить не надо и им не требуется огонь с дровами.

Очень боюсь инфекции при отсутствии чистой воды. Руки хорошо не моем, посуду тоже не промываем, цитрусовые не споласкиваем – экономим воду. И все начальство города просто **молчит**! Значит, прифронтовому, как они его называют, городу ничего **не надо**.

Говорят, Шеварднадзе Э.А. пригласил наблюдателей из ООН, чтобы они увидели, что натворили тут **русские летчики**, сбросив бомбу на жилые дома. Похоже, что и мировое сообщество против Абхазии. А чего ждать-то, что они там знают об Абхазии, кроме как со слов крикунов из Грузии.

2 марта 1993 года

Ночь прошла спокойно. Рано утром пошла по ул. Эшба к колодцу за водой. Одна хозяйка уже нас во двор не пускает. Ходим к другим. Потом взяла карточки и пошла в библиотеку. Через перрон железнодорожного вокзала и пути. На перроне масса беженцев с вещами и мешками мандарин. В основном, грузины. Бегут, как с тонущего корабля, боясь, видимо, непредсказуемых событий. Ну, а что будет с нами? Стоит эшелон с Красным крестом. Шла назад уже полный электропоезд с народом. Это уже другие, днем едут. Уезжают и уезжают. С нами-то что будет, нам что делать?

Сегодня пришлось помотаться, зато пришла домой с едой: Вера наложила литровую банку рисового плова с мясом, крем заварной банки, дали гуманитарную помощь в библиотеке – 2 кг. пшеничной муки (впервые за 6 месяцев войны) и 2 кг. риса. И это хорошее подспорье. Мне так надоели грубые черствые кукурузные лепешки каждый день, а мамалыгу не с чем есть. Получила и зарплату. Купила я еще 1 кг. молодой капусты за 80 р. для весеннего салата.

Все бы нечего да нет ни воды, ни огня. На обратном пути, несмотря на свои тяжелые сумки, собрала немного и веток платана для огня.

Днем проходила мимо дома жилого, где жили абхазские писатели с семьями. Они все в отъезде. А мемориальные доски с домов сбиты, пусто на стене.

Соседи мои всё тащат откуда-то казенную мебель и рубят на дрова. Это – русские.

Весь день через весь город кашляла, захлебываясь, установка «Град». Туда за Гумисту. Оттуда, похоже, молчали. Ну, что они там думают, на что рассчитывают? Загадка с тремя неизвестными.

Базар и центр города кишит военными. На тургостиницу «Сухуми» снова вернулись гвардейцы. В машинах и автобусах – они. Штурмовать Сухум – это безумие. Разнесут все в пух и прах. Говорят, бомбили Мокву и другие Очамчирские села. Они ! Уже полСухума сидит без оконных стекол. И это зимой! И это еще цветочки, похоже, ягодки – впереди. Дрожат стекла, оттуда бросят снаряд, нам не сдобровать. Мне стало не по себе. Наверно, это пока всего лишь пристрелка. Стрельба – впереди. Господи, дожить бы до воскресенья (сегодня вторник), унесу свой дневник к доверенным людям. Вдруг погибну – он дома у меня пропадет или попадет в руки врагу.

За все время войны не видела в городе ни одну крысу! Куда-то они все разом подевались. Сбежали тоже в Россию пережидать в Абхазии войну?

Когда вижу, что в городе кто-то несет **хлеб** таращу от удивления глаза: надо же, хлеб кто-то достал. Мне это уже в диковинку. Кому-то он есть, как и мука, но не нам.

3 марта 1993 года

Ночь прошла спокойно. Только у меня в больных ушах все время трещали автоматные пулеметные очереди, слышался гул тяжелых танков. Может, и наяву было, но для моих ушей далеко, а может и галлюцинации слуховые. Меня они не оставляют: пение, плач и причитания, плач грудного ребенка…

Утром пошел дождь, и мы обрадовались, кинулись наполнять дождевой водой все емкости. Хоть какая-то, но вода. Кто сейчас думает о том, что она кислотная, отравленная, моем ею руки, тарелки, голову. Мыло с рук она смывает плохо – мягкая. С утра занялась заготовкой дождевой воды, потом расщепкой старых паркетин на лучины для огня. Весь день у людей уходит на добычу воды, дров. Это лишь одна наша сейчас тяжкая забота. Хорошо, что вчера, в сухую погоду, принесла веточки платана. Сегодня – дождь, я не смогла бы пойти, еще больная, да и ветки были бы мокрыми. А они еще нужны, нужны. Я собиралась опять идти за ними сегодня, если бы не дождь.

Таща таз с водой, столкнулась в дверях с мужем соседки – он в полном вооружении, с автоматом. Живут рядом со мной на площадке – дверь в дверь. Он угрюм, неразговорчив и в лучшие времена-то никогда не здоровался. И сейчас просто прошел мимо, будто я столб. Страшно мне становится тут, чем дальше, тем больше. Живу как у кратера вулкана.

Говорят, что можно купить 1 мешок муки пшеничной за 4 тыс. руб. В нем 50 кг. Можно купить вскладчину. Такое вот **распределение** в период войны. Муки полно, завались, а у нас ее

нет. И магазины не торгуют ею. Так кто же торгует? Мафия?

Слышала, что радио «Свобода» передавала: Шеварднадзе зондирует почву для политического убежища за границей, т.к. с ним политиканы из Грузии обещают расправиться за слишком **мягкую** политику по отношению к Абхазии. Надо же! Мягкую!!! А что же тогда есть жесткая, если уже погибли сотни абхазов, в т.ч. мирные жители, сожжены их дома, ограблены эти люди до нитки и по ним долбит круглые сутки установка «Град». Может быть, жесткая – это поголовное вырезание нации, как армянская резня в начале XX века? А что, всё еще может быть! Сегодня ожидается наступление абхазов и штурм Сухума. Не очень верю в это. Ну, кто же о наступлении трубит заранее на весь мир и оповещает по радио всю планету?! Такое, кажется, всегда делалось втайне, без огласки. Странная война! Уже вечереет, места себе не нахожу. А что станет тут с нами? Еще осенью Владислав Григорьевич по центральному телевидению сказал: «Мы не хотим разрушать Сухум!» Интересно, как они его будут штурмовать «без разрушения». Думаю о подвале, но и там может завалить. Прощай моя квартира и все сохраненное с таким трудом нажитое за 40 лет добро, не до жиру, быть бы живу. Сегодня, ура-а-а, дали свет.

4 марта 1993 года

Вот и наступил день 4-го марта. А ночь прошла удивительно спокойно. Вот тебе и «наступление»! А утром уже начало погромыхивать. Скорее всего с этой стороны. Гвардейцев в нашем доме будто ветром сдуло – никого не видать. Но все они здесь! Просто сидят, наверно, на передовой и ждут тоже «наступления» абхазцев. В своих окопах. Снег в Эшерах еще лежит.

Сегодня, о чудо, в свободной продаже хлеб в «Колосе». И очереди никакой! Даже не верилось, будто в сказке или во сне. По 35 р. за батон хлеба. Взяла 2 батона. Уже 3-й месяц я не ела хлеба, тем более, свежего. Говорят, и в городе свободно. А как же иначе, полно муки в Сухуме, только электрического света не было. Дали, называется, свет и уже погас. Все же я успела вымыть голову дождевой водой, немного постирать мелочей из белья и позавтракать. Будет ли еще свет, кто знает. Сижу и работаю с карточками. А воды питьевой все нет. Опасно, но пользуемся дождевой, кроме употребления ее в пищу: моем руки, посуду, фрукты, стираем, моем головы…

Свет дали, и заработал телевизор. Но в 18 ч., когда, как обычно, передают «Новости» из Москвы, вклинились они со своим «Телевидением Абхазии». И началось все на грузинском языке. Потом немного передадут и по-русски. Хорошо, если удастся в 20 ч. послушать «Вести» и в 21 ч. «Новости». Не нужно мне такое

усеченное телевидение! Почему после 18-ти ч. не дать местное ТВ? А за окном гремит канонада из пушек. Туда и оттуда – тоже. Свет сегодня горит хорошо, ярко, плитка электрическая накаляется. Тьфу-тьфу! А воды так и нет. Так хочется пить! Ем апельсины, но это все же не вода.

5 марта 1993 года

На мой взгляд, ночь прошла спокойно в нашем микрорайоне – я крепко спала. А вот у рынка, в 9-ти этажный дом, говорят, попал снаряд, и будто бы еще там бомбили. Хорошо, что многие в бегах, жертв было бы больше иначе.

И сегодня, слава Богу, хлеб свободно. Взяла еще, буду сушить впрок сухари на электрической плитке, наученная горьким опытом. Думаю, это результат приезда сюда Шеварднадзе и совещания Кабинета Министров Абхазии в его присутствии. Приехал он, и дали свет и яркий, появился свободно хлеб. Наверно, он им сказал, куда, как в прорву, девается вся мука, присылаемая в Абхазию, а люди голодны.

Дома был инцидент с гвардейкой в нашем подъезде. Я была в гостях у русской соседки – Наны. Рядом с ней на площадке квартира Анзора Мукба, где сейчас живет семья гвардейцев. Они вышвырнули за дверь наволочку, набитую мелкими вещами Марины Мукба, этой чудесной хозяйки – жены Анзора. Из наволочки торчал большой альбом с цветными фотографиями семьи Мукба. Я пыталась взять этот альбом и сохранить у себя для Марины и Анзора, но открылась дверь, вышла эта пигалица гвардейка и напустилась на меня: «Зачем лезете – это **мусор**, может там лежит граната…» и т.д. и т.п. Спорить я не стала – она права, вещи чужие, но так хотелось спасти альбом, и я сказала, что меня заинтересовали фотографии. Я извинилась, бросила альбом и ушла. Так обидно! Пусть все сожгут, выбросят, но фотографии – это память семьи, им цены нет. Какая у них к нам ненависть! Она так и пышет из них! Наверно, она меня теперь запомнит. Я совершенно не хочу связываться и сталкиваться с ними – ни по-плохому, ни по-хорошему. С этими людьми спокойно и нормально говорить, увы, нельзя. Разве я могу защитить сейчас Мукба, если сама себя не могу защитить?

Секрет появления в свободной продаже хлеба донельзя прост: в Сухуме уже несколько дней пребывает Шеварднадзе. И будет здесь, как он заявил, по передаче ТВ «Останкино», на все время обороны Сухума и отсюда управлять страной, т.е. Грузией. Значит, появился он здесь, и хлеб для нас нашли, и электричество мгновенно дали без отключения часами и накал сильный… И вода пошла. А уедет, будут опять держать впроголодь и в

потемках? В самом деле, полон город муки, а хлеба для населения нет. Куда же она девается? Видимо, орудует хлебная мафия. Построим мы тут демократию, как же!!! Днем очень сильно стреляли из артилл. орудий. Ночью бомбили Сухум или снаряды были, но что-то в городе произошло, в центре – я не знаю. Очень страшно жить! Всюду может упасть бомба или снаряд. Нет, с ними тут жить будет невозможно. И не только абхазам, но и русским, и армянам и др. Республика нахалов, наглецов, ловчил, хапугства и прочее. Во всем бывшем СССР возросли во сто крат коррупция, преступность, бандитизм, а здесь во много раз хуже. Да еще национальные распри на этом замешаны. Хоть вой и удирай, а куда? Керосин стоит уже 70 р. за литр.

6 марта 1993 года

Пошла к Цице – отнесла кое-какие газеты, журналы. Живется им тоже трудно – на 6-ой этаж без лифта (сейчас) приходится таскать дрова, воду, а у Цицы – ишиас. Она была очень встревожена: пропала бесследно их знакомая, по фамилии Амичба. Вот так могут забрать тайком и расправиться. Погоревали, посетовали, оставили меня завтракать Мне не хотелось их объедать (им трудно живется), но меня бы они не отпустили так, и я осталась. Цица с Адой сварили картофель, испекли оладий, открыли (наверно, последнюю и единственную) баночку то ли хека, то ли трески в масле. Посыпали густо рыбу луком – такая была вкуснятина. А год назад такую рыбу мы отвергали начисто. Вот так-то! Здание, где размещалось «Айдгылара» на ул. Фрунзе возле дома Цицы разгромлено, выбиты все стекла. Где они сейчас не выбиты?!! В город выходить опасно – стреляют из орудий, везде снуют гвардейцы. Позавчера дали немного воду на 1-ых этажах, ржавую, жёлтую… Но на другой день она уже не шла! Люди опять бегают по улице с вёдрами.

7 марта 1993 года

Боже, кто сейчас и думает-то о женском празднике?! Не до того!

Утром пошла в новый район, решила найти дом Сары Дж. Пешком. Дом нашла и ее – тоже. Сам дом в ужасающем состоянии: 9-ти этажный, а почти пустой, выбиты все стекла, двери на балконы и окна распахнуты. В нем жило до 90 % абхазов, говорит Сара. Все уехали, бросив всё. У их подъезда стояли 2 громадных танка. У Сары хорошо, просторно, но тоже очень холодно. Посидели, попили чаю с вареньем. Она мне

рассказала страшную историю, как грузины расправились злодейски с одним абхазцем, живущем в их доме, по фамилии Зухба. Дом этот – работников культуры. Десять дней искали соседи – грузины исчезнувшего этого человека, хотели спасти. Потом они его нашли где-то на пустыре, изуродованного, с отрезанными ушами. Вот так око за око, зуб за зуб… Это уже не войне, а месть какая-то. Неужели это непонятно воюющим сторонам? А жить с каждым днем становится все страшнее. В любое время могут расправиться. Сижу тихо в квартире, как мышка, даже телевизор громко не включаю – хорошо, что есть наушники.

Уходить из квартиры в город опасно еще и потому, что и днем ломают двери в отсутствие хозяев и грабят. В доме Сары всех абхазцев, уехавших, ограбили их же соседи – грузины и живущие окрест дома. Присутствие в Сухуме Шеварднадзе ощущаю по тому, что еще свободно продается хлеб, есть электрический свет, где-то вода… Допускаю, что он даже не знал, как прожило население города зиму. Ему не говорили правды. Он приезжал – уезжал, а тут вдруг остался и местные власти сдрейфили и дали хлеб и свет нам. Уедет он, снова будем без хлеба и света. Я не верю правительству города! Допускаю, что в городе, с ведома властей, орудует хлебно-мучная – продовольственная **мафия**, которая связана круговой порукой и наживается на беде горожан. А мы погибаем. Неужели это неизвестно главе правительства Грузии?! Думаю, что известно. Слухи, что он хотел сместить Надарейшвили. Ничего, еще узнает Э.А. наше правительство получше, оно ни сном, ни духом, и не помышляет о демократии, о которой так печется Эд. А. В самом деле, сколько шлют в Абхазию муки, продуктов, а все куда-то девается как в прорву. В городе нет ничего, лишь вермишель по 200 р. за кг., а на черном рынке – всё!.. Вот и живи и выживи с **таким** правительством Абхазии.

По телевидению Абхазии выступал он же, Надарейшвили. Сказал, что «всё хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!» Дали, мол, свет, есть хлеб, ходит транспорт, пошла вода, завезли продукты (но где они?), стёкла… Что-то он усиленно хвалил наше положение в городе, будто доказывал кому-то (уж, не Эд. Амвросиевичу ли), что всё не так уж плохо. Видимо, Шеварднадзе дал ему хорошую взбучку за тяжелое положение горожан. Т.Н. озабочен военным положением. Считает его сложным, трудным. Как ни хорохорятся и надеются на победу, но уверенности в них нет – чувствуется страх перед наступлением абхазов. Но нам, абхазцам, еще страшнее – мы у них тут как заложники – будут удирать, нас прикончат. От Сары я шла домой

задворками, через старый ж.д. поселок, чтобы не попадаться на глаза военным. Но это тоже было не лучше: откуда-то со стороны раздавались автоматные очереди и я спешила выйти лучше на центральную улицу. И дома страшно, и на улице – тоже. А ведь надо еще на работу ходить в неделю 1-2 раза, на рынок.

8 марта 1993 года

Вчера, по телевидению Абхазии, Надарейшвили сказал с уверенностью, что наступление абхазцев на 4 марта было намечено, но **сорвано**, кем, почему – не сказал. Всполошили весь город, люди спали одетыми, наготове, а их разведка попала впросак. Ее или ввели саму в заблуждение те же абхазы или вообще никакого наступления не намечалось. Был придуман повод – 4 марта – день **советизации** Абхазии, чтобы лишний раз обвинить приверженность абхазов к ненавистной грузинам Советской власти. Какая чушь! Она и мне ненавистна. Не будь ее и коммунистов, не произошло бы то в истории Абхазии, что и произошло сейчас. Во всем виновны сталинско-бериевско-брежневские времена, и большевики. А система Брежнева и все ее пороки до сих пор в Грузии и Абхазии живут и здравствуют.

Пошла на работу пешком. Опять через ж.д. пути. На путях стоит, пустой пока, состав санитарного поезда под знаком Красного Креста. Это для вывоза возможных раненных при наступлении абхазов. Хорошо подготовились грузины к возможному наступлению абхазцев. Совсем забыла о том, что сегодня праздник женщин. На работе зам. директора Зое принесли много гиацинтов. И она поделилась со мной тремя штуками; 2 белых и 1 розовый. Чудно пахнут, стоя дома в вазочке. Поставила карточки в ящики, взяла новую работу. Зашла на рынок, и купила 1 кг. картофеля – 160 р., 2 кг. тыквы – 140 р., редис – 40 р. Кукрузная мука сейчас 100 р. за кг., а кукуруза все равно 80 р., хотя свободно в продаже хлеб. Купила в киоске книжечку Нового завета с псалтирем. Вот сижу и читаю с удовольствием. Читать больше все равно нечего, а это, как Библия, для души. Сушу дома сухари. По телевидению Абхазии Надарейшвили сказал, что в Абхазию идет много продуктов, которые оторвала от себя Грузия, зная о положении в Абхазии. Дойдут ли, не перехватит ли по дороге к горожанам эту продукцию мафия и не попадет ли она лишь на черный рынок по баснословным ценам? Уже вижу на черном рынке у спекулянтов большие коробки с подсолнечной халвой. У всех там халва. Откуда, как, попала к частным лицам, через какие пути – дороги??? Это и есть продуктовая мафия! Эх, Тамаз Владимирович, почему делаете вид, что вам все это неизвестно?

А за окном сейчас бухают пушки. Один раз так тряхануло, что дом вздрогнул. Мы уже привыкли, но все равно страшно. Зам. директора обещала выхлопотать нам в честь 8 марта по 1.000 р. в подарок женщинам от Министерства культуры. Боже, в каких условиях мы тут оказались! Хорошо, что сейчас есть пока хлеб и свет. Отпала надобность искать хворост, дрова. Пошла на 1-ых этажах понемногу и чистая вода. Жизнь вроде полегчала, надолго ли? Ну, хоть весна впереди. А сейчас пока сижу и под ногами – грелка с горячей водой. Стынут ноги. Я еще кашляю, и долго буду еще кашлять после воспаления бронхов. А если другие стекла моего окна вылетят – опять заболею, наверно.

Раньше мимоза весной так рано пушилась золотистыми шариками, а сейчас 8 марта, она стоит совсем зеленая. Так и не раскрылась. Такая была стылая зима в Абхазии, что и старожилы не помнят и всё это пало на нашу бедную голову: война, экономическая и энергетическая блокада, суровая зима… Как мы перезимовали?! Да еще без хлеба, без воды! И ни слова о нас не заикалось никакое сообщество! Говорили лишь об Армении, игнорируя Сухум. Да, придет весна, дали свет, хлеб, воду, но могут начаться боевые действия в городе от наступления, и опять беда нам, горожанам.

Все равно надо не проходит мимо хвороста, а набирать в сумку. Если вдруг что и опять останемся без электрической энергии, готовить еду опять будет не на чем. Хлебом, дровами запасаться все равно надо – мы не знаем, что нас впереди еще ждёт. Сколько еще продлится это противостояние. Стараюсь лишний раз не выходить из комнаты и не мозолить собой глаза гвардейцам, живущим в нашем доме. Они всё продолжают выбрасывать на лестничную площадку вещи Марины Мукба – жены Анзора. А оттуда на мусорную свалку. Валяется на дворе и матерчатый красивый абажур Марины. Какая у них лютая ненависть к абхазцам. Особенно у приезжих из Грузии. Сара подметила, что молодежь лояльнее и терпимее, но более старшее поколение грузин – настроено непримиримо. Пройдут 100-200 лет и никто не станет и заикаться о национальности. А сейчас вот, гибнут люди лишь потому, что они не той национальности, которая нужна другим.

9 марта 1993 года

Вчера вечером, в 9-ом часу, так сильно стреляли, что я ушла в ванную комнату и сидела там, забрав туда и свои карточки для разбора. Одна комнатка и окно во всю стену – совершенно негде спрятаться от обстрелов в квартире. Ванная комната (в ней нет

окна) более или менее надежное место. В «Новостях» о нас – ни слова, а 2-ой канал заняло Тбилиси и вело спортивную передачу. А впрочем, что и говорить о нас – сами тут все видим и слышим.

В Новом районе было небольшое строение под фотографию. Там заведовал мой двоюродный племянник Боря Кецба. Нет строения – всё разобрали на дрова, оно было деревянное, даже следов от фотографии не осталось…

Вообще война высветила многих, обнажила суть. А это тоже неплохо и плюс. Нет худа без добра.

Сильно, астматически, кашляю, до слёз, до спазм в горле. Иногда кажется, что – всё, каюк, сейчас задохнусь. Вот результат выбитого в квартире взрывной волной окна. Я хронически больна и надышалась в феврале стылым воздухом, всю ночь без окна.

Сейчас, утром, пока тихо. О, Господи, ну, что они там думают в Гудаутах? Неужели всерьез полагают, что смогут вернуть Сухум? А тут грузины ждут, когда гудаутцы вернут им Гагра и восстановят границу с Россией. Вот и все что они ждут **без всяких там условий**. А доколе будет это длиться, если ни эта, ни та сторона не уступает?

К гвардейцам, живущим у нас в абхазских квартирах, родственники из Грузии приезжают. С детьми, с сумками продуктов… Здесь им может понравиться (а почему и нет?) и они не уйдут из этих квартир больше. Что бы там ни говорил Эдуард Амвросиевич о демократии, сколько бы не декларировал права человека в Грузии, но это всё слова, слова, слова… Все хорошо на словах и в печати. А на бытовом уровне ежедневно, ежечасно будет ущемление, унижение граждан негрузинской национальности. Абхазцев, в первую очередь. Тут даже правительство бессильно – грузинский народ со своей ненавистью к другим и слушать его не будет. И его оставит в конце концов в покое, этот грузинский народ, и он будет жить, так как хочет **лишь** сам. Вот такое у меня предчувствие. А после этой войны люди тут еще больше озлобились на негрузин. Я уже вижу холодность моих соседей-мегрелов по сравнению с августом 1992 г. Мы виноваты в этой войне – вот их мнение, отсюда и неприязнь к нам. И ничего им не докажешь. Просто нельзя! Даже говорить или намекать. Еще больше возненавидят. Лишь молчать! И это «демократия»! А пока что я стараюсь тихо, без шума, двигаться в своей квартире, не выходить на лестничную площадку, во двор, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, «не дразнить, - как говорится, - гусей». И это в своем же доме, у себя на родине! Очень обидно, потому что **все здесь** увереннее и смелее нас. Русские ходят, высоко подняв голову и выпятив колесом грудь, а мы идём, как пришибленные, закоулками и прячась от лишних

глаз. Куда уж какая «демократия»! Абхазия сейчас нам меньше всего Родина, а и другой у нас нет. Вот такой парадокс! Мы – вне закона! Дальше будет лучше? Не знаю. Даже в начале войны мы себя такими изгоями не чувствовали, как сейчас, спустя 6 месяцев после начала войны. Чем дальше, тем хуже. Абсолютная незащищенность никем и ничем. Всяк может с тобой расправиться как хочет и ты не сможешь защититься и некого попросить о помощи. Даже, так называемую, полицию. Как же так жить дальше? Изгои? За что и почему?

Я же говорила: уехал Шеварднадзе, сразу упало напряжение эл. света, электрическая плитка не накаляется и ничего побыстрее приготовить опять нельзя. Все связано с его приездом – отъездом. Сейчас и хлеб снова исчезнет. Так как же дальше, Эдуард Амвросиевич? Вы бросаете нас на произвол таких руководителей Абхазии? И это демократия?

10 марта 1993 года

В Москве начал работу VIII-ой съезд России. Наверно, абхазцы питают какие-то надежды в связи с ним. Но какие? У России своих проблем сейчас по горло, она сама на грани гражданской войны, распада, и ей совсем не до Абхазии. К тому же Россия и Грузия – два суверенных уже государства. Разве может одно отсечь у другого часть территории (Абхазию) и присоединить к себе. Это – абсурд! Не позволит и ООН такое! Так на что рассчитывают мои бедные соплеменники?

Утром немного постреляли у линии фронта – и стихло. Идёт съезд, передышка.

А у меня опять голод. Постоянный пост: горох, постное масло, картофель, тыква и капуста. Вермишель и рис! А есть их не с чем – тоже нужно сливочное масло или молоко. Белковые продукты – мясо, сыр стали просто недоступны. Тем более, сливочное масло. Мясо на рынке – дрянное, тощее, гадкое, а 500 р. за кг. Сыр – больше 1.000, масло сливочное – 2-3 тысячи. А пенсия всего 1.500 в месяц. Нет, нас грабит черный рынок и беспредел всех торговцев. А власти молчат в тряпочку. Откуда на черном рынке коробы сливочного масла? Это же прислано в Абхазию для народа, а оно в руках мафии (это ее торговцы на рынке спекулируют). Горы халвы подсолнечной, любые спагетти. И вообще всё, что хочешь. Откуда? Ведь дороги в Россию давно закрыты. А это наша гуманитарная помощь! Грузия отрывает последнее от себя для Абхазии, а местные власти и правоохранительные органы всё отдали в руки торговой и продовольственной мафии.

Видела по центральному телевидению насколько дешевле овощи в России. А там еще недовольны. Пожили бы у нас! Если власть не может улучшить благосостояние народа, она должна убраться восвояси. Любая! А иначе **зачем** она? Свет опять погас. Надеюсь, просто отключили на время. А вдруг опять диверсия – и все сначала. Боже, когда это все кончится?! Будь проклят Горбачев с **такой** перестройкой. Здорово бахает за окном! Может залететь в дом и снаряд. Очень страшно.

11 марта 1993 года

Ночью опять была попытка прорыва – то ли туда, то ли сюда, я не знаю. Была сильная стрельба у Гумисты, небо черное над нами располосовали осветительные ракеты. Я проснулась от этого и долго не спала. Утром все стихло. Вдобавок к этому непроглядная тьма на дворе – опять, как погасло вчера днем электричество, так и не появилось оно больше. Видимо, опять что-то с ЛЭП или еще что. Но факт тот, что снова мы, вернее, я, без огня и горячей пищи и питья. Опять надо сегодня, идя по пути с работы домой, собирать на улице хворост. Уехал Шеварднадзе из Сухума, и все вернулось на круги своя, как всю зиму: ни света, ни огня, ни воды, а, конечно, без этого всего и хлеба не будет. Хорошо, что насушила немного сухарей. Сижу тихо, как мышь в своей квартире, стараюсь бесшумно двигаться. Чтобы не привлекать к себе внимания. Я, женщина, вроде интеллигентная, никому не причинившая зла и вреда, обиды, а вот вынуждена вести такую жизнь. За что? Человек волен выбирать себе национальность или по матери или по отцу. Мама – русская, родной язык русский у меня, абхазский знаю плохо и не говорю на нем, просто душа моя с абхазцами, моей нацией по отцу, я – за справедливость по отношению к ним. Но знай я, что с развалом Союза все так обернется, надо было, несмотря ни на что взять, национальность мамы. Сестра старшая в Москве русская по паспорту, Лиля Тарнава – грузинка по паспорту (национальность матери). Я не хочу жить изгоем на своей Земле. Я не отрекаюсь от нации отца, но имею право выбрать себе национальность по матери. Все соседи вокруг боятся лишь обстрелов и мародеров. Но мне хуже всех – я боюсь еще расправы над собой. Ни за что, только за то, что я по паспорту абхазка. Такая вот несправедливость! Я, в сущности, живу здесь на положении **заложницы**, хотя пока и на воле.

А март ужасно холодный. Стынут ноги, руки – без грелки не могу… Нет, я не хочу жить в Абхазии больше. Я убежала бы отсюда на край света со своей квартирой и имуществом. Мне 63-й

год. Сколько еще жить-то осталось? И вот такое доживание. Малые народности в новых осложнившихся условиях, при отсутствии всякой демократии, должны просто смириться с такими реалиями. О каких правах человека можно говорить, если нет права на самое главное – на жизнь. А кому хочется погибать да еще страшной смертью, насильственной?

Пошла в библиотеку, а оттуда на базар. Купила 5 кг. кукурузы по 70 р. за кг. На раннее лето, если уж совсем припечет с хлебом.

Базар - обдираловка! 1 шт. яйца стоит 30 р., масло растительное уже 200 р. за литр, сухое молоко – 700 р. за кг., мясо – 400-500, субпродукты – тоже. А люди берут – есть деньги. На обратном пути набрала полную сумку веток платана – для печки. Так и плелась в одной руке 5 кг. кукурузы, в другой – дрова. Еле-еле дошла. С утра еще ничего не ела, кроме апельсина. А уже 2 ч. 30 м. Придя, бухнулась на диван, но лежать некогда: надо печь растопить. Март, дует очень холодный ветер; он задувает печку, она не горит, весь дым идет назад в комнату. Вся квартира в едком дыму, я от него плачу. Так дымно, что сегодня квартиру мне не проветрить. «За что нам эти мук?» - я спрашиваю своих же абхазцев. Мы-то причем?

По дороге ухал «Град» за Гумисту.

Видела у рынка опять Иру Патейпа. Она, как и я, уже почти лишилась сил. Мы ведь не молоды, а я – старше. Она сказала, что мечтает уехать из Абхазии совсем. Я ее поддержала и сказала, что и сама этого хочу. Конечно, хорошо там, где нас нет. Но хуже, чем в Абхазии жизнь, сейчас нигде нет. В. Тарба говорила, что патриоты не уедут. Еще как! Уже многие давно уехали и еще уедут. Пусть остаются молодые, у которых есть еще силы для борьбы и жизни такой. С нас, стариков, хватит! Но дело в том, что нигде мы не нужны – нет больше страны. Сколько терпеть эти адовы муки. Ладно бы только с продуктами голодно и плохо. Но ведь ничего для жизни нет: ни огня, ни света, ни воды (любой), ни тепла… Я чувствую: никогда в Абхазии больше не будет мира, ни лада, ни согласия. Одно противостояние! И в такое-то время – перехода к рыночной экономике. К черту все!..

На улице нашла толь для печки. Он просмолен и хорошо горит. Только копоть и запах от него. Вот так и живу – мыкаюсь. А мои абхазцы в Очамчире, наверно, рады, что снова взорвали ЛЭП. Ну и ну! Неимоверно тяжело жить! Может, мои рассуждения звучат и обывательски, но я очень устала. В первую очередь я – человек, а потом уже – абхазка.

Многие женщины, зимовавшие здесь, просто в отчаянии. В то время, как другая часть населения бежала, бросив в такое время

Абхазию, и пережидает где-то в сносных условиях. На что они там живут? Гудаутцы тоже не испытывают всех последствий блокады и партизанской войны, как тут мы. Зато там теряют ежедневно убитыми и ранеными десятки ребят. Сегодня ночью сильный бой на Гумисте. Изматывают все силы друг друга, но победителей так и нет. Наверно, и не будет. Сейчас 2 ч. ночи и бой утих.

Не могу без злости и отчаяния думать о том, что творится в городе в торговле. Это весьма важно, так как нас схватили костлявой рукой голода за горло. Не могу спокойно смотреть на прилавки крытого рынка Сухума: горы сливочного масла, расфасованного в коробках, халвы, в пакетах, рис, крупы другие, сухое молоко, макаронные изделия и др. продукты, сливочный тур. маргарин, консервы, продукты иностранного происхождения, я не говорю уже о мешках пшеничной муки, продаваемой прямо с хлебозаводов по 4-5 тыс. рублей за мешок… А магазины – на амбарных замках, а те, что открыты, пусты, в них лежит лишь серая мелкая вермишель, которую уже никто не берет (200 р. за кг.), несъедобное повидло и прогорклое растительное масло. Пусть Надарейшвили придет на крытый рынок и все видит сам: куда идет вся помощь для Абхазии. Но он все отлично знает, всё это творится с попустительства властей города. Это уже не рыночная экономика, а произвол спекулянтов черного рынка вкупе с государственной (если таковая еще осталась) торговлей. В Абхазии жить будет нельзя. Смогут жить лишь богатые грузины и сколачивающие миллионные состояния на нашей беде местные мафиози. Вот так строится в Грузии новыми политиками «демократия». Да, есть люди, которые берут всё это и по баснословным ценам. Но ведь основная масса горожан живет на бюджетную зарплату и пенсии. Огромная часть людей вообще без всякой работы, т.к. негде работать. На что же живут эти люди? Не только в войне дело. Дело в беспределе, в хамстве, в наглости, в беззаконии, в коррупции и прочих пороках нашего отвратительного существования, даже не жизни. И все это дело рук власть имущих. Вернее, с их попустительства и согласия, даже взаимодействия. Уже сейчас два полюса: нищих и миллионеров. Да еще эта война! И она тоже за то, чтобы тут богатеть и властвовать. Отвратительный мир, в котором нам пришлось родиться и жить. Лучше вообще умереть, чем так жить и видеть все это.

12 марта 1993 года

А мне с утра брать сумки и идти искать хворост и ветки для своей банки-печки; мала, а берет уйму дров. Появились новые

боли: в предплечье, подмышкой. Видимо, растянула правую руку тяжелыми сумками. Ведь ходить приходится с ними пешком – троллейбусы не ходят. А сумки хвороста мало, надо будет еще связать вязанку его. Так и буду тащить в обеих руках. Столько сил и времени отнимает добыча огня. А без него не съешь ничего горячего. Это же бесчеловечно со стороны абхазцев оставлять людей без ничего: света, огня, воды и хлеба…

Ночью опять пошел снег, и я теперь по снегу должна идти за хворостом. А что делать, если топлива нет совсем и ничего не сварить, не разогреть. Не оставляет нас снег в этом году. Повеяло весной. Даже расцвели ранние нарциссы, гиацинты. Но опять зима берет свое. Наказал людей Бог за войну! За неумение людей договориться, за не доброту и зло, причиняемое друг другу людьми.

И разве это вообще война? С армией? Это – война с мирным населением. Мужчинам должно быть стыдно за нас, старух.

Притащила сумку и вязанку хвороста платана. Набрала в парке у вокзала. У «Колоса» была очередь. За сухарями (52 р. за кг.), хлеба не было. Отставила свой хворост и взяла в очереди 1 кг. сухарей. Не было у меня сумочки для них – насыпала в подол пальто. Так и шла домой.

Печку опять задувает. Март, ветер. Весь месяц будет ветер. Как же мне быть? Поставила 1 стакан какао – не закипает уже час – огонь гаснет от ветра. Так мне за что такие муки, милые диверсанты и партизаны? Я уже писала: ни разу не видела грузинку, собирающую хворост. Лишь русские старушки и мы, абхазки. Комната полна едкого дыма, я плачу от него, а какао так и не закипела. Буду пить не кипяченное.

Если нет сил взять Сухум, надо сложить оружие. Это – мое мнение. И вообще все в дневнике – мое личное мнение; пусть не судят за мое инакомыслие.

А сухари завода подсушены хорошо – я бы так дома без огня не подсушила.

Выглянуло солнышко, но ветер, холодно, ноги стылые как лёд.

Недавно их «Демократическая Абхазия» опубликовала статью, где прежнее абхазское правительство обвинялось в мафиозности. Ох, уж это вечное стремление переложить всё с больной головы на здоровую! Уж сейчас – то ясно видно по торговой мафии и черному рынку, где истинно зарыта собака и где работала локтями мафия, вытесняя всё порядочное, совестливое, законное. Разве в такое время дело в законе о спекуляции? Дело в совести и чести – вот в чем! Где их нет, любой закон всего лишь буква.

К вечеру «мои гвардейцы», т.е. живущие в моем подъезде,

начали какую-то «передислокацию» квартир, т.е. ходить из квартиры Анзора в дом напротив в квартиру Ляли Чанба. Таскали стулья, графины с вином, керосиновые лампы, газовый баллон… Верно, решили кутнуть. Это и понятно – опасная у них работа. Вот напьются, а потом чего я могу ждать от них? Трезвых я их не боюсь. Они не трогают, не задевают, спокойные. А вот пьяных боюсь. Боюсь эту молодую из жен – гвардейку. Кто знает, что взбредет в голову выпившим? То, что не сделает трезвый, сделает пьяный. Так что блокада им нипочём. И баллон с газом есть. Стоит всего 1.000 р., а это им раз плюнуть. А может и бесплатно дают. Мне жалко и этих ребят. Я не хочу, чтобы погибали и те, наши, и эти. Ну, какие они враги?! Не могу я что-то увидеть в них врагов. Обида только на них. И злость на их политиков. А ребята, что? Они-то молодые и всей правды-то, истории не знают. Что им внушают, в то и верят. Внушили им и ненависть к абхазам, в то, что это их враги. Ну, а у меня такой ненависти к этим глупым парням, оболваненным – нет. Ненависть – не христианское чувство. А они такие набожные! Знают ли они об этом?

Стемнело, они кутят, а за окном начали бухать орудия. Опасная жизнь! Устроила баррикаду из диванных подушек в постели над головой. Какой наив! Спасут подушки? А в ногах грелка с горячей водой. Умудрилась-таки нагреть воду. Вечером ветер спал – печка не дымила.

13 марта 1993 года

Как я и предполагала, ребята, выпив ночью, вышли на балкон наверху и постреляли немного из автоматов. Чтобы разрядить свои эмоции и энергию. А вспомни они, что я здесь внизу живу или попадись в это время на глаза, еще неизвестно, в кого бы они ее разрядили: в меня или в воздух…

И соседи-грузины тоже не защитят: они просто не будут знать о расправе или не успеют защитить. Как соседа Сары.

Кругом сплошное мошенничество. По дороге на рынок мне рассказывала женщина: купили баллон газа за 800 р., а на поверку он оказался пустой.

Я купила орехи - фундук в ларьке от магазина за 100 р. за кг. Оказались сплошь прогорклыми, заплесневелыми и дрянными. И так повсюду – одни ловчилы и мошенники. Как рядом с такими людьми жить всегда. Ни полиция, ни милиция ничего не делает и не сделает. Это уже в крови.

«Мои гвардейцы» и сегодня готовятся к кутежу. Наверное, что-то справляют: день рождения или юбилей. Подключились к подмоге и соседи. Целый день что-то тащат из еды из моего дома в дом напротив и обратно. Живут они там у Ляли Чанба, а у нас –

у Мукба Анзора. Кутёж обещает быть серьезный: пришло много новых ребят, все в форме, с автоматами. Столкнулась с ними на лестничной площадке. Они пока не агрессивные, и я их не боюсь, если трезвые. Ну, а если напьются? Ночью обещает быть салют на балконе Анзора из автоматов. Только бы им не пришла в голову мысль расправиться с оставшимися в наших домах абхазцами. У нас это – я и Жора Хашба, в доме напротив – Валя Тарба. По всему видно, что это ребята не местные. Конечно, среди них разные бывают, и от того мне тревожно. Тут и одного хватит, чтобы он расправился со мной и другими абхазцами в доме. Сколько можно жить в тревоге и беспокойстве?!

К вечеру, как стемнело, начали сильно бить артиллерийские орудия. Прямо над ухом. Чувствовала себя беззащитной, как букашка. Стреляли и туда и оттуда. Особенно отсюда бил беспрерывно «Град». Почему-то всегда открывают стрельбу особенно по вечерам, как стемнеет, когда ни зги невидно, так темно кругом без эл. света.

Господи, живы хоть там наши мальчики? Не оставляет меня тревога и беспокойство. Такими вот только обстрелами не взять Сухум. Постреляли – и стихло все. Когда вот так рядом бьют тяжелые орудия и ты бессилен что-либо изменить и защитить себя, я особенно остро ощущаю, как **хрупок** человек. Я чувствую тогда и свое сердце, печень, желудок – все органы. Явственно их ощущаю. Нет, это даже не страх, а чувство бессилия.

14 марта 1993 года

Утром давали хлеб, но мне уже не досталось. Кончился весь, что напекли за ночь. Эл. энергии ведь нет, а движки не могут много напечь. Давали сухари – взяла 2 кг. Сухарями запаслась, но так хочется свежего ароматного хлеба. Очень холодно, стыну вся. Вот сегодня лишь 1 марта по старому стилю. Это и начало лишь весны. И она будет холодной, затяжной. Огня нет, нет ничего горячего. Я просто окоченела.

Утром, часов в 10, к дому напротив, где живет Шота Чкадуа, Люба Кецба, подъехала открытая машина и группа вооруженных ребят в форме. Похоже, не местных. Стали выносить из чьей-то (конечно, абхазской) квартиры сначала мебель мягкую и другую – очень хорошая, импортная была мебель. Затем какие-то вещи в белых наволочках… Все погрузили доверху, достали брезент, покрыли им всё это имущество обвязали веревкой и – увезли. Вот так-то!

И кто им сообщает что вот там-то, там-то есть пустующая абхазская квартира с богатой мебелью? Соседи? Откуда знать, всё это приезжим гвардейцам?

А говорили, что на разграбление дается после захвата города всего лишь 3 дня! А грабят до сих пор. Уже принялись за мебель. И пока из квартир отсутствующих хозяев. Потом могут приняться и за присутствующих – за нас. Вот сейчас кто-то лишился всего имущества, нажитого за всю свою жизнь. И это война! Это же грабеж! И увезли, наверно из города. Ребят было много, не одному кому-то, а продадут (это сейчас дорого стоит), деньги поделят. Только и всего. Наверно, так поступают и абхазцы в Гаграх, Гудаутах с грузинскими квартирами. Такая вот война: око за око, зуб за зуб. Месть лишь друг другу! И почему это я, как считает одна моя русская соседка, должна сидеть с грузинами на лавочке во дворе, сочувствуя им? Разве это они здесь в Сухуме, страдающая сторона, а не мы, абхазцы? Разве это их грабят? Разве это не в их руках хлеб, мука, топливо и др. блага, кроме электричества и **природного** газа. Привозной жидкий газ, у них тоже есть. И я должна выражать им сочувствие по поводу, ах, каких бессовестных гудаутских и прочих абхазцев. Опять с больной головы на здоровую, как это у них, обычно, принято?

И никто из соседей-грузин при вывозе чужого имущества, не пикнул, даже не вышел (лишь в окно, как я, наверно, наблюдали), всё с их молчаливого согласия.

Рано или поздно, но все равно вернутся все эти сухумские абхазцы (никуда им не деться, больше – некуда), так как же эти соседи грузины будут им в глаза смотреть и жить рядом. Не абхазцы же их тут грабили, а они абхазцев.

Днем – тихо, не палят. Зато вечером начнется грохот орудий и будет страшно. И днём очень сильно били артиллерийские орудия. Особенно «Град». Выходить было опасно да и дома – тоже. Вышла и собрала немного сухого хвороста и коры эвкалипта. Где-то гибнут парни. А мы бессильны что-то изменить. Сидим без воды, света и огня. Говорят, много веток за финским универсамом. Но там близко линия фронта, стреляют, туда боюсь идти. Соседи сидят во дворе, поставив скамью за стену – от обстрелов. На дворе солнце и теплее, чем в квартире, хотя воздух и ветер очень холодны. Так бьют днем, ну, а что будет ночью?

Сейчас узнала, что гвардейцы здесь уже покупают квартиры. Значит, уверены в своей победе. А желающих продать и уехать из Абхазии среди русских и прочих сейчас много людей. Вот чем оканчивается эта заваруха!!! Все уедут, останутся лишь грузины, чего они и добивались.

16 марта 1993 года

Мебель и вещи это вывезли из квартиры журналиста Авидзба (Александр Авидзба. – Ред.). Квартира пустует. Он в последнее

время был прикован сам к постели – больной.

Ночью, около часу, началась сильная стрельба из всех орудий. Я проснулась, оделась теплее и ушла сидеть в ванную комнату (будто она меня очень спасет). Но этот нескончаемый проклятый зимний еще холод и предательски стынущие от спазмов сосудов ноги, загнали меня опять в постель. Легла одетая, как матрёшка. Но стрельба не прекращалась, разрывы совсем близко, и я опять ушла в ванную.

Наверно, с абхазской стороны начали наступление и прорываются в Сухум. Однако, и эти тут уже не лыком шиты, научились воевать (другие прибыли ребята, опытные, прошедшие Афганистан), и не пускают. Не прорваться абхазцам, не взять им Сухум…

Сейчас 4 ч. утра, темно еще, всё еще стреляют, и я пишу в ванной комнате при коптилке. Света ведь нет тоже. И почему всегда ночью, в потемках, начинают наступление?

Днем, 15-го, я ходила на работу. Зарплаты не было – нет денег. На рынке же продавцы-грузины от нас не принимают деньги иначе как крупными купюрами. А нам крупные дают нечасто, подсовывают мелочь: рубли, трояки, пятерки. Покупая капусту, разругалась из-за этого, а в мясном ряду (мозги хотела купить – они дешевле) ничего мне не дали. Даже редиску женщина не хотела продать. И я захотела, чтобы их всех отсюда, из Абхазии, погнали. За их наглость и издевательство над бедными людьми. Значит, миллионеры (они, конечно, грузины), мафия будет все жрать за свои крупные купюры, а мы ходить голодные, потому что деньги у нас – не те банкноты.

Замерзла, скоро утро, а лечь снова в постель уже не придется. С рассветом, наверно, прорыв прекратился. До следующей ночи. Приготовила в сумке деньги, документы, перчатки, шапку, если придется бежать в подвал при обстреле. Ну, и жизнь! Ведь Грузия в сравнении с Гагрским и Гудаутским районами большая. Войска из нее на подмогу будут все прибывать и прибывать. А на той стороне гибнуть и гибнуть ребята. Так что же делать, если сил не хватает у них?

Ну, началось! С утра ничего не прекратилось, а лишь разгорелось. Сейчас 12.45 ч. дня. Стоит грохот пушек и снарядов. Летают осколки. Выйти никуда на улицу нельзя, даже во двор – опасно! Улицы пустынны. Сижу опять в ванной комнате и пишу при коптилке. Чтобы успокоиться, занялась шитьем полотняных мешочков для сухих продуктов. Но в комнате сидеть и шить опасно. Одно широкое окно, спрятаться от осколков негде. О возможном прямом попадании снаряда (любого и с любой стороны) я уже не говорю – от этого ничто не спасет. Ванная

комната вообще ненадежна и от осколков – стены у нее бетонные, но тонкие, тоньше, чем стены дома. В окно кухни может влететь любой осколок и пробить тонкую стену ванной комнаты. Остается лишь надеяться на лучшее и на милостивость Бога.

А я все время молюсь: «Спаси меня и помилуй, сохрани от пули, снаряда, пожара, от злых и недобрых людей! Помоги, Господи, моему маленькому абхазскому народу!» Но мне всех ребят жаль: и тех, и этих.

Хочу чтобы все были живыми. Зачем эта бойня? Почему нельзя все решать цивилизованно?! Но теперь поздно об этом рассуждать: машина войны запущена.

Сосед помог поставить на пол мой цветной телевизор: он стоял прямо у окна. Это сейчас моя одна из первых забот (кроме моей жизни) – спасти моего «друга», мое «дитя» - мой цветной телевизор. Жива останусь, мне его в жизни не купить, а я так одинока да если еще и без него.

Ну, что будет ночью?! Опять сидеть в ванной до утра и мерзнуть. Был бы электрический свет, грелку бы соорудила. Сегодня, в ночь на 16 марта, они начали наступление где-то в 1 ч. ночи. И оно с тех пор не прекращается. Удивляет, столько приехало добровольцев помогать абхазам: русские, казаки, северокавказцы, а оборону Сухума пробить не могут… Виноваты политики из Тбилиси. Надо было мирно вывести технику военную и войска, а затем сесть за стол переговоров. Это сделать они категорически отказались. И вот гибнут мальчишки с той и этой стороны, а у меня, как у мирной пожилой женщины, сердце стынет и обливается кровью. Я опять плачу, как тогда, в августе, когда сюда пришли танки и прогнали абхазских ребят и они гибли тут на ул. Эшба прямо, спешно покидая Сухум. Сейчас повторяется августовское, но уже в обратную сторону. Пробьют ли оборону, удержат ли Сухум? Кроме снарядов и пуль я еще волнуюсь, боясь, что со мной, уходя, могут расправиться. До сих пор никто не обидел, а теперь? Не возобладает ли чувство мести, а вдруг в заложницы возьмут? Господи, всякое может случиться. Боюсь, что никто за меня не вступится. Соседи могут просто не увидеть этого и не узнать. А кто тогда вступится, никто! Очень не защищена!

Сейчас 15 ч. 40 мин. Страсти поутихли. Похоже, что наступление абхазской стороны захлебнулось. Но абхазцы не успокоятся. Так и будут долбить, пока их там никого не останется. Или пан, как говорится, или пропал. Ужас какой-то! Я все время твердила здесь самой себе и близким, что штурм Сухума – это безумие, нереально, авантюра. Их же очень много. Даже при наличии русских, казаков и северокавказцев на той

стороне. Ведь дороги на Грузию открыты и пополнение живой силы и боеприпасов, горючего постоянно.

Что-то я не вижу своих соседей – мегрелов в доме и окрест среди сражающихся гвардейцев. Всех их будто ветром сдуло в последние дни. Вот тебе и «защитники» Абхазии. Поглядим, что будет ночью. Думаю, шезлонг растянуть у стены под окном на случай залетания в комнату осколков. А там, кто знает. Береженого Бог бережет ведь.

Сейчас 8.30 вечера. Постреляли еще, менее интенсивно, а сейчас – тихо. Я не знаю, как там дела на передовой. Но если абхазские войска за всю ночь и весь день не перешли даже Гумисту, не вошли даже в Ачадару, то о каком взятии большого Сухума может идти речь. Что-то мне не верится в их успех. Ночь очень темна, нет луны, ни зги не видно. Луна взойдет позже. Может позже начнется новый прорыв, а может и выдохлись уже. Страшно подумать о потерях. Стараюсь об этом не думать, иначе мне просто становится нехорошо.

Успех наступления могло бы обеспечить, если бы грузинские войска были отрезаны от тыла. С той восточной стороны Абхазии и Грузии. А тыл благополучно действует. Работают железная и автомобильные дороги, целы все мосты… И все им подвозят и живую силу тоже. Я – не военный стратег, наверно все это понимают и на той стороне. А у очамчирской группировки, наверно, недостаточно сил. Посмотрим, как пройдет эта ночь. Я легла на диван, не стеля постель, совершенно одетая.

17 марта 1993 года

Ночью было довольно тихо. Так, что я, наконец, уснула и всю ночь проспала одетая. Наступление явно провалилось. Среди ночи где-то прямо под ухом деликатно, через равные промежутки времени, ухала какая-то пушечка, будто охраняя наш сон. Это, наверно, грузинская. Под ее уханье я и спала. А громких залпов не было. Выспалась я даже хорошо, измученная прошлой ночью сидением в ванной комнате. Сейчас 7 ч. 35 м. утра. Уже подает о себе знать какое-то орудие. Пока негромко. Я не обольщаюсь тишиной. Абхазцы не оставят, бесполезных, на мой взгляд, попыток вернуть Сухум. Правительство Грузии, наверно, просто недооценило абхазцев. Их упрямство. Война будет продолжаться, увы. Конечно, живой силы на грузинской стороне больше, но еще Суворов говаривал, что воюют не числом, а уменьем. Воевать тут научились да и другие, более умелые, ребята приехали. А может у грузин больше желания удержать Абхазию, чем у абхазов отвоевать ее? И все же абхазцев, как я чувствую, воюет **мало**… Кто знает, может я и несправедлива. У меня почти нет

информации из Гудауты.

Ну, а люди тут, бедные, в домах, просто оцепенели. Ни души вокруг нет, все замкнулись у себя. Ждут, что все только лишь начинается. И день этот – тоже. Посмотрим.

Купила на днях «Демократическую Абхазию» за 12 марта. В ней А. Астемирова, описывая зверства абхазов по отношению к мирному грузинскому населению, патетически восклицает об абхазах: «И откуда в этих людях столько жестокости?!» Возможно, преувеличивают эти зверства. Но то, что они писали в прессе и говорили об абхазах за последние 7 лет с началом перестройки, способно было разбудить даже дикого зверя. Нельзя всё время махать красным полотенцем перед разъяренным быком. Как это делают на испанской корриде.

Меня эти их постоянные публикации о жестокостях абхазов пугают и настораживают… Я боюсь не только обстрелов, но и расправы. Двойная опасность. Мы тут очень несчастны, оставшиеся абхазцы. И такие демагоги, как Л.В. Маршания, нас ничуть не защитят. Разве он не видит тут наше бесправие?

Сейчас 8 ч.50 м. утра. Начались опять сильные обстрелы туда и сюда. Конечно, Сухум брать – дело непростое: самый крупный город Абхазии, ее столица. Тем более, что правители Грузии так настроили своих гвардейцев и население, что, сдача, мол, Сухума будет означать не более не менее, как «потерю независимости Грузии». Такой вот абсурд и ляпсус. На Сухуме свет сошелся, вроде, клином. И ребята их стараются, лягут костьми. Надо же чем-то их дух взбодрить, на патриотизме сыграть. Я боюсь, что их напаивают на передовой. Это же гибельно для парней, хотя они и яростно будут в подпитии сражаться. Допинг своеобразный такой вот!

11 ч. утра – стрельба прекратилась почти. Наступление, похоже, не только захлебнулась, но и абхазские войска отброшены назад. Вот я и говорю уже много месяцев себе: Сухум брать – это нереально.

Дрова на исходе. Завтра уже, наверно, можно пойти на их поиск. Если снова не будет пальбы. Похоже, такой уже не будет. До нового бесполезного, конечно, наступления. О Боже, как же быть?!

Сейчас 12 ч.45 м. Сказали, что абхазцы сами, оставив наступление, ушли. Вот так! А что дальше? Может, новые переговоры.

Ну, вот. Земля слухами полнится. Вышла днем за хворостом на улицу, встретила знакомую. Она сообщила последние новости. Приехал Шеварднадзе и начинается широкомасштабное наступление. Уже туда, в Гудаута и Гагра. На мой взгляд вопрос,

правда ли, что абхазцы отступили сами, она сказала: «Чепуха, их там всех перебили. В основном, это там были казаки и чеченцы – абхазцев мало!». Так что, как говорится, «финита ля комедия!» Всё кончено! И все эти жертвы и потери малочисленного народа были совершенно напрасными. Все это и следовало ожидать. И Ардзинба что-то не слышно стало в последнее время…

Слышала и третью версию: гудаутской группировке дано 3 дня для взятия города… Слухи, слухи… Грузины говорят то, что их устраивает, другая сторона то, что хочется ей. А я вся извелась от тоски, неведения. Остается лишь сидеть и ждать.

Днем по двору ходили типы с автоматами и с белой нарукавной повязкой. Совсем, как полицаи в Великую Отечественную. Искали водку, чуть не убили соседа парня – мегрела. Что-то он им не так сказал. А они ему: «Ты должен быть сейчас там..» и кивок в сторону фронта. А Гия, сосед, воевать не пошел, не взял автомат. Вот они его чуть не пристрелили, соседка, Талико, спасла. Такие вот бандиты, рыщущие в поисках спиртного и, конечно, наркотиков.

Изредка поухивает их «Град». Через весь город. Ну, если гудаутцы перешли Гумистинский мост и вскоре же почему-то повернули (почему?) обратно, то откуда же бой? А бой был. И сильный! Весь район фронта был в дыму, как в тумане. И я была у знакомой, что живет на ул. Эшба на 5-ом этаже, и она рассказала мне, что в грузовиках по шоссе провозили убитых грузинских гвардейцев.

«Мои гвардейцы» в подъезде все уехали после боя. Мужа этой девки – гвардейки ранило, так что сейчас их в нашем доме нет. И слава Богу, спокойнее. Но вернутся еще, наверно. Война-то пока не окончена совершенно. Пока Тбилиси не отвоюет у абхазов Гагра, не успокоится. Отдали бы им, все равно Сухум не взять, и жертв будет поменьше. Если грузинские гвардейцы пойдут на Гагра через Гудаута, там будет что-то ужасное, мясорубка. Я этого не хочу.

18 марта 1993 года

Всю ночь, не переставая, через определенные промежутки, стреляло какое-то орудие. Под его залпы я засыпала и просыпалась. Уже постелила постель и разделась, как обычно, а не одетая. Я предполагала, что гудаутская сторона не оставила попыток наступления на Сухум, а с этой артиллерией стараются ей помешать подтягивать и сосредоточивать силы у Гумисты с той стороны. Я не могу понять эти залпы: оттуда или отсюда. Факт тот, что ничего не кончилось и все лишь начинается. Сейчас стали сильно стрелять, а еще раннее утро. У меня очень болит

голова. Наверно, поднялось давление. Приняла цитрамон. Боюсь, что уходить из дома на работу будет опасно. Нет, абхазцы, упрямые, не думают складывать оружие, и меня страшат возможные жертвы. Знать бы правду, что делают и думают на той стороне. И тела убитых с той стороны, наверно, лежат, взять они их не могут под обстрелами ночью. А днем – тем более. А своих мертвых на этой-то стороне сразу вывезли. А на той еще погибнут, пытаясь забрать убитых своих ребят. Ох, горе, горе!

А соседка моя, грузинка, вчера днем, при мне нарочно, сказала: «Ах, кто заварил всё это…». Они все считают, что «заварили» абхазцы и этот треклятый, по их мнению, враг – Ардзинба. Я промолчала. Я стараюсь не выходить во двор к ним и не сидеть там. Никогда это не любила. А сейчас боюсь вообще сказать что-либо не так, не им в угоду. Только наживать недругов мне не хватает сейчас. Я и так беспомощна и не защищена никем, ни чем.

Всё население Сухума запугали чеченцами и казаками, восстановили уже против них всех. Мол, придут они и всем тут несдобровать. Грузины-горожане особенно боятся их. Знакомая мне грузинка сказала: «Нам лучше, если грузинская гвардия пройдет в Гудаута и предупредит приход сюда чеченцев и казаков». Абхазцев они не так боятся и к тому же их там мало, - так считают.

Утром, съев апельсин и кусочек хлеба, пошла в библиотеку. За зарплатой. А, главное, с надеждой узнать что-то. В библиотеку никто не ходит, оказывается, три дня, объявил мне, недовольный моим появлением, сторож. Никакой зарплаты! Банк вообще в эти дни закрыт. Зашла на рынок, купила 1 кг. моркови (160 р. за кг.) и 600 г. капусты – тоже 160 р.). пучочек жидкий кинзы вообще 30 р. Воспользовавшись обострением военной обстановки, торговцы снова вздули цены. Да и вообще рынок пуст – ни торговцев, ни еды.

Всю первую половину дня ухает отсюда за Гумисту «Град». Утром летал над городом самолет из-за Гумисты. Слухи, слухи… Говорят, в ночь наступления, самолет сбросил мощную опять бомбу на город. Метил в новое здание Совета Министров, а бомба упала на жилые кварталы частных домов. Восемь домов разлетелось. Мне это знакомо по нашей ул. Эшба, где тоже мощной бомбой разнесло целый квартал частных жилых домов. Там, где упала сейчас бомба, живет неподалеку Цица в 9-ти этажном доме. Полагаю, что и они лишились всех своих стекол. А еще очень холодно. Мимоза только начала желтеть – холодная весна. Другой слух, будто абхазцы **уже** согласны на примирение, но русские, мол, генералы им не дают, а ставят их впереди

русских и др. в бою, чтобы, их, значит погибло больше. Все это говорит грузинская сторона. А где истина? Опять сказали, что перебили наступающих в районе Маяка. Много убитых с той и этой стороны. Вот и всё, что я узнала.

На работе наш сторож Шарль (он – грузин) рассудительно сказал сегодня: «Ну как они могут брать Сухум, не разрушая его! Так не получится; Сухум будет разрушен, погибнут мирные жители. Тогда уж лучше пусть войдут обе армии в чисто поле и сражаются: кто победит, тот и возьмет вверх». Вот это уж точно! Мы хорошо помним, что сталось с Берлином при его взятии и взятии других городов Европы. В городе большом – каждый дом – крепость. Окопаются в нем бойцы – снайперы и будут долбить сверху вниз. Тогда и снизу не останутся в долгу и разнесут весь дом. А артиллерия зачем и по чему должна бить в городе. Ведь солдаты на улицах, а в домах жители его. Нет, это безумие – штурм города. Они там, в Гудаута, сошли с ума.

19 марта 1993 года

Вечером сильно ухала артиллерия, но ночью было необычайно тихо. Пыталась днем узнать истину. И опять слухи, версии… По абхазской версии, наступление было организовано как раз грузинской, а не абхазской стороной, и отбито успешно. И это скорее похоже на правду, потому что очевидцы как раз говорили, что абхазцы перешли реку и мост, но вскоре повернули назад. Отбили, и вернулись, надо полагать, на прежние позиции. Опять, как всегда, стремление грузинской стороны выдать желаемое за действительное и переложить всё с больной головы на здоровую. Потерь много. Морг республиканской больницы переполнен. У грузинской стороны, по слухам 800 (!?) погибших, у абхазской – 40. И это много! И опять ни та, ни другая сторона не отказалась овладеть ситуацией. Сухум будут брать одни и защищать – другие. А мы ждать и дрожать, чем все это кончится для нас.

Гвардейцев, как ветром, сдуло вокруг нас. Но приехали, похоже другие, с белыми нарукавными повязками. Моя соседка говорит, что солдат очень, очень много и потому хлеб населению не дают. Я в это не очень верю. Да, они тоже готовятся к штурму Гудаута и Гагра.

Соседка – русская. Паническое настроение. Ей все равно, кто будет здесь контролировать, лишь бы не дрожать. Я ее понимаю, она стара, больна, но прошла Великую Отечественную войну, а трусливее многих. Конечно, ей все равно, потому что она нейтральный человек, и ей все равно на чьей земле жить, лишь бы жить. Но многим не все равно. Они сочувствуют одной, терпящей

бедствие, стороне и стоят за справедливость. Была в новом районе, у Сары. Посидели, поговорили, погрелись у печки, попили чаю с оладушками и инжировым вареньем. И решили ждать дальнейшего развития событий. Куда денешься от этого?

На обратном пути (я ушла задами из Нового района) набрала хворост для печки. Там же видела длинную очередь людей за водой, которая сочилась тонкой струйкой из какой-то сомнительной трубы, даже не крана. И чистота ее, вероятно, сомнительна. Очень плохо без чистой воды. Пошел дождь, и я набрала дождевую воду.

Моя эта соседка предрекает Сухуму судьбу Новороссийска в годы Отечественной войны в случае наступления абхазцев. Одни руины! Страшно это слышать! А туда, значит, в Гудаута, можно наступать. Она сказала: «Посмотрите, когда начнут бомбить Гудаута, что будет тут с Сухумом». Поэтому и надо, думаю, не допустить и наступления туда. Говорят, погиб целый сванский батальон. Неужели совсем не умеют воевать и сильны лишь в расправе с мирными абхазцами? Не хочу ничьей гибели! Тут девица – сванка в доме напротив нашего оделась в траур. Значит, кто-то погиб.

Говорят, эти, в белых нарукавниках, ходят и спрашивают: «Где живут тут абхазцы!». Вот и близится расправа над нами. А семь месяцев прошло, еще никто меня не тронул. Напрасные надежды! И еще, почему мне кажется версия наступления туда, а не сюда правдоподобной. Я уже писала: как раз в ночь наступления (не знаю, чьего и куда), но гвардейцы из нашего подъезда и из соседнего дома, что живут в пустующих абхазских квартирах, устроили кутёж в квартире Анзора Мукба.

К ним пришло много других товарищей в форме и вооруженных. Я с ними случайно столкнулась на лестничной своей площадке, выходя из квартиры. Они все поднимались наверх в квартиру Мукба. Вино, мясо, газовая плитка с баллоном, соседи наши грузины помогали им накрывать стол. Я думала, что же они отмечают: день рождения или ещё что. А в час ночи началось наступление. Вот в честь этого, как я теперь понимаю, они и собрались отметить компанией, думая, что наступление пройдет успешно и они прорвутся в Новый Афон, Гудаута и Гагра. Но оно было сорвано. И эти ребята здесь уже больше не появились: одних ранило, другие были, наверно, убиты, а оставшиеся уехали. И вот теперь боюсь, поселятся в подъезде другие, худшие, вроде полицаев с белыми нарукавными повязками. Моя соседка-грузинка со мной теперь не общается, стала холоднее, не заходит и не обращается ко мне. Ну, а я-то причем? Возможно, дела у них идут неважно. Когда хорошо у них,

то и они добрее к нам. Если плохо – то куксятся на нас и сторонятся. Но гвардейцы, жившие у нас, агрессивными не были. Они были спокойными. Но вот жена одного из них и разорила квартиру Анзора и Марины Мукба. Окончательно! Много сожгла, выбросила на свалку, увезла с собой в Грузию.

20 марта 1993 года

Сегодня очень сырая погода – с утра моросит мелкий холодный дождь. Но тут и там вижу кучки людей. Это – местные грузино-мегрелы идут на похороны местных, погибших в бою, ребят. Вот оно, лицо войны. Вокруг я вижу постные лица грузин. Если бы у них было всё хорошо, как они расписали (отбили, мол, наступление абхазов и всех перебили) то они не ходили бы сейчас как в воду опущенные. Всё далеко не так хорошо. Война продолжается, и что может быть от нее хорошего. Одно горе, разрушения и слезы. А кто виноват в ней? Ни разу не слышала, чтобы в ней обвинили они своего бесподобного Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Виноваты лишь абхазы и лично Ардзинба.

Когда летом 1992 г. началась эта война, окружающие грузины были в необычайной эйфории, оттого, что абхазцы сразу оставили Сухум и ушли за Гумисту. Стрельба оттуда уже никого не смущала и не волновала. Казалось, победа была над абхазцами обеспечена. Уже, когда Гагра была утеряна, эйфория немного спала, т.к. война явно затягивалась и началось перетягивание канатов. Все думали, что лето прошлое будет блицкригом, полной и окончательной победой. Но этого, увы, не произошло. Теперь эйфория давно улетучилась. Осталась одна озабоченность, неуверенность, сомнения и тысячи беженцев на восток Грузии. Они явно не рассчитали упорство, настойчивость и упрямство абхазов, борющихся за свободную от всякого диктата свою родину, Абхазию, тоже считающих себя правыми в этой борьбе. Случился просчет, явная неувязка у политиков из Тбилиси. Не всегда можно идти напролом. Чаша весов теперь постоянно колеблется. Ну, а у населения города уже все и силы, и терпение на исходе. Все очень боятся всяких наступлений, бомб, обстрелов. И ничего уже не хотят, кроме человеческой жизни.

Сегодня ветер и дождь. Мою печурку и задувало и заливало дождем. С трудом разогрела свой суп. Говорят, что скоро дадут свет. Но откуда? Опять на неделю и меньше, а потом снова кто-то взорвет ЛЭП. А воды питьевой сколько времени нет! Опять 3 дня не было никакого хлеба. Хорошо, что я закупила сухарей вот на такой черный день. А сейчас и к приезду Шеварднадзе ничего не дали: ни света, ни хлеба, ни воды. Город просто замер и почти

обезлюдел. Утром и вечером немного постреляли, но очень вяло, орудия. Не знаю, откуда. Скорее всего из Сухума туда. Не дают, наверно, концентрировать технику и силу той стороне. Кто, интересно, будет наступать сейчас. Все со страхом ждут дальнейшего развертывания событий.

21 марта 1993 года

В квартире Ляли Чанба, в доме напротив, опять появился парень в форме и что-то делает с окном в лоджии. Неужели они снова, эти приехавшие, займут пустующие в нашем доме квартиры? Да, будут жить. Белье для просушки развешано. Снова донесут соседи, где тут живем мы, абхазцы. Не только грузины, есть и русские доносят. В доме Дуси Алания ходили гвардейцы и спрашивали о пустующих квартирах. Ищут, конечно, лучшую, уютную. Спросили у русской соседки, а она им ни к селу, ни к городу зачем-то объявила невпопад: «На пятом этаже живет одна абхазка». Дуся слышала это своими ушами. И это было сказано о ней. У нее, еще в начале войны, гвардейцы выбили ногой дверь бесцеремонно, не постучали, хотя она и была дома и могла сама им открыть. Так же они выбили дверь у квартиры под ней, там тоже абхазцы жили, уехали раньше. Нет, они с нами тут церемониться не будут. И никто из соседей не вступился у Дуси.

Я писала, что соседи не обидели меня. До сих пор! Пока! Но впереди еще неясность, неопределенность. Вокруг меня частные дома мегрелов. Там есть недоброжелательные ребята. Еще не поздно расправиться тут и с нами. И если со мной что случится, ищите виновников и доносчиков и среди соседей в доме и вокруг в частных домах. Это – целые поселения мегрелов вокруг нашего дома. В их доброжелательство мало верю. Если уж и соседка по площадке вдруг стала холодна и сторониться. Очень многое зависит от соседей. Иначе откуда приезжим гвардейцам знать кто мы и где живем. Соседи тоже разные. Хватит всего одного подлого для расправы надо мной.

А, вижу, он сооружает в лоджии Ляли Чанба печку, вынимая стекла и ставя железо для трубы. Значит, приехали новые и будут жить. Окно в окно со мной! Чудесная перспектива. До меня автоматом оттуда просто достать, если что. И с ним, вижу, женщина молодая. Опять гвардейка, или что?

Здесь рядом частный дом, где в 1989 г. (первая драка абхазцев и грузин) подорвалась соседская девочка – мегрелка и мальчик на самодельном взрывном устройстве, которое они хранили в доме для нас, абхазцев. Тогда были тут грандиозные похороны этих несчастных детей, жертв самих родителей. Так, в этом доме и рядом с ними живут парни опасные. Злобу еще с тех

времен затаили. Никуда не уехали, ходят тут, иногда в форме с автоматами, иногда без них. Они очень опасны для меня. Многие ребята их уехали, скрылись, не желая воевать, а эти, злобные, остались. На нашу голову!

С утра поднялась проведать русскую соседку – она больна. У нее оказалась дома дочь, живущая в городе, в центре. Ну, конечно, разговор зашел и о нашем положении. Эта семья – противница абхазов и осуждает Россию в вопросе с Абхазией. Русских, говорит она, тут уже бьют. П. Грачев сказал: «Нам нужна Абхазия!» - заявление слишком прямолинейно и абсурдно. Сбит российский самолет. Шеварднадзе намеревается предъявить документы русского летчика в международный суд и объявить тем самым, что это Россия ведет неприкрытую войну против Грузии под видом помощи Абхазии.

Слушала она по радио и Ардзинба. Наступление все-таки, безуспешное, было. Сюда прорвались абхазские диверсанты. Теперь их ищут. На рынке была облава. На Сухум, центр (ул. Чанба и др.) сброшены мощные бомбы. Население возмущено такой бомбежкой. Гудаута пока не бомбили, но все его население, по словам соседки, бежало в Пицунду – их там кормят, обхаживают. Все это с ее слов. Брошены снаряды, бомбы на Маяк. Там проживают, в основном, русские. В общем, теперь страшно и русским, они вовсю ругают абхазцев и российскую армию и настаивают на примирении грузин с абхазами. В то же время они согласны, что в правительстве Абхазии сидят жуликовато-мафиозные структуры. Значит, сложат оружие абхазы, придут сюда на правах пленных и побежденных под дула их автоматов и будут мириться с таким вот жуликоватым правительством и согласятся с их пребыванием у руля Абхазии. И это демократия! Но это же абсурд – жить рядом вот с таким нынешним руководством. Шеварднадзе, хотел, говорят, перевести Надарейшвили в Тбилиси, но тот не согласился. Надо же – перевести!!! Да его вообще убрать надо. Будто Тбилиси ничего не знает и не видит, где вся наша гуманитарная помощь! Да на ней наживаются власти! Идет война, а они лишь богатеют, а сотни парней гибнут на поле брани. А эти лишь карманы набивают. И абхазам предлагают мириться с таким вот правительством! И русские этого вроде не понимают.

И еще. Если с участием российских войск не смогли абхазы взять Сухум, то уж теперь им и подавно не взять – прибыло сильное подкрепление. Мегрелия танки дала. А говорили, что мегрелы не поддерживают правительство Тбилиси. Как бы не так! Против абхазов они всех поддержат – даже самого дьявола. А Ардзинба говорит по радио, что будут биться до последнего, пока

Абхазия не станет свободной.

И так, чем дальше в лес, тем больше дров. Всё не налаживается, а лишь ухудшается. Соседка сказала, что грузины сейчас страшно обозлены. Ну, в это-то я верю, и этого как раз боюсь, что поплатимся за все, в первую очередь, тут мы – абхазцы. Да и русским теперь здесь достанется за Россию. Значит, это не война, а месть. Грузины так и говорят здесь: мира в Абхазии теперь не будет, а будет лишь одна кровная месть. Вот что сделали с благословенной Абхазией коммунисты и большевики, отдавшие Абхазию в свою эпоху на откуп всей Грузии и ее политикам. Всё оттуда идет, всё аж оттуда!

А русским, сухумским, так и надо! А то ходили все гоголем, свысока взирая на нас, абхазцев: мол, это вы виноваты, а мы тут ни при чем. Вот теперь пусть и побудут тоже в нашей шкуре. Пусть тоже немного подрожат. Не всё нам дрожать!

А Сухум, если брать, то надо было сходу сразу брать, а не ждать, пока противная сила еще больше укрепится. Мы, горожане, сейчас все заложники этой войны. Но кто виноват? Еще осенью Ардзинба призывал сухумские власти: очистите, вывезите население из города. Он знал, что город пострадает, а с ними и жители его.

Мегрелия, значит, танки дала. А это, что, другое государство? Почему у Мегрелии, даже не автономии, свои танки? Ардзинба, сказала соседка, отказался от переговоров с Шеварднадзе, С. Шамба вообще бросил телефонную трубку… ну и ну! Закусили удила мои абхазцы! Да, пока они будут чувствовать поддержку большой и сильной, по сравнению с Грузией, страны, России, абхазцы, увы, на попятную уже не пойдут, и нам придется испить всю чашу до дна какой бы горькой она ни была. Главное их требование сейчас – лишь вывод грузинских войск из Абхазии. Даже не вопрос статуса и дальнейшей судьбы республики. Но и на это Тбилиси не идет. Значит, выгонять войска насильно, что чревато большими жертвами и разрушениями?

А о чем теперь, собственно, договариваться, когда отчетливо видно, что абхазцы желают видеть свою родину самостоятельной страной или быть в составе большой и сильной России. Момент, когда они могли остаться в составе Грузии и иметь настоящую, а не фиктивную, автономию, правительством из Тбилиси был упущен. Теперь – коса на камень. Боюсь ливанизации и второго Карабаха.

22 марта 1993 года

Господи, ночью опять шел снежок. Лежит сейчас за окном

тонким слоем. Конца этой холодрыге не будет. Холодно, голодно! В ногах моих ни кровинки. В доме лишь я одна прожила всю зиму без печки и огня, кроме своей банки за окном, на которой я готовила себе какую-то еду. Хлеба уже несколько дней нет. На дрова русские соседи откуда-то всё притаскивают какую-то учрежденческую мебель и рубят во дворе. Я лишь подбираю щепки для растопки. Никто мне, бедной, досочки не предложит, погреться не позовет, не пожалеет… Все-таки в подъезде лишь я совершенно одинокая и пожилая женщина. Все с кем-то в доме живут, а если не в доме, то в городе есть близкие. Сегодня будет солнечный день, вчера весь день лил холодный дождь (считай, в горах, в Эшере – снег), но холод стоит ужасный. Какая долгая зима: декабрь, январь, февраль, март и апрель – будет холодной целых 5 месяцев холод – без огня, света, хлеба, воды…

Боюсь идти в библиотеку и на базар из-за облав. Надо брать с собой паспорт, а я из-за графы «национальность» боюсь. Узнав, что я абхазка по паспорту, могут загрести в заложницы. Режим совсем как в годы Великой Отечественной войны – фашистский. А идти надо, ведь запасы еды и денег кончаются. Хотя деньги едва ли будут. Говорят, Россия отказала Грузии в деньгах до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос с Абхазией. А он никогда не будет урегулирован. Следовательно, мы будем голодать, а мафия при попустительстве нынешнего правительства Абхазии набивать карманы миллионами.

Вышла на «наш» рынок (на тротуаре по ул. Эшба) и купила 4 кг апельсинов. Хоть витамины будут какие-то весной. По 25 р. за кг.

Погода хорошая, но холодная. Все русские соседи вышли из домов и пилят, рубят какие-то доски, чурки, стволы – есть-то надо, а огня все нет. Сейчас позавтракаю и пойду искать на улицах хворост и дрова. Дуся Алания обещала меня днем провести на территорию консервного завода (он рядом с нами). Там есть старые полугнилые доски от ящиков.

Завтрак у меня по нынешним временам даже изысканный и аристократический. Испекла пампушки из кукурузной муки пополам с пшеничной, сделала салат из яблока и апельсина с сахаром и ванилином и сварила какао (!!!) Оно мне попалось на рынке недорого (1/2 банки за 100 р.). Но это было давно, до 1 января. Сейчас мука пшеничная стоит 250 р. за кг. Говорят, что это – государственная. Не верю! Это мафиозная цена! Не может 1 кг хлеба стоить 35 р., а кг. пшеничной муки – 250 р. Во такое у нас новое правительство. На работе мне дали 2 кг. пшеничной муки как гуманитарную помощь, и вот я трясусь над ней, экономя и добавляя кукурузную. А если бы не работала – не дали бы

ничего, как ничего не имеют бедные пенсионеры, одинокие люди.

Пошли с Дусей за консервной завод набрать полугнилых досочек от ящиков на дрова. Когда шли назад, издали шли три типа, один из них гвардеец с автоматом. Он, увидев нас, стал манить нас пальцем и кричать: «мародеры, подойдите-ка сюда!». Мы не подошли. Дуся на расстоянии отбрехалась от него на грузинском языке, и он отстал от нас. Смешно сказать! Вот уж поистине не видят бревно в своем глазу, и кто истинный-то мародер. Всё кругом разорили, разбили, спилили всю красу города и сожгли, и тут мародеров никто не наказал! А мы, собирающие полугнилые дощечки, как какие-то бродяжки – мародеры! Ну и ну! Словом, страшно одной вообще далеко от дома уходить. Неровен час, наткнешься на такого вот ревнителя порядка. Мафиозную систему разветвили во всю, и это – ничего, можно. Как тяжело жить, не видя ни одно интеллигентное лицо рядом.

И еще слышала, будто ловят на улице негрузин и заставляют идти за телами погибших к линии фронта. Верно ли это, кто знает. Но погибшие еще не все подобраны – это факт. Сухум надо было брать сходу – столько месяцев готовились-то…

Говорят, это затея с вселением гвардейцев в пустующие абхазские квартиры принадлежит Тамазу Владимировичу (Надарейшвили. – Ред.). Наверно, он так решил «расплатиться» за свой родной Гагра. Сами бы гвардейцы на такое просто не решились бы.

23 марта 1993 года

Ходила в библиотеку и по пути на рынок. Зарплаты не было. Купила 2 кг. (300 р.) картофеля, петрушку (20 р.), цицмат 2 пучка (40 р.) и салат тоже так. Вот и вся еда! Гвардейцев там полно. Никакой облавы не было. Они скупают всё у бабок: и дорогие домашние овощные и фруктовые консервы, и домашние торты… Простым смертным это не по карману. А у них денег много. Хлеба всё нет.

По дороге купила их газету «Свободная Грузия», т.к. местной нет в продаже с 12 марта.

Пишут, что абхазы давно бы пошли на примирение, да Россия не дает. Конечно, куда бы делись, не потому, что так захотели бы, а потому что сил нет, чтобы воевать с более сильным противником. Поскольку Россия поддерживает абхазов, они и не сдаются. Сейчас все шишки от Грузии летят на Россию. Об абхазах почти забыли. Опять готовится какое-то грандиозное наступление, то ли туда, то ли сюда, нам невдомек горожанам, но

страшно. Пишут, что было много погибших среди мирных жителей города, но что-то не слышу в городе об этом. Преувеличивают. Бомбы легли в пустующие частные дома, а не на коммунальные. А там почти все в бегах за редким исключением, т.е. в частных домах. В газете опять интервью с Эшба Р. Что-то он у них постоянно на вооружении. Он пишет, что вот если бы грузины относились бы лояльнее к оставшимся в Сухуме абхазцам… Вот именно! А то он себя-то полностью обезопасил своим марионеточным поведением, даже в министры пролез, а что делать простым абхазцам в городе? Только и ждать, когда придет час расправы с ними? Вот пусть и Эшба и Маршания Л.В, нас и защитят, пока не поздно.

Пишут, что готовятся какие-то террористические акты, чуть ли не покушение на главу правительства… Какого? Грузии или Абхазии? Если Т.В. Надарейшвили, то слишком много чести устраивать на него покушение, будто он какой-то выдающийся деятель.

По дороге домой опять набрала полную сумку хвороста и все это тащила пешком. А утром почти не завтракала, а притащилась домой во втором часу дня. Откуда брать силы, я ведь уже далеко немолода.

Статья в газете также об отношениях России с Чечней. Сдается мне, это – политика, чтобы показать, вот вы, чеченцы, с кем имеете дело в войне с Грузией; поддерживаете абхазов, которые тянутся к России, а Россия-то против вас, чеченцев. Вот и думайте, стоит ли помогать этим абхазам, стремящимся к союзу с Россией. Всё это так шито белыми нитками. Статью за 1918 г. раздобыли об Абхазии. И опять это, чтобы показать, никогда Россия бескорытсной по отношению к Абхазии не была. А когда политика и дипломатия бывала бескорыстной? Политика, как это всегда говорится, грязное дело.

Перешивать, добавлять петли на юбке для крючков перестала. Просто заворачиваю юбку (огромная складка получается) и закалываю булавкой. Так похудела. Это будет особенно заметно летом, когда снимем зимние одежды. Вот так, Тамаз Владимирович, а всю нашу гуманитарную помощь прямо со складов даже с вагонов вы отдаете в руки мафии. Могу ли я вас поддерживать? Дело даже не в вашей национальности, а просто в честности и порядочности. Разве таких среди грузин совсем нет?

Идя через вокзал домой с рынка, видела, как снова и снова выгружали в грузовики муку в мешках. Так где же она, господа? Неужели уж всё армия съедает? Отдельные рефрижераторы стоят впритык к вагонным дверям, и что оттуда выгружают (впритык, чтобы другие не видели), нам неизвестно. Во всяком случае, это

не орудие – его в рефрижератор выгружать не станут. Это – продукты, наша еда, отправляемая, Бог знает, кому. Вот такая-то и «демократия». Смешно даже! Как-то «Демократическая Абхазия», продолжая изгаляться над бывшим правительством Абхазии (хотя почему бывшим, оно и сейчас законно пока до новых выборов), писала, обвиняя его в коррупции и связях с мафией. Но уж чья бы корова ни мычала… Опять, в который раз, перекладывание всё с больной головы на здоровую. Разве люди так глупы и сами слепы? На кого рассчитаны такие статьи с обвинениями? Такого разгула преступности не было. И то правительство Абхазии было страшно обеспокоено нарастанием криминогенной обстановки. Кстати, а где же Ломинадзе? Перевели, наверно, в Тбилиси за отличную работу.

24 марта 1993 года

Была в Новой районе, отнесла семена Саре. По пути купила «Демократическую Абхазию» и, пока дошла до дому, прочла. Мне понравилась статья Ады Маршания. Она, собственно, выразила и мои мысли в отношении статуса Абхазии и вообще…

Пришла домой. Надо варить постный борщ. Стали погромыхивать орудия. На дворе теплее, даже жарче, чем в моей квартире.

Только вот как поверить в наивные пожелания Ады Маршания да и мои – тоже – о государственности Абхазии в составе Грузии, если в воздухе носится такое: «С абхазцами расправимся, а русские и армяне сами уедут». Вот это, наверно, реальнее всего и без иллюзий и прикрас. Дело в том, что государственности Абхазии в составе Грузии не дают. Как это, мол, государство в государстве со своей символикой и т.д.? А как же автономии России? И потом, поскольку здесь проживает большинство грузин, чем абхазов, грузины же хотят Абхазией и править. А абхазы быть у них всего лишь на подхвате на родной земле не хотят. Вот тут-то и зарыта собака и война не в состоянии логически завершиться. Боже, никак люди не могут на Земле между собой договориться, будто у каждого из нас не одна, а несколько жизней. Сколько парней полегло в середине этого марта, еще и жить не начинавших. Жалко и больно за них!

25 марта 1993 года

Зашла с работы к Вере Мусоян (наша сотрудница). Она вышла из дому, а на ней лица нет. Муж у нее армянин. Легковая его машина стояла у товарища – мегрела. Вчера пришли гвардейцы с автоматами, наставили дула и увели машину. Вот, а Вера еще сочувствовала им. Вечером покопалась в садике и вышла на

улицу помыть в канаве грязные калоши (дома ведь воды нет), а в это время прошли похоронные процессии: хоронили ребят, убитых недавно в боях. Вот так и гибнут парни. И на той стороне, конечно, крик и похороны.

26 марта 1993 года

Ну, вот. Кажется подходит к финишу абхазская трагедия. Готовится в сторону Гудаута грандиозное наступление. Пришла из Грузии подмога. Гудаутцам, наверно, не выдержать этого наступления. Там будет бойня, гибель моих родственников, их сожженные дома… Во всяком случае, гудаутцам Сухум теперь не взять. Какой обмен мой на Гудаута по окончании любого исхода войны? Останется ли там цел хоть один коммунальный дом? Слово «сепаратизм» не такое уж страшное, как слышится. Это всего навсего отделение. Вырастает младший брат и хочет жить отдельно, как сказал о Чечне Д. Дудаев. То, что позволено Чечне, не позволено Абхазии. То, что позволено Юпитеру, не позволено Быку. Жил веками абхазский народ на своей земле да поживал. Пришел «старший брат» и согнал его, сказав: «Ты живешь не у себя дома, будь кроток и не смей хозяйничать или убирайся вон!». Разве это не смахивает на обычный бандитизм?

Жаль, что русские тут не понимают, что с уходом абхазов кончилась и их эра. Они уверены, что будут, как и прежде, тут жить да поживать: будет хлеб, огонь, вода, тепло… Будет когда-то да не для них. Уже в воздухе носятся разговоры грузинской стороны: «Покончим с абхазами, а русские и армяне уедут сами!». Вот так-то, господа. Республика Грузия должна быть мононациональной, каковой уже почти является Армения. Сейчас узнала, что в Гудаута должен быть суд над каким-то предателем, по вине которого было сорвано наступление на Сухум. Наверно, абхазец. Русского просто выслали бы. Значит, предательство!.. Судить надо бы потом, а пока брать Сухум. Сил не хватает. Я не генерал, и то понимаю, что важно было отрезать войска грузинские в Абхазии от их тыла, со стороны Грузии. Ведь подмога-то идет оттуда. Какое время сейчас судить? Сейчас действовать надо, пока горячо. Абхазы полны там решимости погибнуть или уцелеть, какой-то горстке. И в этом, наверное, немало разногласий. Отсюда и предательство.

В Москве продолжается съезд России. Пытаются свалить Ельцина. Это непросто. Да и что это нам тут даст?

28 марта 1993 года

В общем, Абхазия лежит растоптанная сапогами и раздавленная гусеницами танков, униженная, разоренная и никому, похоже, до этого дела нет. Где же справедливое мировое сообщество и вообще общественное мнение? Если бы это совершил Гамсахурдия, все было бы сразу осуждено. Но поскольку всё это – воля «демократа» известного во всем мире,

как поборника справедливости, все молчат.

Изредка слышны залпы, потрескивают автоматные очереди. Иллюзий больше нет – это агония той, абхазской, стороны. Со дня на день наступление отсюда – и «финита ля комедия». А что будет там при наступлении, даже страшно подумать. Я – вся в тревоге и беспокойстве за этот исход и за своих близких на той стороне.

Пошла с утра за водой куда-то к колодцу. Там очередища с ведрами! Колодец глубок, но вода идет мутноватая. Вычерпывают, а набираться не успевает. Очень худо с водой. Тепло-то пришло, скоро лето. Но новые проблемы – воды не будет: ни снеговой, ни дождевой. И есть опасность эпидемий. Я уже сейчас не промываю хорошо зелень – нечем. Можно заболеть чем угодно: гепатитом, дизентерией, лямблиозом… Почему-то не могут установить дизель для накачки воды. Да, война, но ведь и проблемы прифронтового города надо решать кому-то. Войной занимаются военные, а что делают гражданские городские власти? Ждут, когда все вымрут от эпидемий и освободят место для жителей из Восточной да и Западной Грузии?

Периодически очень громко грохает град будто кто-то бьет по железной лохани. Говорят, бомбили они Лабра. Ночью самолеты летали за Гумисту, был сильный взрыв. Наверно, они бросили там мощную бомбу.

На дворе теплынь, даже жара, а в квартире еще прохладно. Лишь к концу марта мои ноги перестали стынуть, и я оставила в покое грелку с горячей водой и стала спать без шерстяных носков. А выкупаться всё невозможно – нет воды. Лишь бы для питья достать и для туалета. Израсходовала последнюю дождевую воду для стирки грязных свитерков. Все грязное, а весна, одеться чисто хочется. И вымыться, увы.

В садике сгребла листья павшие, приготовила грядочки для посева зелени, зацвела пышно вся моя молоденькая алыча. Такая розово-белая кипень – так красиво. Полный садик ароматных пармских фиалок, а ничего не радует. На душе тягостно, неопределенность и полная неясность всего будущего. Как мне тягостно одной. Перемолвиться не с кем о наших проблемах. Живу, собственно, впроголодь: постные супы, борщи, картофель, капуста, морковь – вот и весь рацион. Даже растительное масло уже проблема купить. Даже прогорклое. А у спекулянтов на базаре горы сливочного масла – наша гуманитарная помощь. Зелень, салаты все появляется, но пучочек 20 руб. – на один обед. Лишь зелень! Да и промыть ее тщательно нельзя – нет воды, а немытую и есть опасно. Многие на фекалиях ее выращивают.

И опять появилась в подъезде «моя гвардейка». Отвезла раненного мужа и вернулась. Снова в квартиру Мукба Анзора.

Лучше бы парни жили, женщины их агрессивнее мужчин. Поскорей бы уж и их наступление: или пан или пропал. Извелась от волнений и жизни такой. Стала изящной, стройной, помолодела от худобы лет на 10. Но вся кожа сморщилась и висит. Страшно летом раздеваться и носить летние платья.

Была бы рядом какая-нибудь речка. Люди, живущие у моря, стирают в морской воде, стоя на волнорезах. У нас тут и моря нет – далеко.

Читала вчера «Дмократическую Абхазию» за 27 марта. Опять большая статья Л. Маршания. Увещевают, увещевают упрямых гудаутских правителей, но бесполезно, кажется. Если нет сил для освобождения Абхазии от войск Грузии, то зачем все эти мучения и напрасные жертвы? Гибель каждого молодого парня – это гибель его неродившихся малышей. Тягостно думать об этом!..

30 марта 1993 года

Опять меня выдали – кто я – из дома напротив, где живет Валя Т. Ребята-гвардейцы из их дома сидели на лавочке во дворе. Я копала грядку у себя в саду. Это – новые ребята, не те, что жили в этом доме раньше. Вдруг один из них (без формы и автомата) подошел к забору, где я копала, посмотрел на меня и поздоровался. Я ему ответила, продолжая копать. Паренек очень красивый, с ясными голубыми глазами, светлый. Потом он подтянул к носу веточку розовой цветущей алычи на моем участке, понюхал, ничего больше не сказав, отошел. Пошел и сел снова с товарищами. Там он уже взял в руки свой автомат. Ко мне подошел без автомата. Я удивилась этому неожиданному «знакомству», и подняла глаза на 3-й этаж дома напротив, где стоял у окна лоджии Сартания – сосед. Он стоял, курил, улыбался и смотрел на эту нашу сценку. И я догадалась, что это его «работа». Он сказал парню, кто я и то ли предложил подойти ко мне, то ли парень сам проявил инициативу. Ну, и что, что абхазка?! Хвостика у меня на копчике нет, рожек – тоже. Подошел, поздоровался и отошел – ничего особенного. Но мне стало тревожно. Подошел, увидеть меня в лицо, запомнить? Его окно прямо напротив моего, на расстоянии выстрела. Убить меня могут в любой день. Вот сейчас мне стало тревожно за свою жизнь. В городе уже есть случаи убийства мирных абхазцев. Расправляются, как объясняют, за гудаутские расправы над грузинами там. Журналисты по-моему, нарочно в газетах расписывают все эти ужасы, чтобы и с нами тут поступали аналогично. Такая вот война – месть! Это же Кавказ, а не Прибалтика. Ну, а куда теперь деваться? Только сидеть и ждать решения своей участи. Авось, Бог помилует»?! И при этом они все

время говорят о примирении. Когда вот такая патологическая ненависть к целой нации, к простым абхазцам. Что же Маршания Л. и Эшба Р. молчат? Боюсь вообще выходить во двор и даже высовываться в окно. А мне надо разжигать печку и готовить у окна. Остается лишь отдаться в руки судьбе. Что будет – то и суждено, значит. Хотя береженного и Бог бережет. От нас они слово «Бог» слышать не могут. Мол, вам ли еще говорить о Боге? Показал меня Сартания, а сам, видимо уехал. Уже не видно его и окна закрыты. А парень подходит к окну и выглядывает все время. Может и просто так. Что за жизнь под прицелом, а? **Одной единственной абхазки** во всем доме и то не терпят.

Не велика заслуга убить беззащитную и безоружную пожилую женщину. Но эти мальчишки, что они понимают в нравственности? У них еще и молоко не обсохло на губах да при такой инфантильности, в какой нас воспитывала бывшая страна.

Да, Кавказ – это не Прибалтика, не Европа. Здесь народ так и остался темным, диким, каким и был в средние века и в XIX веке. И «социализм» не воспитал «нового человека».

Мстить надо на поле боя. Воевать, как сказал однажды по ТВ Хаиндрава, по-мужски. Это верно. Но это касается обеих сторон, а не одной. Если люди – абхазцы тут остались, значит, не решились уехать, не пожелали, выходит, доверились, доверили свои жизни. А убивать доверившегося тебе человека – это в высшей степени безнравственно. Для этой и той стороны. Да, Сартания уехал, показав, выдав меня гвардейцам в их доме. Хорошо, что парни спокойные и порядочные, никак не проявили агрессивности ко мне. Пока!!! Ну, а если опять вздумают наступать абхазцы, эти самонадеянные люди? С нами тут расправятся, не церемонясь. Какая все же ненависть у этих Сартания к нам, ко мне! Еще с 1989 года, когда погибла их девочка по их же вине от самодельной бомбы, приготовленной для абхазцев, они и сейчас мне могут такую бросить в окно. Наверно, их пока что-то сдерживает или то, что рядом со мной мегрельские две квартиры, и они пострадают от взрыва.

Когда в 1941 г. пришли немцы-фашисты в СССР, они расправлялись с мирным населением. И то не со всеми, а с евреями и теми, кто сотрудничал с партизанами, боролся нелегально против них. Когда советские солдаты вошли в Берлин, они не убивали немецких мирных граждан, проявили гуманность. Они их кормили с походных полевых кухонь. А у нас тут что? И это народ, претендующий на цивилизованность, на то, чтобы их страну признавало мировое сообщество, как страну, которая привержена демократии и строит ее. А разве это не обыкновенный фашизм и бандитизм наподобие чилийского?

Сейчас грузины в Сухуме воспряли от провала гудатуского наступления, молятся за это на Шеварднадзе. Они считали и ждали, что войдя сюда, абхазцы их всех поубивают. А как живем тут мы, абхазцы, в своей квартире, своем городе на своей земле и родине? Да как на раскаленной сковороде! Люди прячутся, ждут самого худшего. Они все равно как заложники, хотя многих пока в заложники никто не брал. Возьмут, еще не поздно. И это демократия и цивилизованная республика!

Мой бедный сосед Ж. Хашба сидевший раньше все время с соседями во дворе на лавочке, уже не выходит даже из квартиры. Боится и прячется. А все эти 6 месяцев он свободно тут гулял и говорил со всеми. Слышу такие разговоры: попадется нам Ардзинба, мы отрежем ему уши, нос, выколем глаза… Такая вот кровожадность и «цивилизованность». И это война?! Это бесчинство и убийство.

31 марта 1993 года

На рынке была облава. Зачем они это делают, как делали фашисты в СССР в годы войны, неизвестно.

Около 11 ч. дня к базару подъехало 2 «Икаруса» с вооруженными до зубов гвардейцами. Даже снаряд какой-то длинный притащили. Вышли из автобусов и гурьбой направились к входу на рынок. Я как раз выходила из него и шла в библиотеку. Когда я вернулась из библиотеки снова заглянула на рынок закупить кое-что из еды. «Икарусы» еще стояли. Говорят, их наполнили людьми с рынка. Что за люди, не знаю. При мне никого не хватали, и я вскоре ушла домой. Брали людей разных, поскольку 2 полных «Икаруса» абхазцев они бы не набрали. Как евреев вылавливали немцы, теперь так грузины вылавливают абхазцев. Как это называется? Опасно стало и выходить и в доме быть – тоже. Куда деваться?

1 апреля 1993 года

Выяснилось, что на рынке просто брали мужчин на работу. Страшную, конечно. Собирать убитых в прифронтовой полосе. И опасную, т.к. могут с той стороны во время такой «работы» подстрелить снайперы. В годы войны (1941-1945) существовали похоронные команды. Сейчас, видимо, этим делом заниматься в армии не хотят и привлекают к этой опасной и грязной работе население… Бедные погибшие ребята! Не могу без слез читать некрологи. Мне жаль и тех, и этих. И сегодня ночью был слышен бой. Значит, опять есть погибшие. Гибнут и совсем мальчишки – 22-х лет. А какое горе матерям, родным, женам да и детишки уже у многих есть. Наверно, и без вести пропавшие есть, т.к.

подбирают и находят не всех, а некоторых просто хоронят в братской могиле, так и не опознав. Это парни с той стороны. Вижу из окна, как гвардейцы-товарищи, иногда, уходя на позиции, прощаются друг с другом, пожимая руки, обнимаясь. Так и уходят. Мне больно всё это видеть. А как много стало в городе женщин и мужчин в трауре! Портретики в рамочке на лацканах одежды, платьях, иногда сразу 2 портретика на одной груди. И лица все молодые на портретиках. Это – погибшие при недавнем оттуда наступлении парни. Что же думают в Гудаута? Ведь всех тут не перебьют - их больше. Скорее, перебьют всех абхазцев, т.к. их намного меньше. Каждая ведь жизнь бесценна! Любого парня!

К вечеру, еще засветло, начинают бить артиллерийские орудия. Отсюда – точно, а вот оттуда – не знаю. И вся ночь была неспокойной. Ни на час не умолкали орудия.

2 апреля 1993 года

Сейчас раннее утро. Весь вечер вчера шел сильный бой у Гумисты. Непонятно, что это было. То ли наступление туда, то ли оттуда – сюда. Я в полном неведении. Соседи-грузины мне ничего не сказали. Дар. сказала, что знает столько, сколько знаю я. Но, по-моему, скрыли от меня. Часам к 10-ти бой утих. Потом были очень редкие залпы. Возможно, наступление то ли абхазов, то ли грузин провалилось, а возможно грузины прошли через Гумисту. Все возможно! Страшно мне за моих там.

Еще засветло, к вечеру вдруг вернулись домой ребята-гвардейцы, живущие в доме напротив. Почему? Вернулся и сосед – гвардеец из частного дома рядом с нашим. Нет, местные многие вооружены и воюют. Только моих соседей в доме, ребят, не вижу воюющих. Те, что живут, это приезжие, из Грузии, солдаты. Ребята же соседи, кажется, поразъехались. Если сегодня и завтра не будет слышно залпов пушек, стрельбы, значит оборону абхазцев прорвали. Нет, «мои» гвардейцы с утра дома, и Русико (встретила ее на лестнице) и парень из соседнего дома (в кв. Ляли Чанба), стоит в лоджии и дышит свежим утренним воздухом. Если бы они наступали вчера и прошли в Гудаута, их, наверно, дома не было бы. Вот так, ничего толком не зная, лишь строю догадки. А с утра очень тихо, ничего не стреляет. Сейчас пойду на улицу собирать хворост. Наивные абхазцы, неужели они всерьез думают, что Абхазию просто так уступят?!..

Пришла с улицы с хворостом. Видела знакомую. Она сказала, что вчера это самолеты бомбили грузинские позиции. Жалко мне этих ребят тоже – ничего тут не могу поделать. Всех жалко! Все люди – Божьи творения, у каждого своя правда. Еще узнала, что у

Цицы вышибло все стекла в квартире и даже входную дверь во время взрыва на Марухской. Цица все время плачет – нервы на пределе. У Лизы Г. умерла мама (живут в Новой районе) и никто даже не знал из наших. Она не сообщила. Где-то там похоронили на каком-то кладбище. Вместо родового в Лыхнах. Купила турецкий маргарин у бабок на улице. 250 г. за 300 р. Но он вкусен, как сливочное масло. За рубежом-то давно принято есть не сливочное масло (за вредность), а маргарин. Я еще нарежу в него мелко зелень: петрушку, сельдерей, мяту, каму, зеленый лук (жаль, нет и чеснока), перемешаю и будет ароматное масло для бутербродов.

3 апреля 1993 года

Утром рано пошел дождь и довольно сильный. Люди из домов наших, как ошпаренные, вскочили с постелей и побежали с пустыми ведрами под водосточные трубы. А еще было лишь 7 утра. Я тоже вскочила и в пижаме, лишь накинув халат, стала бегать и заполнять дома все емкости дождевой водой. Уф! Набрала а вскоре и дождик перестал. Мою ею и посуду и всё, кроме питья. Вечером даже смогла вымыть и выскоблить свои бедные труженики – ноги, смазав их вместо крема растительным маслом. Теперь смогу и постирать, и голову вымыть. Такая скудная жизнь, что рад и малому. Была на рынке.

Появилась масса зелени, и я, как голодная, набросилась на цицмат. Купила мелкий картофель по 110 р. за кг, мозгов и косточки для супа. Но варить кости надо долго (2 ч.), а дров нет. Нашла на дороге два «диких» бесхозных куста сельдерея – принесла в свой огород. На улице же нашла и культурную мяту – тоже посадила у себя. Высеяла укроп, петрушку, киндзу, каму. Все вокруг копают и что-то сеют, а недалеко всё стреляют и палят. Люди уже привыкли, жизнь идет вперед, всем надоела война. На рынке много гвардейцев с портретиками на рубашках. Даже по два. Это их погибшие в боях товарищи. Такая вот трагедия для молодых. Думаю, что делать завтра, о планах на завтра. Склоняюсь к тому, чтобы пойти навестить Цицу с ее дочерью. После взрыва бомбы на Марухской (это рядом с ними) я у них не была.

Днем было тихо, а сейчас время от времени раздаются залпы и разрывы. Мы уже и внимания не обращаем. Это стало частью нашего бытия. Только к гибели людей привыкнуть невозможно. Проходила через перрон, идя на рынок. Стоит поезд, и люди всё уезжают и уезжают. Многие с вещами. Стоят «Икарусы» - тоже в восточную часть республики. Грузят в них даже мелкую мебель, постель. А мы остаемся. На что надеемся?

Дала соседу – Шоте Багатурия, саженцы дикой черешни, хурмы и яблони, выросших на моем участке из косточек, выброшенных с балконов. Будущей весной он их привьет для себя. У меня с соседями-грузинками нормальные добрососедские отношения. И с живущими в частных домах рядом – тоже… Простые люди всегда находят общий язык друг с другом.

6 апреля 1993 года

Ходила в воскресенье в город к Аде и Цице. Бомба на Марухской упала совсем рядом с их 9-ти этажным домом. В квартире Цицы вылетели все абсолютно стекла окон, даже дверные, а входная дверь была вышиблена взрывной волной. На одном из разрушенных частных домов прибита доска, а на ней – мелом: «Спасибо Грачёву!» И дата. Цица в угнетенном и подавленном состоянии. Боится за дочь. Не находит себе места, когда та выходит из дома по делу. Ходят по учреждениям гвардейцы и спрашивают: «Работают ли тут абхазцы?». Некоторые абхазцы исчезают, потом появляются, но Амичба так и не обнаружена пока. Она бесследно исчезла. Понесла я им свою одну заготовку с кабачками летнюю (баночку), букетик пармских фиалок из своего садика, цицмат, мяту и валериану – Цице. На обратном пути, идя через весь город из центра домой, набрала полную сумочку хвороста. Стояла и отдыхала в тени куста олеандра. Проходил гвардеец и вызвался помочь нести дрова. Я поблагодарила и отказалась. Мне стало смешно. Если бы он знал, что я – абхазка. Сейчас это все равно, что еврейка при нацистах. Нам не хватает желтой звезды на одежде. В этот день я узнала из газеты о гибели Этери Когония – одной из лучших театральных абхазских актрис, любимой многими, жены писателя Ивана Тарба. Трагическая гибель и страшная смерть. Ей оторвало снарядом ноги. Истекла кровью до больницы. Да и от шока могла умереть. Сидела и читала газету она во дворе. До того была в квартире. Снаряд влетел в квартиру, вылетел через окно и – к ней. Суждено было вот такое. Говорят, перед смертью сказала, что погибает от своих же. Муж безутешен. Зачем они бросают снаряды на город, а не на позиции противника? А метили, видимо в МВД – полицию. Это – на ул. Энгельса, а там и Этери жила. Постоянно метят в МВД, попадает рядом и гибнут другие люди. Что тут скажешь? Война она и есть война – снаряды не разбирают людей. Еще осенью Ардзинба предложил всему населению уехать из города. Люди не уехали – многие остались. Куда ехать-то и на какое время? Да и бросать все нажитое мародерам жаль.

В газете «Демократическая Абхазия» список погибших абхазских ребят. Какая трагедия! Каждый из ребят мог дать потомство. И еще интересная статья – интервью с Асланом Ибрагимовичем Абашидзе. По-моему, во всей Грузии самый порядочный и здравомыслящий политик и справедливый. Шеварднадзе даже не чета ему.

А сегодня ходила к Саре. Все это я мотаюсь от страшного одиночества и неприкаянности. У ее подъезда 4 огромных танка – зверя. Я и в кино-то их всегда страшно боялась, а тут на тебе – наяву! На днях там на клошарный их рынок тоже попал снаряд. Погибли 2 женщины, ранен парень. Куда угодно он может попасть, когда угодно и убить.

Ходили смотреть посевы Сары. Люди из домов разделили дворы и площадки перед домами на делянки поставили межи и занялись огородничеством. Совсем как в блокадном Ленинграде летом.

Позвала Лялю Инал-ипа – она пришла и подстригла меня. «Мой придворный парикмахер», - шучу я. Собрала полную сумку травы «ахкужь куандыр» - сварю и сделаю с орехом-фундуком. Эту траву в деревне мы готовили в последний четверг перед пасхой на «чхадыл». Вот вымыть ее – проблема. Все нет воды и эл. энергии.

Во дворе школы в Новом районе Сара мне показала валяющийся в траве у небольшой воронки неразорвавшийся небольшой снаряд. Валяется просто так. Никто его не думает обезвреживать. Летом он зарастет травой и кто-то на него наступит. Это чья-то притаившаяся смерть. И никому нет дела – мы никому тут не нужны. Лишь за землю дерутся и власть. Народ – побоку.

Мои рассуждения: у этих – своя правда, у тех – тоже – своя. А правда должна быть одна: военным путем нельзя решить никакие вопросы. Это – самоуничтожение. Допустим, Ардзинба и др. сделали до 14 августа 1992 г. что-то не так. Но зачем вводить танки, пушки и войска? Почему нельзя было собраться под главенством того же Шеварднадзе, приехать и все спокойно, цивилизовано обсудить. Из-за таких политиков расплачиваются своей жизнью люди, народ, как те же политики любят выражаться. Сейчас все проклятия летят в Ардзинба, будто это он ввел танки, пушки и войска в Тбилиси, а не оттуда они пришла сюда. Охранять дороги? Как же! А почему не оговорили это заранее с правительством Абхазии? Кто верит в эти басни? А теперь вот!

8 апреля 1993 года

К утру, говорят, разыгрался настоящий ураган (я вставала ночью, меня разбудили ракеты, их всполохи над Гумистой), но еще не было ветра и дождя, я слышу плохо. А к утру пошел ливень. И опять все вскочили, как ужаленные, и одетые кое-как (я без чулок), побежали с ведрами к водосточным трубам. Я успела набрать опять запас дождевой воды, а старый запас кончился. Говорят, ею кое-кто и купается.

Вчера я вымыла ею голову, немного постирала. День стал большой, многое успела. Убрала свой пыльный палас – этот пылесборник. Сварила эту дикую траву.

Ночь у меня была тревожная, с плохими снами. Опять снился Лева, с какой-то страшной раной на ноге, будто была опасность гангрены, а я лечила эту его рану. Это все от того, что я тревожусь, где он, что с ним, как там вообще все мальчики наши.

Пошла с утра на работу. Дали зарплату лишь в купонах. Так я впервые увидела их. Боялась, что на рынке их брать не будут. Хотя и не с охотой, но брали. Еще параллельно идут старые банкноты.

Купила «Демократическую Абхазию» за 8 апреля. Опубликован Закон о гражданстве в Грузии. Не пойму, есть ли перемирие или нет. Иногда раздаются залпы. Газета пишет, что Ардзинба ни на какие переговоры не идет. Ясно, что он требует одного: прекращения огня и вывода войск, на что другая сторона не идет. Так и будем, видимо, толочь воду в ступе очень долго. Я отлично понимаю своих соплеменников и сочувствуют им…

В последнее время в «Демократической Абхазии» уже первые, правда, пока робкие, попытки реабилитации Берия, Сталина. Значит, миллионы погибших от их рук – это оправдано. Такая вот новая «демократия». Уже выражается сочувствие Азербайджану в связи с «агрессией» Армении против него. Уж не потому ли, что судьба Карабаха и Абхазии в чем-то сходны? Мне Абхазия напоминает сейчас почему-то Чили 70-х годов этого века.

Я все думаю об интервью с Абашидзе в газете.

В Аджарии нет сепаратизма (этого пугающего всех слова, означающего всего лишь навсего «отделение»), но политиков из Тбилиси и военных тоже не устраивает мирная, спокойная Аджария. Почему? На мой взгляд, потому, что Аджария тоже не приемлет оттуда диктата и хочет строить жизнь в своем регионе **сама**. А это невыносимо властям метрополии. Так разве это не прежняя административно-командная диктатура? Разве не борьба за власть: кто будет и откуда командовать? Это и есть борьба за власть и это есть диктатура. В Абхазии правительство не сдержало этот натиск дестабилизирующих сил из Тбилиси и поплатилось за это. Отсюда-то и возникло стремление к

сепаратизму: уйти куда и к кому угодно лишь бы перестали вечно диктовать и указывать **как надо жить**.

В Аджарии этим силам был дан отпор. Это еще и потому, что там население в основном, грузинское и доминирующее. Здесь же живет народ, именем которого и названа Абхазия. Не в национализме и шовинизме дело. Вернее, это лишь производное. А главное – борьба за власть, за сферу влияния. А ненависть к абхазам у грузин эти силы и взрастили. И продолжают настраивать против нас в своей печати, постоянно говоря о геноциде в Гудаута. Верится мне в это с трудом.

Ночь почти не спала. Заснула под утро. Но встала рано. Надо разводить огонь, идти за водой, дел полно в тяжелых бытовых условиях. Одно утешение – потеплело. Кончилась страшная зима. Все роскошные пальмы Сухума замёрзли зимой их обрезают начисто. В прежние годы их худо-бедно защищали зимой, ушивали холстиной, а сейчас кому дело до пальм?

Вот так хотела и Абхазия: оставаясь в составе Грузии, в то же время строить здесь свою жизнь **сама**, получив реальную, а не фиктивную автономию. В Тбилиси сделали вид, что не поняли, обвинив Абхазию в сепаратизме. А он и возник-то лишь потому, чтобы убежать от вечного диктата. Дети выросли – требуют своей доли и отделения, хотят жить отдельно, чтобы самим строить свою жизнь. Ну, это же бытовка, что тут непонятного? Это-то как раз и не устраивает власть предержащих. И вот гибнут люди из-за этих амбиций.

Недаром же говорит сосед-грузин об абхазцах: «Живут на нашей земле и еще командовать хотят!». Вот значит, где и зарыта собака – в том, кто будет командовать, кто у власти будет, а не в нации дело.

Сейчас, утром, что-то грохает. Наверно, над позициями летает самолет.

Да пусть меня простят, читающие мой дневник, за мои, наверно, крамольные мысли. Я пытаюсь все понять, разобраться, ведь плохо-то от всего этого нам, простым людям. Мы просто пешки в большой игре. Всех людей так легко обмануть, увлечь лозунгами, тем более отвечающим их чаяниям, как свобода, независимость. Так увлекли народ и в 1917 году, обещая мир народам, землю – крестьянам, а фабрики и заводы рабочим. А в итоге все, кроме мира, оказалось в руках гиганта государства – монополиста.

А эти вопли о том, что брат убивает, ах брата, мне кажутся порой лицемерными. Помилуйте, ведь вы все к этому преднамеренно и шли уже не один год, ожидая удобного момента. Так восклицали и в Южной Осетии, а война между тем

там все больше и больше разгоралась. Развязанная кем? А как же разговоры на бытовом уровне: «Вот с абхазами покончим, а русские и армяне уедут сами!». Зачем тогда оплакивать убитых, если это – цель «освобождения» Абхазии от абхазов. Когда сюда едут из Грузии освобождать и защищать Абхазию, не возникает ли вопроса: а от кого? От самих же абхазов?

Русские в нашем доме не хотят вмешательства России в дела Абхазии: они просто боятся, зная, что Россия изменить ничего не может, а настроить грузинское население против русского – может. Ведь русские в Сухуме покидать город и уезжать-то никуда не собираются. Они наивно полагают, что будут жить, как в старые «добрые» советские времена: потихоньку – полегоньку, забывая, что времена круто переменились, и они уже должны будут в скором времени принять гражданство Грузии (двойному гражданству – России и Грузии – уже не бывать), и никуда им от этого не деться, если они решают тут оставаться и жить. Что будет дальше – поживем – увидим. Вот так я в полном одиночестве размышляю и размышляю, а «информации к размышлению» все же немало. От дум пухнет голова: как я буду жить дальше с больным, совершенно неприспособленным к жизни (кроме как кушать, ничего не умеет) племянником. И жаль его и жизнь моя в тупике, а выхода пока не вижу. Мало мне этого, так еще и эта ненужная мне война.

10 апреля 1993 года

С утра хлопотный и напряженный день. К 6-ти часам утра вышла к хлебозаводу за хлебом. Как ни странно оказалась первой. Никого еще не было. Потом стала собираться очередь. Хлеб стали давать в 7 ч. Слава Богу что хоть с хлебом немного наладилось. Утром продадут, что напекли за ночь, а потом весь день закрыто до следующего утра.

Потом пошла к колодцу за водой. Как ни странно, тоже очереди не было – воду быстро набрала. Под моросящим дождем вышла с сумкой и набрала посыпавшуюся во время сильного ветра кору эвкалипта для растопки печки.

«Мои гвардейцы», видимо, уезжали домой на время перемирия, затишья. Сегодня уже промелькнула Русико, в нарядном платье взбежала наверх, а потом, переодевшись в форму и схватив свой автомат, выбежала и помчалась в сторону Ачадара, на позиции, надо полагать… В моем доме амазонка XX века. И не просто девчонка, а жена, мать двоих детей. Сорви-голова-да и только! Но Маринкину Мукба квартиру она здорово распотрошила… Но Марина не уехать не могла – муж ее принимал активное участие в движении абхазцев за

независимость.

Сегодня пошли по городу троллейбусы. Но в квартирах света еще нет. Господи, хоть бы дали электричество! Тогда и вода пойдет и искать хворост не придется больше. Пройдет неделя, и опять взорвут, наверно, абхазцы ЛЭП...

Давно из автоматов возле дома не стреляли. А вот вчера, в сумерках, затрещали возле дома автоматные очереди. Очень неприятно. Тем более света нет, сижу при коптилке. У хлебной очереди говорили, что и утром стреляли рядом из автоматов. Но я это уже не слышала – спала.

Дождь льет весь день. Все уже набрали воду. И она была жёлтая, с пеной, грязная, а сейчас льет с неба чистенькая водица, хоть пей, на вид чище, чем в колодце и чем была в последнее время из-под крана, ржавая, жёлтая. А дождевая сейчас, как стеклышко. Очистились небеса от отравы, промылись. Часть своей дождевой воды, сменила. Для мытья зелени, посуды, овощей, рук.

Мы сейчас живем без всякой информации – телевизоры-то не работают. А может нарочно не дают эл. энергию, чтобы не смотрели телевизоры. Но соседки-грузинки больше информированы, т.к. бегают к этой девочке – гвардейке. А уж она-то лучше нас информирована. Но ничего нам не говорят о том, что нового. Сейчас тихо, и то ли переговоры идут какие-то, то ли перемирие. Вроде Грачев – министр обороны РСФСР – где-то здесь… Что, как, где – ничего не знаю. Вакуум информации.

14 апреля 1993 года

…Вчера в Новом районе собирала ветки. Видела, где много растет крапивы. Сегодня надо пойти и собрать, пока не сорвали другие люди. Приготовлю с фундуком – все-таки ранняя зелень и витамины. На западном фронте – без перемен. Совсем по Ремарку. И не предвидится. Уже слагают анекдоты. Один из них такой. Спрашивают в школе у ученика: «Какая река в мире самая полноводная, глубокая, непроходимая?». Он отвечает: «Ну, там Амазонка, Миссисипи, ну, Волга, наверно еще…». А ему говорят: «Нет, плохо ты знаешь географию. Самая полноводная, глубокая, непроходимая река в мире – это Гумиста!».

Вечером произошел инцидент в доме напротив. Пришел гвардеец занимать пустую квартиру сына (погибшего несколько лет назад в автомобильной катастрофе) Шоты Чкадуа. Соседка по площадке (русская, молодая, вдова, двое сыновей – подростков) вступила с ним в пререкания, а он выстрелом из автомата ранил ее в ногу. Увезли в больницу. Столько пустующих домов и квартир мегрельских (да и не только их), а занимать решили лишь абхазские...

Вечером да и днем к тому же опять началась сильная артиллерийская пальба. Во двор было выходить опасно. Все время было слышно: «шлёп-шлёп». Это наверно, шмякались осколки. А я стояла у открытого окна со своей банкой – печкой и варила фасолевый суп. Днем потом стихло немного, и я пошла собирать крапиву и дрова в ж.-д. поселок. Теперь проблема ее сварить: вода, огонь…

15 апреля 1993 года

Под утро заснула беспокойным, тревожным сном. Сны меня одолели: тягостные, тяжелые. Во сне кричу, плачу, нервничаю… Просыпаюсь, и даже рада, что сон прервался.

Сейчас 10 ч. утра. Стою у своей печки и варю свою крапиву. Начала бить установка «Град». Уже отсюда – туда. Ну, а потом оттуда начнут бить и тогда уже прячься как-то. В ж.-д. поселке в 9-ти этажный дом в один день попало 3 снаряда. Шел черный дым.

Не знаю, писала ли, прежде чем открыть дверь квартиры и выйти, заглядываю в глазок, не спускаются ли по лестнице гвардейцы. Они мне часто попадаются на площадке лестничной, а я не хочу лишний раз мозолить им собой глаза. Ну, и жизнь! Просто отверженная «еврейка» 1941-1945 годов. Счастливые евреи! У них есть собственное теперь государство. Захотел, бросил пакостную страну любую за притеснения, и уехал к себе в Израиль.

16 апреля 1993 года

Вышла к 5-ти ч. утра, еще затемно, к «Колосу» за хлебом. Стояло человек 5 у бокового окошечка (а сейчас, к 9-ти утра, очередища 2 км.), и взяла по 2 батона – себе и Сарре. Сразу же пошла отнести ей. Ее не было дома, оставила у ее подруги, а это уже половина хлеба – не ее. Обидно! А я мчалась, чтобы ее застать, вспотела от быстрой ходьбы. И вот!

Люди уже спозаранку, затемно на ногах. Кто за хлебом, кто за водой, кто за дровами… Такая вот «свободная» жизнь! В Новом районе у гастронома очередища за хлебом. А магазин разворочен снарядом – все витрины вылетели. Непонятно, чей снаряд попал. Витрины выходят на север, а абхазцы обычно стреляют с южной стороны. Новый район – это вообще район бедствия. Ни в одной почти квартире в домах не осталось целых стекол. Многие квартиры разворочены снарядами; улицы там утопают в грязи, намешанной гусеницами танков, людей почти не видно; предприятия смотрят опустевшими выбитыми глазницами окон, железные ворота разбиты, в кирпичных и бетонных стенах –

оградах предприятий – широкие проломы – проемы (это, видимо, когда грабили склады предприятий, например, консервного завода). Возле этого завода, у одного из цехов, стоит зловонный запах аммиака. Проходя мимо, едва не задохнулась - пробежала быстро. **Ни одно** предприятие **не работает**. А в газете пишут о каком-то выпуске продукции. Но все предприятия в Новом и Старом поселке, а там они не работают.

В Новом районе слышна то ли автоматная, то ли пулеметная трескотня у р. Гумиста. Не дай Бог сейчас жить в этом районе. Даже тут, где я живу, недалеко от Ачадара, страшно, а уж в Новом районе... Да еще он расположен на возвышенности. Стояли трое мужчин и разглядывали совсем «свежее» попадание снаряда в одну квартиру на 3-ем этаже. Хорошо, что многие квартиры пустуют, поэтому жертв немного. А если бы люди не уехали… Такая вот безрадостная картина в Новом районе, куда я понесла Сарре хлеб. Она отчасти обезопасила себя повесив на входной своей двери табличку, написанную на бумаге от руки на грузинском языке с фамилией своего зятя – он мегрелец. И всем гвардейцам твердит, что это мегрельская квартира. В начале войны к ней приходили с обыском в поисках оружия, но потом никто ни ее, ни квартиру не тронул. Тогда как у подъезда их дома всегда стоят 3-4 громадных танка. В доме квартируют танкисты. А Сарра и соседи ее используют деревянные ящики из-под снарядов для топки. Нет худа без добра! На обратном пути набрала сумочку хвороста. На сегодня хватит. Да еще подобрала у какого-то дома три небольшие настоящие досочки. Очень обрадовалась этому; надо распилить ножовкой и расколоть. Такие вот маленькие радости нашего горестного бытия.

Сегодня у меня «крапивное» меню: щи с крапивой и щавелем (без мяса, минимум жира), к ним бы еще яйцо и сметану, но и так вышло очень вкусно. И крапива с орехом на второе. Тоже минимум орехов. К ней открыла баночку виноградного сацибели. Главное, есть хлеб. А хлеб есть – голода нет.

Поднялась наверх к соседке угостить ее крапивой с орехами, а она мне рассказала подробности гибели Этери Когония. Сын моей соседки живет у тёщи на ул. Энгельса в этом же доме, где жила Этери. У нее были (у Этери) в этот день гости. Они ушли за 15 минут до попадания снаряда. И она, проводив их, осталась во дворе с соседями за столиком, где обычно курила, читала. Останься гости подольше, не уйди она во двор осталась бы жива. Но судьба! Снаряд пролетел через какую-то квартиру, взорвался во дворе и крупными осколками оторвало Этери руку и ногу. Сразу наложили жгут и увезли в больницу. Но она была без сознания, в шоковом состоянии. А ей еще дали наркоз. От

наркоза, как сказали, она и умерла. Говорят, надо было ждать, не давая наркоза: или она очнулась бы или умерла, не придя в сознание. Непонятно, как же и когда она могла сказать, что умирает от руки своих же, если все время была в шоке и, не приходя в сознание, скончалась. Значит, был момент до наркоза, когда она была в сознании. Наркоз же был необходимым для проведения сложной операции. Нога держалась на сухожилии. Да и рука, наверно. А в прочем, лучше умереть, чем оставаться такой калекой и быть всю жизнь укором для своих же абхазцев. Хотя они утверждают, что снаряд был **не их**. Никому уже не верю: ни тем, ни этим. Порой на меня находит такое отчаяние (я уже не говорю о постоянной депрессии) оттого, что я не вижу выхода из этого противостояния. Оно, по-моему, никогда теперь не кончится. Как же жить нам так дальше? А, главное, зачем такая скудная, пещерная жизнь? Вот где аукнулся 1917 год!

Несколько дней назад получила из Гудатуы с оказией письмецо, наконец-то, от родственников. Пишут, что волнуются и настаивают, чтобы все бросила и уехала в Гудаута. Как бы не так!.. Нет уж, лучше умереть, чем повторение 40-х годов, когда мы вот так маленькими сиротами круглыми – я, Юра, Рита (мои брат и сестра) скитались. Пока меня никто не тронул, не пытается убить. А дальше что даст Бог и моя судьба! Как тут все, так и я. Ехать и садиться там к тому же кому-то на шею. Без пенсии, без зарплаты. Зачем и кому я такая нужна, нищая?

19 апреля 1993 года

Вчера, в день Пасхи, пошла днем в церковь. Пешком, под проливным дождем, захватив плащ, зонт, печенье, мандарины, тюльпан один. Нарочно пошла днем. Чтобы не было толпы людей, спокойно помолиться, взять свечечку без очереди, толчеи. В нашей несчастной стране даже в церкви места не хватает, спокойно не помолишься. Было 3 ч. дня, и церковь была пуста – перерыв до вечера. Свечечка теперь стоит 15 р.. Та, что стоила 30 коп. Конечно, будут меньше покупать и ставить. Тем более набожные русские старушки – пенсионерки. Разве что богатые и денежные гвардейцы. Кстати, они и шли туда один за другим, но без автоматов, бросая нищим у паперти деньги. Они щедры – нищим повезло. На обратном пути тоже плелась пешком (троллейбусы опять почему-то не ходят). По дороге нашла несколько веток, ими и разогрела дома себе обед. Идя в церковь, встретила знакомую абхазку. Она сказала что накануне была на причале у судоремонтного завода (теперь хоть буду знать откуда уходят катера в Гудауту) на проводах беженцев-абхазцев из Сухума. Ушло 2 переполненных катера, в том числе среди прочих

уехало 400 с лишним человек. Русских и армян единицы. Наплакалась, сказала она мне. Говорит, что не стоит никуда ехать, все равно и Гагра и Гудаута будут в руках грузин, а этих беженцев теперь едва ли впустят назад в Сухум да еще в их оставленные квартиры. Беженцев из Гудаута – грузин тоже надо где-то расселять. Тревожусь за квартиру Левика. Как бы он не потерял ее, не приобретя в Гудаута. Надо написать им туда.

А сегодня опять льет дождь, как из ведра. Воды все набрали дождевой - хоть залейся. А потом будет сухой май и нам придется летом туго без воды. Все заполнили ванны, а я – нет. Как же я потом купаться буду без ванны? Но за питьевой водой к колодцу надо пойти, как только немного прояснится.

Ночью немного пушки постреляли, но не так. Ждут, наверно, результатов референдума в России 25 апреля. А что это нам даст? Ровным счетом – ничего. Купила «Демократическую Абхазию» за 19 апреля. Грузия делает попытки тесно подружиться с Украиной. Значит, слухи не беспочвенны: Шеварднадзе поехал туда за бендеровцами. Да, точно, мы живем сейчас в период, какой был в 1918 году вообще в России: смута, хаос, анархия, развал во всем, гражданская война… Вот так «перестроили» СССР.

21 апреля 1993 годы

Сегодня захотелось сварить фасоль (Взяла за 300 р. 1 кг.) Замочила с ночи. Но для ее варки нужно много дров. Решила пойти с утра с секатором – искать ветки. Но и они, сырые, плохо горят. Но с утра, еще нет 9 часов, начали сильно стрелять пушки. Мы уже привыкли, но идти боюсь. Собиралась за хворостом в район Республиканской больницы, а как раз там-то где-то стоят пушки наверху, на кладбище. И из-за Гумисты тоже отвечают. Надо переждать стрельбу. Взяла за это время купила апельсины по 20 р. за 1г.на нашем блошином рынке, у «Колоса». Уже мелкие неважнецкие. Но фрукты кончаются- середина апреля. Вот фрукты нас и держали здесь своими витаминами всё время. Ем я иногда пищу вообще 1 раз в день. Из-за отсутствия огня. Или просто пожую хлеб с аджикой. Кстати, опять исчез почему-то хлеб. Хорошо, что есть у меня немного запасов сухарей и 5 кг. кукурузы. Она сейчас по 80 р., надо бы купить еще на лето. А смолоть где-то на водяной мельнице. Говорят, есть такая в районе мебельной фабрики.

На днях, вечером, уже стемнело, соседи побежали к «Колосу» - хлеб немного давали из бокового окошечка. Таким, кто не зевает, а все время настороже. И мне сказали, я тоже побежала. Но уже окошечко закрыли, и там не было никого. Я, набрав, смелости, прошла в ворота и зашла в пекарню, где месили в

котлах тесто. Попросила 2 буханки. Там был знакомый, сын Нины Ан. Рехв. Он-то вообще технолог этого завода, но такой сейчас там униженный, пришибленный (он наполовину русский, по-грузински не говорит). Вот он и дал мне хлеб, но с позволения там какого-то мордатого типа. Все они без белых халатов, кроме рабочих, пьяные, с ружьями и автоматами… Рядом со мной стоял парень, покачиваясь на ногах, надевал, снимал с плеч ружье, что-то они все громко между собой говорили, а я думала: «надо скорей отсюда из пекарни выйти, пока ненароком не пальнуло у пьяного оружие». Взяв драгоценные, теплые еще, вкусные, с хрустящей корочкой буханки, тут же удрала. Спасибо и за хлеб! Завод этот в руках военных и мафии вообще. Мука оттуда идет налево, хлеб – кому хотят, а не только военным. А рабочие завода там вообще на положении рабов и бесправны. Но платят им хорошо и всегда они с хлебом – это главное. Одну рабочую как-то даже ранили из автомата там.

Такие сухари, что мы брали на этом заводе, уже на рынке спекулянты продают. Пользуются люди любой возможностью спекульнуть в тяжелое для население время.

Население города напугали, придут абхазы, взяв Сухум, всех, мол, грузин перебьют.

Такой сегодня холод, будто зима вернулась. Льёт холодный дождь. Я вся продрогла, стакана чаю не могу вскипятить. Какие там дрова под таким дождем?! Поела кусок вчерашней холодной мамалыги и дрожу после холодной пищи от холода. А пушки сейчас всё стреляют. Вдобавок к молнии и грому.

22 апреля 1993 года

День рождения Ленина – никто даже не вспомнил, не до него. Будто его и не было на свете. И правильно!

Второй день горит электричество. Даже не верится. Вскипятила чай, сварила, наконец, мамалыгу, фасоль, постирала немного. Пока есть свет, надо нанести воды из колодца и выкупаться. Холодно только очень. В Верхних Эшерах выпал снег – видно от нас. И это в апреле! Природа мстит людям за войну. Сказали, что будет катер сегодня. Ходила на причал к судоремонтному заводу. Но не было ничего. Слышала, будто завтра будет. Хочу письмо передать. Далеко ходить – туда троллейбусы сейчас не ходят. Гвардейцы спросили, куда я уезжаю. Я ответила, что встречаю, чтобы отстали. Зашла в рыбколхоз. Рыбаки продали прямо у берега уже всю крупную хамсу По 200 р. за кг. Мне не досталось. Там по ранним утрам столпотворение за ней. А мне далеко идти – не успею. А так хочется! У них оставался по 200 р., кажется, скат. С обрубленным

хвостом – пилой, такой скользкий, черный. Не взяла. Никогда его не ела и вообще едят ли его? Нигде не читала. И просят аж 200 р. Была бы камбала – другое дело.

Теперь включаю телевизор, но не часто. Вчера слушала телевидение Абхазии. Было интервью опять с Надарейшвили. Без него – ни одна передача. Отпимист, смотрит на все лучезарно, всех обнадеживает: все хорошо, а будет еще лучше. Ладно уж, посмотрим. Говорит, что в Сухуме была иностранка, и когда ей сказали, что в Сухуме живут сейчас абхазцы, никто их не трогает, они ходят свободно, она была **поражена** этим. Меня же это обидело. Значит, нас здесь **не должно было быть** – по ее мнению; мы – изгои, «евреи абхазской национальности», что ли? А куда нам уезжать, если нет другой исторической родины? И уж неужели в Гагра и Гудаута все грузины изгнаны оттуда. Не могу в это поверить. Значит, мол, и нас должны были изгнать из Сухума. Пусть оставят навсегда землю Абхазии от Гумисты до Псоу абхазам, и мы с радостью уедем из Сухума, переселимся туда. Не оставят! То-то же! А куда еще бежать? В Москву? Зачем, что она нам? Еще он сказал, что они, мол, предупреждали до войны абхазов, что не позволят ущемлять права грузинского населения Абхазии. Что-то я не вижу, что они ущемлены и хуже меня живут. Весь город застроен их виллами и особняками, а я живу в бетонном сыром и тёмном полуподвале площадью 17 кв.м. И это я ущемленная, дочь, уничтоженных Советской властью, родителей. Значит, допустим, грузин ущемлять нельзя (хотя их никто и не ущемляет), а абхазцев – можно? Так, что ли? А где логика? Я бы тоже поспорила, если бы меня вызвали на диалог.

Говорят о **достойном** окончании войны, читай, их победе. А в то же время нам только и толкуют, что «победителей в этой войне не будет». Как же она может тогда окончиться достойно! Постоянная алогичность и противоречие во всем – это меня удивляет. Всё рассчитано на простаков и недоумков. Хотя и амбициозность абхазцев порой меня раздражает, ненужный апломб, эмоции, упрямство!

24 апреля 1993 года

Я опять вчера ходила на причал, но катера не было. Говорят, собираются беженцы у четвертой аптеки, что у рынка, но и там никого не было, а аптека №4 была ночью ограблена. Выбили кирпичом стекло в двери и вошли. Будут потом продавать ворованные лекарства на черном рынке. Полная анархия! И беспредел с этой рыночной экономикой. А Ельцин, похоже, удержится. Это – непотопляемая глыба.

Опять зашла в рыбколхоз, к рыбакам на берегу. И опять не

достала хамсы. Говорят, это шпроты. Чудесная рыбка, увы! А был еще скат, я думала, а говорят, это – морской кот. Тоже 200 р. И сказали, вкусный, как камбала. Это я уж потом услышала, и его до того не взяла. У рыбаков вьются спекулянты. Они все сразу скупают по 200 р., а на рынке продают по 350-400 р. за кг. Я бы их всех давила, как вшей, этих своеобразных мародеров. В основном, это русские, живущие на маяке, рядом с рыбколхозом. У рыбаков с утра давка и столпотворение (даже не очередь), а живу я далеко, и мне рыбы у них **никогда** не купить. А так хочется! На рынке она «кусается» ценами. По дороге зашла на рынок, купила еду и заглянула по пути к Нине Ан. Пока мы с ней беседовали, оказывается, на рынок залетели один за другим 3 снаряда. Есть раненые тяжело (оторвало конечности) и убитые. Вот так мне второй раз повезло, что я вовремя ушла оттуда. Все рассказала соседка Дар., которая там лежала плашмя на асфальте. Не понимаю, зачем бросать снаряды на рынок, не объект военный, ни какой другой. Да, на нем много гвардейцев обычно, но еще больше просто мирных горожан. Теперь опять рынок опустеет. И нам будет нечего есть. Люди боятся и привозить туда продукты, а мы – ходить за ними. Делается нарочно? За горло берут население? Но оно-то причём? Это же не вражеское население, здесь сейчас живет больше русских чем грузин, тем более, чем абхазов. Грузины, большинство уехали. Остались русские и горсточка абхазов. Нина Ан. рассказывала ужасы о расправе в городе грузин над абхазцами. Так что, я живу и впрямь на вулкане. Мой бедный сосед Ж. Хашба уже не выходит из квартиры. А раньше часто сидел со всеми во дворе.

25 апреля 1993 года

Слухи о том, что снаряды, залетевшие на рынок, намеревались попасть в «Сухумприбор». Там, опять по слухам, производится то ли оружие, то ли снаряды. Это может быть вполне вероятно, учитывая интеллектуал и мощности завода. На рынок теперь боится работать, а кормил нас лишь он. Стал вопрос: что делать?

Хлеб утром уже был. А я вышла за ним в 5 ч. утра и взяла свободно у бокового служебного окошка. Тревожит отсутствие воды. С животом неладно. Боюсь инфекций. Одни говорят, что подключат к Келасури, а от Гумисты уже воды не будет – там сильные повреждения. Орудия продолжают время от времени стрелять с раннего утра и поздно ночью. И отсюда, и оттуда. У подъезда Сары в Новом районе уже сиротливо стоит 1 танк и то покоряченный. Остальные, как она сказала, разбиты попаданиями снарядов. О судьбе танкистов я не знаю, не спросила. Там я

набрала во дворе дикую петрушку. Мыть тщательно нечем, вот что беспокоит. Зелени полно, а есть плохо мытую опасно. Во двор повадился цыганенок, украл мое, сушившееся во дворе, красивое египетское полотенце. Теперь, постирав, надо караулить во дворе каждую тряпку. Не было печали, этого лишь не хватало. День солнечный, но холодный ветер. Никак не наступит тепло, хотя уже на носу май. Сегодня и завтра Пасхальные проводы. Не имею ни свечки, ни яиц крашеных да и на кладбище ходить небезопасно, а в церковь далеко и вообще уже никуда и ничего не хочется. Апатия полнейшая. Хоть ложись и умирай. Хорошо, хоть есть **пока** электрический свет. Надолго ли, неизвестно.

27 апреля 1993 года

После залета на рынок снарядов 23 апреля сегодня впервые туда пошла. Ну, на работе, во-первых, - никого, мне даже дверь сторожа не открыли. Не было их, наверное. А рынок, бедный, забился на первый этаж крытого здания рынка. Пока есть эл. свет, там что-то видно, а нет света – потемки, полутьма. И толчок там же и овощи с прочим. Что делать, есть-то людям надо. А на открытое пространство выходить боятся. Хотя и перед зданием кто-то чем-то торгует. Кто посмелее. Я купила не ахти какой 1 кг. картофеля за 130 р. (это считается уже дешево), полкило спагетти (а стоит она уже 250 р. за кг.), досочку для резки зелени за 20 р. и зубную пасту за 30 р. Сегодня что-то тихо, орудия молчат. Что решается, Бог знает. Но днем вдруг погас эл. свет, и тревога объяла нас: неужели снова на месяц, на два? И горел-то всего дня 4-5. Мы молимся на него! Даже согласны сидеть без воды; ее мы для питья таскаем из единственного колодца на ул. Эшба всей улицей, для стирки и мытья собираем дождевую, для туалета – из канав, речушек и грязных бассейнов. Но без огня совсем худо! Дров нет, всё сожгли, что можно было, а готовить, есть что-то ведь надо. Самое главное – огонь! И без света проживем – при коптилке, керосиновой лампе. Без огня – не проживем. Первобытные люди в пещерах ведь первым долгом тоже научились добывать огонь. Даже им он был нужен. А нас, цивилизованные люди, рвущиеся к свободе, демократии, на пороге XXI века оставили **без огня**. Как это назвать? Все это хуже, чем варварство. Это безнравственность! С чьей бы стороны это не исходило. Мстить вот так ни в чем неповинному мирному, даже не вражескому, населению.

Когда в 1942 г. немецкие фашисты осаждали г. Ленинград, это было понятно. В городе проживало русское, враждебное им

население. В Сухуме же добрая половина сейчас не грузин и абхазов, а русских. Например, в нашем подъезде сейчас осталось 2 абхазские семьи (я и Хашба Ж.), 1 – грузинская и 6 – русских. И так в каждом подъезде, в каждом коммунальном доме. Абхазы и грузины разъехались и продолжают уезжать. Остались и пережидают, никуда не едут лишь русские…

28 апреля 1993 года

Да, свет опять погас. До неопределенных времен. Значит, снова мы без огня, без пищи горячей. Такой упадок духа, что утром и вставать вообще не хотелось. Так бы и умерла, вообще не вставая. Зачем такая дикарская жизнь?..

6 мая 1993 года

Порой так спрячу записи дневника, что ищу и сама не могу найти. Давно не искала. Принесла из колодца воду. Она такая мутная – сырую пить ни за что нельзя! Постоит, и в ведре на дне мутный осадок серый. Взбаламутили колодец, а чистая не успевает набираться. В городе, говорят, вода есть. Но там из р. Келасури. К нам же поступала вода из Гумисты, а там все водонапорные приспособления разрушены…

Вчера стоял сильный грохот из всех орудий – я думала, что началось наступление отсюда на Н. Афон и Гудаута. Но в два часа дня!!!

Вдруг днем наступление?! И сегодня сильно очень бабахнуло 2 раза. Наверняка, это мощные бомбы. «Град» периодически отсюда палит туда. У колодца одна старушка сказала, что 9 мая закончится война. Сколько уже это предрекали, начиная с зимы! Откуда она взяла? Может, организуется в самом деле широкомасштабное наступление туда, а вчера была лишь подготовка, пристрелка? Приехала моя гвардейка из подъезда, и сразу замелькали половички Марины Мукба на лестницах. Не может девочка эта из Зестафони никак успокоиться, пока последние вещи Марины не растрясет. Все её книги куда-то унесла. Проехал грузовик открытый по направлению к Гумисте. На нём стоя поехали вооруженные ребята в простой форме. Это – местные. Вообще приезжих военных стало меньше возле нас, а все вооруженные – это местные ребята. Многие без формы, но с автоматами. Разберись кто есть кто. Одни – из полиции, другие – воюют, а третьи – просто мародеры и бандиты. Оружия навалом. Как же о мире говорить в таком окружении и условиях, о покое в городе? Войну надо закончить и всех разоружить, кроме полиции и **постоянной** армии. А сейчас с автоматами ходит всяк и все.

Если наступление туда, за Гумисту, то что будет с Гудаута, со всеми моими? Страшно мне это думать… У всех своих проблем навалом. Многие сами у себя тоже воюют, а такие, как Россия, сами на грани гражданской войны. На что и на кого же рассчитывать? На оппозицию? Но и она явно проваливается. «Демократы» теперь окрепли после августа 1991 года и своих позиций вместе с Ельциным так просто не сдадут. Куда ни кинь – всюду теперь клин!

Сегодня снаряд попал у табачной фабрики, а осколки долетели до нашего двора. Упал осколок у гаража Дом. Ал. перед нашим подъездом. Опасно выходить. Да и в окно может залететь и убить. По телевидению «Останкино» объявило о начале русско-абхазских переговоров в Майкопе. Но почему не грузино-абхазских? Разве мы с Россией воюем, а не с Грузией? Ничего непонятно. Но мы устали страшно от противостояния.

Выскочила собрать немного крапивы в старом поселке, в затишье от обстрелов. Но опять – стрельба, и я убежала домой. На улицах ни души. Все сидят по домам, боятся снарядов. На улице, где я была, увидела небольшую воронку от снаряда. Представляю, сколько смертоносных осколков от него разлетелось вокруг. Будь я тогда рядом и… Сидим мы дома, и не знаем что творится в городе. А «Вести» передали о сильном обстреле вчера Сухума. Разрушены дома, есть раненные и убитые. Если идут переговоры в Майкопе, то почему усилилась стрельба?

Крапиву успела немного набрать. Есть еще фундук. Сварю её и приготовлю «ахуцчапа» по-абхазски. Что делать, надо ведь что-то есть, как сидеть всё время дома? Еду же надо раздобывать. И на рынок ходить страшно – туда тоже залетают снаряды, предназначенные для «Сухумприбора». Да и на ул. Эшба, возле нас, в здании бывшего кулинарного училища, где расположен небольшой военный штаб, летят снаряды. Туда не попадают, а мимо, к нам и возле нас.

7 мая 1993 года

Вот сегодня уже чувствуется, что идут какие-то переговоры где-то – не стреляют. И то слава Богу! Даже странно, когда тихо, будто мир настал.

8 мая 1993 года

Опять стало плохо с хлебом – нет его для населения. А я-то думала, что летом будет легче. Как бы не так! Говорят, нет дрожжей, а все дрожжи на базаре, у спекулянтов. На черном рынке. Если нет муки (а ее постоянно привозят эшелонами), то и она уходит налево, в частные руки. А мы – без хлеба опять.

Начались какие-то переговоры в Майкопе. Дадут ли нам шанс? И вода в колодце иссякает. Мутная грязная. Как летом без воды-то будем? А ведь надо еще и мыться. И дождей летом не станет.

Сама я очевидицей не была, но женщины рассказывали, что вчера была сброшена мощная бомба на похоронную процессию на ул. Чанба (эта – многострадальная улица!) Бомба спускалась на парашюте. Люди стояли и смотрели в небо, думая, что это спускается человек. Думали, может десант. А когда разглядели – бросились врассыпную. Многие спаслись, но случились и жертвы…

Очень болит голова. Иногда головокружение. Это ведь не жизнь, а прозябание и существование.

9 мая 1993 года

Сегодня воскресенье да еще и праздник. Пошла на рынок. Пешком. Ничего там нет – люди хватают что есть и поскорей убегают домой. Из-за риска попасть под обстрел выросли еще больше цены на все. Картофель уже 200 р. Скоро будет и 300. А кукуруза уже 130 р., когда я покупала месяц назад по 70 р. Толчок оскудел – видимо, всё хорошее люди уже распродали у себя. На что же будут они дальше жить. Потом завыла сирена, и люди стали разбегаться по домам. Побежала трусцой домой и я . От рынка до «Колоса» почти бегом. Был обстрел, летали осколки, а ул. Эшба такая открытая без больших зданий. Так и прибежала домой, купив на рынке лишь зелень. А во дворе сидят соседи и – новость. Утром убили, живущего рядом в частном доме Саная. На передовой сказали. У него жена и двое мальчишек. Кажется, еще оба дошкольники. Вот так! Каждый день гибнут парни непонятно за что. А мне страшно, еще придут мне мстить, хотя я ни в чем неповинна.

Утром «Вести» передали репортаж К. Бжания, который опроверг утверждения грузинской стороны, что абхазские войска обстреляли гарнизон России возле Сухума. Он сказал, что обстрел произвела грузинская сторона из села Яштуха с провокационной целью. Кому верить? Никому уже не верю. Но провокации, правда, могут быть **любые**!

10 мая 1993 года

В моем дневнике как в зеркале, отражаются все гримасы «рыночной» экономики в Сухуме. Конечно, помимо войны, беспокоит и это, поскольку это одно из важнейших условий выживания нашего тут. Потрясающе! Фасоль в зернах теперь

стоит 600 р. за кг., картофель – 200-220 р., яичко куриное поистине золотое снесенное курочкой рябой – 40-50 р. за штуку (нам больше его не есть никогда!), кукуруза уже 130 р. за кг. И вообще нечего есть. Сыр – больше 2.000 р. за кг., проезд на троллейбусе в оба конца – 20 р. в день (это 600 р. в месяц), а пенсия у пенсионера всего 2.300 р. Вот и живи! Пусть так живет наше «демократическое» правительство.

Вчера стоял грохот от стрельбы (и это в период переговоров), а сегодня чуть тише. Хлеба в «Колосе» все нет. Более того мне кажется к заводу танком пушку «Град» притащили и она грохает рядом. Как же туда ходить за хлебом? Неужели нельзя найти другого места для пушки, нежели хлебозавод? Теперь из-за Гумисты будут в нас целиться своими установками, т.к. мы тут рядом с хлебозаводом.

Говорят, будет катер во вторник из Гудаута для беженцев. И еще говорят, что гудаутским грузинам там абхазцы уезжать в Сухум не дают, не пускают. Почему? Когда они могли бы быть рады этому, если все время твердят тут о гудаутском произволе и этнической чистке. А грузин сюда не пускают. А может они сами не хотят уезжать из Гудаута, им там тоже неплохо. Вот и придумали версию что «не пускают». Говорят, разрешают лишь обмен квартир на время, что-то здесь не так, мне кажется. А вообще, когда всему этому конец? Наступит ли примирение? И как мириться, когда так все далеко зашло? Сами не примирятся, а посредников нет. Россия, похоже, и «нашим и вашим». Помогает оружием и тем, и другим, чтобы по больше убивали друг друга. Так что ли?

18 мая 1993 года

С утра пошла в собес - предложили пенсионерам отметиться, чтобы не было «мертвых душ» при получении пенсий. Пешком! Туда и обратно. В собесе – столпотворение несчастных затурканных такой жизнью пенсионеров. По пути заглянула на Центральный рынок. Крыша крытого здания рынка провалилась то ли от снаряда, то ли от бомбы брошенной туда. Непонятно, зачем бьют по рынку. Там ищут себе какую-то еду голодные и без того горожане.

В город идти не хотелось – боялась обстрелов. Почему постоянно бьют по городу? С какой целью? И кто? Абхазцы из Гудаута, российские войска или сами грузинские с целью обвинения российских войск? Ничего непонятно. Кто бы ни бомбил или обстреливал город, нам от этого не легче – живем в постоянной тревоге. С утра было тихо, но когда я была уже дома, началась стрельба туда-сюда. Вчера было много информации:

телевидение Абхазии, а по II каналу беседа А. Караулова с Дж. Иоселиани. Показало эту передачу нам Тбилиси. Лучше бы не показывали, т.к. не в лучшем света там выглядит герой №3 Грузии. Ничего убедительного он журналисту так и не сказал: из-за чего война, как ее прекратить и выйти из тупика, и стоило ли ее затевать лишь из-за того, что в парламенте больше депутатов абхазской национальности и 12 министров-абхазцев! Да и есть ли 12-то! Хорошо ответил Караулов: «Да пусть и 12 – жалко, что ли? Это же Абхазия?» В общем как-то все несерьезно, по-детски, а льется кровь, гибнут люди и многие остаются без крова и без имущества. Стоит ли игра свеч!?

Оказывается, перед войной это абхазцы, а не звиадисты из Мегрелии и Абхазии взрывали мосты и ж. дороги в Абхазии, баламутили Абхазию с целью провокации, чтобы Тбилиси вынуждены были ввести свои войска. И они их ввели. Вроде бы для охраны дорог и мостов. А на деле, вероятно, просто разогнать неугодный парламент. Как до того разогнали бывший парламент Грузии во главе с Гамсахурдия. Ах, политики, политики, о народе-то вы совсем-то и позабыли. А из-за чего и для кого весь этот сыр-бор?

Хлеба опять на нашем хлебозаводе нет, хотя грузовые машины с мукой приезжают, эл. свет один день горит, другой – нет, воды питьевой все нет, есть нечего – в магазинах пусто и они закрыты, а вся гуманитарная помощь на чёрном рынке, царит произвол перекупщиков и спекулянтов. Так как же жить людям? Из-за отсутствия воды несет вонью из наших подвалов, т.к. канализация не работает… Вот так и живем. А обе противоборствующие стороны не хотят ни о чем договориться. И, похоже, не договорятся. Жить просто не хочется уже от такой обстановки. Картофель сегодня уже 400 р. за кг. Так что это, рыночная экономика или беспредел властей?

19 мая 1993 года

Пошла в гастроном «Волна» за увиденным там накануне плохоньким повидлом. Какая - никакая, а еда. Будет хлеб, на него помажешь. Центральный рынок все-таки действует. Далеко ходить горожанам западной части города на рынок №2 за Красным мостом.

Вещевой рынок (толчок) очень оскудел. Люди уже продали все хорошее, что имели дома. Перекупщики даже вывозили красивые не дорогие здесь вещи в Тбилиси на продажу.

Пошла и вернулась пешком. Света всё нет, троллейбусы стоят, чай вскипятить не на чем. Опять буржуйка? А дрова? Была уже в своем дворе, вошла в подъезд, как так грохотнуло совсем

рядом, что соседи, находившиеся во дворе, аж присели. А с утра было совершенно тихо.

Допустим, отведут тяжелую технику и те, и другие. А как быть с автоматчиками? А их стало не только меньше, но и больше после переговоров в Москве Шеварднадзе и Ельцина. Они фланируют по улицам. И в военной форме и без нее. Вооружены до зубов: сомневаюсь, что бежавшие из Сухума абхазцы вернутся вот так назад под дула автоматов. А разоружаться тут едва ли станут. Завтра 20 мая – срок с начала прекращения огня. А пока он не прекратился.

Опять я без горячей еды. Даже без чая. Остался кусочек черствого хлеба (его все нет на нашем хлебозаводе), сделала салат из репчатого лука проросшего с уксусом, подсолнечным маслом и киндзой, был маргарин турецкий, повидло. Вот так и поела всухомятку. Думаю, как опять быть без хлеба. Мука на заводе есть, нет топлива, эл. энергии, воды.

Очень болит голова и шум в ушах. Сейчас прилягу. Все равно нет огня и готовить нечего. Хоть ложись и умирай. А на рынке ничего, кроме зелени, нет. Вот я и ем одну зелень все время. К ней хотя бы хлеба немного. Совсем я, как кролик.

Зачем нас мучают неумные политики? Если нам нет жизни, то зачем нам все это, затеянное ими? По телевидению 2-го канала в беседе с журналистом А. Карауловым Иоселиани Д. выглядел просто дураком. И это высшее должностное лицо! Что же требовать от остальных грузин? Простого народа.

А впереди еще лето целое и возможные инфекционные заболевания. И возможный голод, т.к. деревни опустошены, разорены, сельчане ничего не сеяли, не сажали – не до того.

Чем дальше, тем хуже.

Иоселиани не сказал главного: **о ненависти**, которую испытывают грузины (особенно тбилисские) к абхазам, вызывая тем самым ответную ненависть к себе, ибо давно известно, «что посеешь, то и пожнешь». Посеешь ненависть, ее же и пожнешь. Адекватная реакция.

А я устала, с больной головой, сейчас лягу и под залпы пушек (а они рокочут все время рядом) подремлю. Мы уже привыкли к их звукам. Не привыкли лишь к гибели людей, разрушениям.

Да, не 12 (?!) абхазских министров и не 28 абхазских депутатов в то время, как грузинских – 26, вызвали эту войну. Эти утверждения Иоселиани выглядят неубедительными, смехотворными, а **просто ненависть** давняя тбилисская, восстановившая и местное мегрельское население против братьев-абхазцев, нежелание ни в коей мере позволить населению Абхазии (не только абхазцам) распоряжаться своей землей и ее

природными ресурсами без указки свыше, борьбы за самоличное правление в Абхазии и влияние в ней и вызвали такое неприятие в Тбилиси, а отсюда и войну **бесперспективную!** А все остальное звучит не-убе-ди-тель-но!

На нападки и охаивание Иоселиани председателя Верховного Совета Абхазии Караулов сказал об Ардзинба: «Он у меня не оставляет такого впечатления!». Вообще Караулов блестяще провел, на мой взгляд, эту беседу. На вопрос журналиста, сколько процентов дохода отдает Абхазия Тбилиси, интервьюриемый ответил, что **не знает**! И это-то третье лицо в правительстве Грузии не знает, когда знает старшеклассник каждый в Абхазии.

Вдруг дали свет, не стала отдыхать, а вскочила сварить постный суп. Пока есть свет.

И еще. Если Ардзинба и его окружение – коммунисты, стремящиеся вернуть нас в прежние брежневские времена, а тбилисская разношерстная элита разных партий сплошь демократы, то почему именно они держатся за старое, за такую командно-административную систему, когда Абхазия сама не имела права назначить у себя **ни одно** должностное лицо, свои кадры, жила по указке, а не хотят сделать так, как это сделала новая Россия, дав всем своим автономиям суверенитет, независимость, свой гимн, флаг, герб (никто там их не срывает, не топчет, не рвет), которые **никуда из России-то и не ушли**. И Абхазия никуда бы не вышла и не стремилась к этому, имей она все те права, что имеют автономии России.

Кому это непонятно? Тому же Тбилиси? Не может быть, чтобы было непонятно. Просто желание убрать со сцены абхазов, оттеснить их на второй план, подмять под себя, сделав на своей же родине людьми второго сорта.

Да, насчет налогов Абхазии в казну Грузии. Иоселиани сказал, что чего не знает, того не знает. Но при этом добавил, что налоги Абхазия платила не Грузии и Тбилиси, а **Москве**. Довольно странно, если учесть **вертикальное** подчинение, т.е. подчинение Абхазии Тбилиси, а уж потом Тбилиси и Грузии в целом – Москве.

К вечеру пошла к колодцу за водой. Это, примерно, в километре от дома – вся улица Эшба туда топает. А в 5 ч. утра надо подняться и выйти к хлебозаводу; попытаться достать хлеб. Так, что, болит голова или не болит – расслабляться некогда, когда совершенно одинок.

А к вечеру «разошлись» орудия «Град». И это накануне, как считается, **прекращения огня** 20-го мая! Хорошая же прелюдия к прекращению! И будет ли оно – это прекращение завтра?

А утром надо пойти на толчок – ищу эл. кипятильник для

нагрева воды. Вот так, с 5 ч. утра буду на ногах и ходить пешком и натощак.

20 мая 1993 года

Еще не было 5 ч. утра, (я всю ночь не спала из-за стрельбы, высокого давления, боязни проспать хлеб), как я вскочила и, не умывшись, одевшись легко побежала к хлебозаводу. Хлеб я не достала! Продрогла, окоченела, простояв до 8 ч. утра, ушла домой. Но хлеба напекли много. Его увозили фургонами на передовую (а говорят, армия, мол, почти ушла), приходили одиночные гвардейцы и брали хлеб сумками, мешками **своим семьям,** приходили просто их знакомые, а мы стояли понапрасну. Нам сказали: не стойте, не будет вам хлеба! Если лишь что-то останется. Но, видимо, не осталось. Один из очереди, русский, сиронизировал: «Это берет высшая раса, а мы – низшая!» Я добавила: «Нордическая!» Так мы пошутили и разошлись не солоно хлебавши. Есть кусок черствого, перебьюсь, а вечером, пойду снова. Или в 4 ч. утра уже. Страшно выходить, света нет, темно. Рядом с нашим домом на углу появился неразорвавшийся снаряд. Можно наступить в потемках на что угодно. Ну, вот. А по местному телевидению уверяют, что хлеба выпекают столько в Сухуме, сколько до войны. А население разъехалось, так где же этот выпекаемый хлеб? Неужто, весь съедают гвардейцы и их семьи? А говорят, армии почти не осталось, лишь местные, мол, тут, а другие все уехали. Не похоже.

Болит голова и бессонница. Это - высокое давление. И такая вот жизнь! Это прозябание, а не жизнь. Света опять нет. Вернулась без хлеба, продрогшая, а чаю горячего выпить невозможно – нет огня.

Проспала я до 3-х часов дня измученная бессонной ночью и бесполезным стоянием за хлебом. А света так и не дали. А что-то горячее надо съест. Пришлось разжечь снова буржуйку, благо хвороста было еще немного. Подогрела суп.

Сделала омлет из яичного порошка – на это дров много не нужно. Сколько может жить человек **без всего:без огня, без воды, без хлеба, без света и вообще без сносной еды?** Надоело это писать. Но опускаются руки. А тут еще нездоровье. Чем наше положение лучше беженцев? Только тем, что крыша, слава Богу, над головой пока цела. И то не у всех. Сегодня, правда, не стреляют, как договаривались стороны. Надолго ли? Сейчас у меня проблема №1 – как достать хлеба. Есть сухари, но что сухари с моими крошащимися больными зубами. Всё это злит, выводит из себя и хочется просто лечь и умереть. Зато политикам хорошо – таких проблем у них просто нет. А наши они решить не

могут. Тогда зачем нам они, эти такие политики? Девять месяцев нечеловеческой жизни! Дай-то Бог, чтобы хуже не было, но все же. И погода никак не установится – день жарко, три дня холодно, хотя видела уже вечером и летающего светлячка – предвестника лета. Как бы мы снова не ушли в зиму такой же жизнью, как сейчас. А если бы я жила лишь на пенсию, то жила бы **и без денег**. Моя жалкая пенсия 2.300 р. – это курам на смех при таких ценах. В России от 5 до 12 тыс. получают и то недовольны. Они удивляются как мы тут существуем вообще.

21 мая 1993 года

Вчера я простояла – просидела у хлебозавода с 5 до 9 ч. вечера, но хлеба так и не взяла. Хлеба нет, он лишь для гвардейцев и их семей. Из очереди сумели взять лишь несколько человек. Люди озверели, потеряли лицо, нас придавили всей силой со всех сторон, так, что трещала грудная клетка. Я вырвалась еле-еле из этой мерзкой давки озверевших людей и ушла домой. И еще страшно болела голова. Я решила ночью встать и пойти снова в 4 ч. утра, надеясь, что будет мало людей. И встала, и пошла, позвав соседку, чтобы не было так страшно в потемках (ведь света все нет). Как бы не так! Ничего нам не дали. Опять караулили, пока испечется хлеб, гвардейцы, забирали потом весь хлеб. И утром они, и вечером они. Никак хлебом не насытятся. Населению же – ничего. И это называется, что армия защищает (от кого?) горожан, сухумцев, моря их в то же время **голодом**. Да не людей они защищают, а лишь одну землю без людей. Свою, так называемую, целостность. Люди не нужны, живущие на ней. Очереди, эта масса терпеливо ждущих хлеба людей, их раздражает. Они кричат на людей грубо, обращаясь как к животным, что **хлеб только для гвардейцев**… А стоят старики с палками, с костылями, многим по 80 и 70 лет, мамы с грудными младенцами. И непонятно правительству Сухума, что это только обрадовало бы и дало пищу для информации гудаутским властям. Как бы они возрадовались, видя такое обращение с народом Сухума. И опять я ушла домой, снова разделась и легла, хотя начинало светать. У меня просто раскалывается голова. Это – высокое давление. Выживу ли я, если будет продолжаться такая жизнь и дальше? У правительства, наверно, расчет, что не выживут старики и пожилые люди, не выдержат такой жизни. У меня есть пока сухари, немного муки кукурузной, чуть-чуть – пшеничной, но опять-таки огня же нет. На чем испечь это? А сухари размачивать в сырой воде? Кипятка ведь нет. Я и так боюсь заболеть инфекцией **без воды**. Руки у меня жёлтые какие-

то. А если у меня желтуха, гепатит? Кляну всех, - и тех, и этих, отнявших у нас сносную человеческую жизнь. Все мытарства напрасны… Только мы тут умрем от тягот. Хоть бы уехали военные, может хлеба нам больше достанется. Хлебозавод №2 не работает вообще. Уедут военные, какие? А те, что останутся, местные? Они же тоже будут привилегированным классом со своими родными в городе. Мы – самый низший слой после военных, мафиози и номенклатуры. Кому до нас дело?

Вернется Левик, чем его кормить? Одной зеленью, вермишелью? Без хлеба!?

Разлеживаться некогда. Надо идти за водой, за хворостом и щепками. Ничего уже нет – всё давно люди подобрали. Зимой все ветки под снегом, сейчас – под травой. С окончанием зимы ушла проблема холода, а все другие остались: вода, дрова, свет, хлеб, еда… Ничего с зимы к лучшему не изменилось.

30 мая 1993 года

Давно не писала. И не хочется уже писать. Одно утешение – перемирие, и город не обстреливается и не бомбят. В остальном все тяготы остались. Жизнь тяжелейшая, впроголодь, если не голод. Полнейший беспредел в ценах и в отношении продуктов. Нас, по сути, завалили гуманитарной, считай, бесплатной помощью. Но мы ее не видим не только бесплатно, но и по госценам. Царствует черный рынок – вся помощь наша там и по ценам черного рынка. Процветает мохровая спекуляция, перекупка этой гуманитарной помощи. По-прежнему перебои со светом, нет огня и питьевой воды. Хлеба тоже нет. И муки – тоже. Сегодня достала на рынке кукурузу по 150 р. за кг и страшно рада. Её продают по 180 и 200 р. за кг. Это, чтобы как-то протянуть, не умереть от голода. На хлеб нет надежды. Сейчас появилась зеленая алыча. Варю асыдзбал с мамалыгой и к ней омлет из яичного порошка. Это сейчас и спасает. Но и яичный порошок уже исчез из продажи. А он по 1.200 р. за кг. Наверно, теперь цена уже поднимется еще. Цены растут не по дням, а по часам. Беспредел! И это когда картофель на Брянщине на рынке аж по 20 р. за кг. У нас он по 600 р. за кг. Молодой – за 800-1.000 рублей. А пенсия у людей 2.300 р. А в газете «Демократическая Абхазия» заголовок речи Шеварднадзе ко Дню независимости Грузии: **«Грузия вступает в 21-й век, как материально и духовно возрожденная, счастливая страна».** Не больше, не меньше. А мы и не знали этого! О голоде и полуголоде тысяч людей – ни слова. Нужна ли такая свобода, добытая на

человеческих костях? Сейчас я покупаю эту газету, т.к. она печатает с продолжением статью профессора Л. Дадиани «О грузино-абхазском конфликте». Очень интересный анализ, при этом он старается, насколько возможно, быть объективным. Почему я так думаю? Да потому что, предваряя статью, редакция газеты пишет, что некоторые размышления профессора являются спорными. Это, значит, когда он в невыгодном свете выставляет грузинскую сторону, т.е. стремится к объективности. Если не добиваться объективности, никогда ни до чего обеим сторонам не договориться. Это будет разговор глухонемых. Но даже глухонемые умеют договариваться и объясняться.

31 мая 1993 года

Началось выяснение отношений между однофамильцами между грузинами (мегрелами) и абхазцами. В самом деле, всё так смешалось, как в доме Оболонских из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Кварацхелия – грузин воюет с Кварацхелия – абхазцем, Тапагуа – грузин с Тапагуа – абхазцем, Чкадуа – грузин с Чкадуа – абхазцем и т.д. Все смешалось и сплелось, не разъединить.

Сегодня встала в 3 ч. ночи и потащилась к хлебозаводу за хлебом. В потёмках (свет ночью опять погас), под дождем. Сняла засов с парадной двери. У бокового окошечка, где обычно дают хлеб военным, стояло трое русских граждан, брали хлеб. И мне досталось, о чудо! Взяла 4 батона, еще горячих, прямо из печи, обжигая руки (сумку не взяла), еле донесла домой. Слава Господу, это он услышал мои молитвы! Опять закрыла подъезд на засов, разделась и легла досыпать. Но уже не спалось. Господи, когда кончится такая жизнь? Если это можно жизнью назвать.

Боюсь, что на запах моего ароматного хлеба прибежит живущая со мной в квартире мышь. Уничтожила две, еще осталось. Мышей полон дом – бегают у всех. Крысы давно исчезли из-за отсутствия еды, тогда не было мышей, т.к. они боялись крыс. Теперь мышам раздолье. Уж они-то пролезут в любую дырку и найдут что съесть в любой квартире. Устала я и с ними бороться. Купила отраву за 40 р. на рынке. Да и отрава ли это? Надувают нас все. А мышь всё бегает. Мышеловки стоят баснословно дорого, чуть ли не тысячу рублей.

С каким наслаждением утром выпила я чай. Отрезав свежую, пахнущую хлебным духом, горбушку от батона. С турецким маргарином. Господи, как в сущности нам мало надо, и даже этого власть предержащие дать нам не могут. А я провела бессонную ночь из-за этого хлеба, боясь проспать и не встать в три часа ночи.

3 июня 1993 года

Мне так тяжко, что не могу не сесть за дневник. Скоро год, как идет эта война. Вчера по телевидению объявили, что хрупкое перемирие кончилось. А в Очамчирском районе его и не было. Неужели опять будут обстреливать и бомбить Сухум?

Проснулась я в 7 часов утра от спазмов в груди – это сердце. Приняла лекарства и под их действием уснула и проспала до 11 ч. утра. Удручает и бессердечие, невнимание соседей. В нашем подъезде приблудные собаки (аж две) пользуются большим вниманием и сочувствием чем я. И это несмотря на то, что я лезу к людям для общения сама, пока лезу, благосклонно принимают и терпят. Когда, обидевшись, перестаю лезть, даже не поинтересуются, куда же я делась, что со мной. Никто никогда не заходит. **Никогда!** А сами общаются между собой. Не все, правда. Я не могу понять причины такой недоброты. Все время молю Бога: «Пошли мне добрых людей!». Но откуда им у нас тут в доме теперь взяться, если их нет.

Обо мне вспоминают лишь тогда, когда после долгого перерыва идет на **первых** этажах вода, а поскольку я живу на первом, все бегают ко мне. Да и я сама по доброте своей их наивно приглашаю за водой.

Все эти люди, в основном **русские**.

Пусть не ходят ко мне в таком случае и за водой тоже. А так хочется поделиться информацией, новостями, поговорить вообще. Нельзя же молчать целыми днями в своей квартире. Страшное одиночество и никому ненужность… Страшно, когда кругом одна неинтеллигентная среда. Ни одного понимающего, интеллигентного человека нет в моем окружении. И на работе тоже не с кем говорить. Вот так, чтобы сесть друг против друга и спокойно поговорить. Хотя бы и за чашкой пустого чая.

Вчера весь день была занята водой, собиранием палок впрок. Ходила к роднику аж в Ачадара. Там пустота и тишина. Днем по ул. Эшба оттуда шли мужчины с лопатами на плечах. Все время шли. Или огороды копали? Маловероятно! Скорее всего рыли окопы и укрепления. Пользуясь затишьем. Потом проехало несколько открытых грузовых машин. На одной была роскошная импортная мебель, (конечно, украденная в абхазской квартире), в двух других – одни стулья, много стульев, мягкие. Все вывозят и вывозят. Если в августе грабили из-за радиоаппаратуры и тряпок, то теперь берут все подчистую, не оставляя **ничего!** И все еще говорят при этом о примирении. Странная логика! По телевидению ничего утешительного. Гуманитарная акция из Сочи тоже на ладан дышит. Не хочет грузинская сторона этого. Для

Сухума, да, согласна принять, потому что себе ее заберет, эту гуманитарную помощь, в Ткварчели – нет. Они говорят, что там вся эта помощь идет не населению, а абхазским боевикам и их семьям. Можно подумать, что в Сухуме иначе и будто мы не видим, что вся эта помощь успешно реализуется на черном рынке в Сухуме **с ведома властей** по баснословным ценам, а не идет к бедным по прямому назначению.

Вчера по телевидению правительство Грузии сделало интересное заявление: свыше 85 % населения Грузии живет за чертой бедности (как это они решились сказать это прямо?) по вине той же России, которая увязывает политические отношения с экономическими. Вот так-то! Опять Россия виновата! Держаться от неё хотят подальше, но при этом, чтобы она нас кормила. Глава государства Грузии поехал за помощью в Казахстан. Вот так и будем ходить с протянутой рукой ко всем бывшим республикам. Что хотели, то и получили: «свободное» государство. А от чего «свободные?». От возможности пойти в магазин и свободно, без давки, купить батон хлеба?

4 июня 1993 года

Света опять нет. Как погас вчера в седьмом часу вечера, так больше и не дали. Хлеб утром давали совсем немножко. Потом окно закрыли. Я не ходила за ним, а с утра пошла в Ачадара за родниковой водой, хворостом; потом я присмотрела там несколько пустых винных бутылок, их принимают по 5 р. за шт. дешево, но и это деньги. Нашла 6 бутылок. На обратном пути срезала букет розочек у дороги. Так и шла с сумками: на дне сумки хворост, бутылки, а сверху – розы; в другой руке – вода в двух баллонах из родника. Несмотря ни на что, тяга к цветам, к красоте. Бедные мы, бедные! Сколько ни пытались правители, не вытравили в нас лучшие человеческие чувства. Будь проклята эта номенклатура!

Слышала, что готовят наступление на Гудаута. Что-то непохоже. Военных возле нас очень мало, многие уехали, остались лишь местные. А в Ачадара вообще мёртвая зона – никого. Наверно, дежурят в окопах у Гумисты…

Опять ночью стали стрелять. Слышала сквозь сон. Мы так отвыкли за время перемирия от стрельбы пушек, что теперь придется снова привыкать. Останусь ли я жива? Неужели будут снова бомбить и обстреливать город? Грузины меня пока не убили, а убить могут абхазцы же своими снарядами и бомбами. Совсем будет хорошо!

Абхазия сейчас похожа на слоёный пирог. В **Гальском районе** контролируют грузины, в **Очамчирском – идёт** война и

контроль над селами меняется, **Ткварчели** – в осаде и блокаде – внутри там контролируют абхазцы, **Сухум** – в руках грузинской стороны целиком, **Сухумский** район наполовину контролируют абхазцы за р. Гумиста, и половину, по эту сторону р. Гумиста – грузины, **Гудаутский район с Новым Афоном и г. Гагра** - в руках абхазцев. Вот такой вот послойный «пирог»! А как его разрезать? Но Сухум они не сдадут – костьми лягут. Неужели гудаутцам это непонятно?

7 июня 1993 года

Пошел долгожданный дождь, и мы опять набрали дождевую воду для своих нужд. Краны наши всё сухи. Вчера было мне очень горько и обидно. Во двор приехала цистерна с питьевой водой. Я не видела, т.к. мои окна выходят на противоположную от нашего двора сторону. Все соседи дома и подъезда стали бегать по нескольку раз и набирать. А я лишь случайно об этом узнала, высунувшись на минуту на площадку. И это мои соседи, берущие у меня постоянно на первом этаже воду, когда она изредка появляется. Я не могла не упрекнуть их. Не позвали меня, не сказали! И им не стыдно! Больше к себе никого за водой не пущу.

Чураются меня. Абхазец Хашба, но и они с женой, кажется, боятся и не хотят, чтобы я к ним заходила. Она – русская, кажется интеллигентной, но только кажется. А он простой абхазец, из бывшей обслуги обкома, водитель автомашины секретаря. Особенно с ним не побеседуешь. Боится, осторожничает и вряд ли все понимает, как надо. Надо мне, увы, так и сидеть дома одной. Говорить лишь с телевизором.

Начались опять сильные обстрелы. Недалеко от нас разрывались снаряды. Стало снова очень опасно. И все же я встала в 4 ч. утра и пошла прямо к заводу, взяла хлеб, вернулась и легла досыпать. Темно еще было, но тихо.

По телевидению передали, снова обстреляли и вертолет, летящий в Ткварчели с гуманитарной помощью. К счастью, не сбит. Кто стрелял? Загадка! Во всяком случае, абхазцы заинтересованы в доставке этой помощи, а грузины – нет. Они сообщили, что по пути к этому вертолету почему-то присоединились еще два. А они подозревают, что они везли оружие в Ткварчели. Так что стрелять по вертолету могли и те, и эти даже лишь с провокационной целью, чтобы потом обвинить друг друга в сбитии российского вертолета. Все мы стали политиками и дипломатами, разбирающимися в хитросплетении козней и политических страстях. Доставка помощи приостановлена. Грузинская сторона предложила всё везти морем в порт Сухума, объясняя, что так безопаснее и что затем из

Сухума она сама все перевезет в Ткварчели. Ой, ли!? Перевезет?! А не уйдет ли налево всё это или часть этой помощи? Попробуй, доверься. Всё это хитросплетения, чтобы вертолеты не летали сами в Ткварчели.

Очень болит голова!

К вечеру, обстановка всё обостряется. Опять заговорили пушки. По телевидению плохие новости о нас. Я очень боюсь за Гудаута. О чем они там думают? Стоит ли допускать вторжение туда грузинских войск? Это же будет разгром всего района. Неужели нет выхода из этого?

А по ночам, в июне, уже залетали светлячки. Они сверкают в ночи под залпы пушек. Что за жизнь?! Разве нам до красоты природы? Что будет завтра и в скором времени? Так страшно.

9 июня 1993 года

Я поднялась в 3 ч. ночи и опять вышла к «Колосу» за левым хлебом. Там был полный мрак. Ничего не пекли – нет муки. А её попросту припрятали до 15 числа, когда, как ходят слухи, хлеб будет стоить, кто говорит – 70 р., а кто – все 100 р. Будет ли компенсация и покроет она расходы на хлеб? Знает лишь Бог. Деньги у нас останутся лишь на хлеб. Без воды, так как ее у нас нет. Не на хлеб и воду, а лишь на хлеб. И то не хватит. Да и будет ли он вообще. Я питаюсь, как кролик, одной лишь зеленью, благо ее сейчас в июне много. На завтрак, на обед, на ужин – одна зелень. Полезно, конечно, но не истощается ли организм и не грядет ли слабость и отеки? Уже и овощей у нас нет. Ничего нет! Сосед купил коровье вымя – 100 р. за кг. А мясо стоит больше 2.000 р. Ура-а-а! Да здравствует голодная, но свободная Грузия! Свободная от кого и от чего? От еды, единственного средства выживания? Шла через пустой рынок вчера (все опять из-за обстрелов спрятались и торгуют внизу крытого рынка), нашла на земле небольшую картофелину, принесла домой, сварила и сделала салат. Опять-таки с зеленью. Как все это назвать? За чертой бедности я живу или на грани выживания? И кто в этом повинен, когда я 40 лет исправно трудилась и все лучшие годы отдала, кому? Той же коммунистической номенклатуре? И тогда я была на пайке, а теперь и этого пайка нет. Ответьте мне уважаемые политики. Все равно какой национальности? Русские, абхазские, грузинские… Куда вы нас завели? Да еще и стреляете в нас при этом, когда мы голодны. И не то что митинги, а и соседям выразить недовольство опасно – панические настроения. Не дай Бог, схватят и поволокут в военную комендатуру и исчезнешь без следа за инакомыслие, как уже, бывает, исчезают люди в Сухуме. Да еще я к тому же абхазка – сиди, молчи и не рыпайся. Да,

русские уезжают, хотя и немного. Но не из-за обстрелов города, а из-за голода, отсутствия хлеба и любой еды. Да, нам, русскоязычным, хуже живется чем высшей расе рядом с нами.

Похоже, что и овощи летом будут нам не по карману. Разве может пенсионер платить по 1.000 руб. за 1 кг. картошки и 500 р. за 1 кг. капусты?

Так сильно шарахнуло совсем близко. Пришла с пенсией почтальон и сказала, что в районе кондитерской фабрики и Республиканской больницы разорвался снаряд. Убило ли кого, забыла спросить. А я утром выходила туда, искала там еду, в универсаме. Вот так опасно: тихо, тихо вроде и вдруг неожиданно бабахнет и начинается обстрел. Но и дома сидеть все время невозможно: поиски воды, дров, еды и т.д. Домой же никто этого не принесет.

12 июня 1993 года

После приезда министра иностранных дел Козырева А. из России обстрелы Сухума не прекратились. Грузины рушат Новый Афон и его исторические памятники, абхазы – Сухум… А ведь глупость ужасная, ведь это наши, родные, общие города. Мужчины те и эти столкнулись лбами, лезут стенка на стенку и не понимают что творят со своим же родным краем.

Вчера я собралась в Ачадара к роднику за водой, но в 3 ч. дня начался сильный обстрел из-за Гумисты – я не пошла. Пошла сегодня с утра, пока тихо. Потом может начаться обстрел, а Ачадара – это прифронтовая полоса. Село будто вымерло, обезлюдело, дома стоят целые, но как неживые. Набрала в сумку и палок эвкалиптных для печки. Запасаюсь на зиму. Возможно, мы опять уйдем под зиму с этой войной. Переживем ли вторую зиму? Что думают политики? Стало голодно. Хлеба нет, так как нет муки, а мужики из Ачадара тащат на тачках муку откуда-то: им всё есть. Кончилась в городе гуманитарная помощь. Все продал и сожрал чёрный рынок. Лишь крохи вроде 2 кг. муки и еще чего-то мизерного попали по назначению – к нуждающимся. Сейчас 12ч. дня и вот появились уже автоматные очереди.

Опять Сухум ждет гуманитарной помощи, а больше всего ее ждут куркули и спекулянты черного рынка, набивающие свои карманы в это тяжкое для нас время, миллионами. «Кому война, а кому-мать родна!» Конечно, есть немало заинтересованных в этой войне. Кому-то она выгодна, дает разбогатеть.

Занялась сбором и сушкой лекарственных трав: подорожника, мать – и - мачехи, листьев ежевики, мяты и других. Если уйдем в зиму, чаи из лекарственных трав могут поддержать слабеющие от

голодной жизни силы организма. Хворост я складываю под лестницей в подъезде.

Активизировались мыши. Я их травлю, они дохнут, но появляются снова. Или дырка где-то из квартиры в подвал, или они размножились у меня. Всё пачкают, страшно неприятно. Слава Богу что пока крыса не появилась. Весь букет спутников и последствия войны: голод, холод, безводье, нашествие грызунов… Не хватает какой-либо эпидемии. И она может появиться без питьевой воды.

Дограбливание квартир, домов продолжается. Проехал мимо меня виллис с большим диваном на его борту – прицепе.

Нашла в полу в кухне дырку, откуда лезут мыши. Заделать ее мне не просто.

14 июня 1993 года

Примерно около двенадцати ночи начался сильный обстрел нашего района из тяжелых орудий. Успела «Итоги» по телевидению послушать, где было сказано о недовольстве абхазов сепаратными переговорами России с Грузией за их спиной. Один снаряд попал в дом напротив где живет Валя Т. В квартиру на 5-ом этаже (Авидзба), через крышу. Это же рядом с нами! У меня вылетели в комнате два остававшихся до сих пор целыми стекла в окне. Они очень большие. В кухне, слава Богу, нет. Хорошо, что лето. В комнате теперь нет стекол. Занавесила байковым одеялом на ночь. Теперь надо искать пленку. Стекол вообще нет да и стоит ли вставлять, пока не окончена война. Я и соседи русские сидели под лестницей в подвале, пока не стихло. Ну а что будет ночью? Опять? Невдалеке от нас горел огромным пламенем чей-то частный дом. Утром пошла за водой к колодцу. Там очередь. Колодец вычерпали – видно дно. Все же принесла домой немного пресной очень мутной воды. А в Ачадара, к роднику, боюсь идти. Что же дальше?

Надо убрать битые стекла под окном на тротуаре. Почти в каждой квартире люди давно лишились стекол. От каждого стука за окном я вообще вздрагиваю.

15 июня 1993 года

С утра я пошла в магазин за полиэтиленовой пленкой для своих окон, у которых вышибло стекла взрывной волной. Купила 3 м. за 90 р. по 30 р. з 1 м. Натянуть ее мне одной тоже непросто. А помочь некому. Позавтракала лишь в 2 ч. дня и ушла к роднику за водой в Ачадара. Сейчас тихо, обстрелы прекратились по договоренности из-за доставки морем гуманитарной помощи. У

родника была большая очередь за водой. Пока ждала, собрала хворост. За р. Гумиста хорошо просматривалась та, абхазская, сторона. Может, они в бинокль и нас видят. Сидела я на ящике и с тоской смотрела на ту сторону: так хочется отсюда туда. Потом там появился густой дым в одном месте. Будто что-то загорело. Образовалась дымовая завеса, может это сделано специально. А гвардейцы здешние все шли и шли к реке, к своей позиции на дежурство. Подходили к роднику, пили воду. Глядела я на этих мальчишек всё же с жалостью. Не хочу я и их гибели тоже. Оболваненные, одурманенные политиками, которые вывели абхазов на той стороне какими-то нелюдями. В 9-ом часу вечера погас свет, «Новости» послушать не удалось. Света больше не дали, и я легла спать. А вот уснуть никак не могу. Это – давление. Думы обуревают. Хоть бы скорей уж рассвело. Хлеба нет совсем. Голод маячит. Овощи на рынке продают по баснословным ценам. Никакой пенсии и зарплаты не хватит. Очень страшит голод. Русские (мало кто все же) уезжают не из-за обстрелов города, а по причине маячащего впереди голода.

Картофель – 1.000 р. за кг, капуста, горох, огурцы – по 500 р. за кг, мука кукурузная – 250 р. за кг. Невероятно! И все молчат. Власти звука не подают по этому поводу. Придет скоро гуманитарная помощь, но и ее нам будут продавать на черном рынке по спекулятивным ценам Уже второй час ночи, не сплю, ворочаюсь в постели думаю.

16 июня 1993 года

Сегодня уехали соседи из подъезда – Полимоновы. В Россию, насовсем. Бросив квартиру и почти все вещи, т.к. брать разрешили всего два места. Сначала пароходом в Сочи, а потом – на Урал. Там родня, их ждут. Какие счастливые! Будь у меня семья, где-то взрослые дети, я бы тоже убежала отсюда. Проклятая Богом страна!

Итак, идет гуманитарная помощь, а вывезут беженцев. Бегут, в основном, от голода и несносной жизни. Такая вот новая власть! По телевидению передали, в Западной Грузии волнения оттого, что нет хлеба. А мы так живем давным-давно – и ничего. Никому не было до этого дела.

По местному телевидению захлебываются от возмущения обстрелами Сухума: ах, этот Ардзинба и его клика – разрушители родного города. Конечно, нехорошо разрушать город. Но он был разрушен и сожжен еще до этих обстрелов, «защитниками» города. Сожжены дотла здания АбНИИ и Госархива Абхазии, сожжена красавица гостиница «Рица», кинотеатр «Апсны», сожжен

и разрушен ж.д. вокзал… И многое еще другое, менее известное. Почему тогда никто не возмущался в прессе и по телевидению местному? А ведь будто Мамай прошелся по Сухуму, будто мстили кому-то за что-то, уничтожая Сухум. А теперь, ах, как нехорошо, как мерзко обстрелами разрушать город! Плохо было с городом и до обстрелов, плохо и с началом их. Бедный многострадальный ни в чем не повинный Сухум и большая часть его невиновных граждан.

По дороге к роднику в Ачадара, где был указатель с названием «Сухуми» сбита табличка на абхазском языке «Акуа». Висит лишь на грузинском и на русском языке. «Работа» дежуривших там же у вырытого блиндажа гвардейцев. Месть, месть и месть… А она до хорошего не доводит. «Рой яму другому по своему росту», - гласит японская пословица.

Зашла в магазин на кондитерской фабрике. Выбор жалок и прежний. А вот цены снова взмыли до потолка. Недели две назад я взяла там комбижир по 740 р. за кг. Сегодня он уже стоит 1.500 р. Фундук я брала там же по 160 р., за кг. – сегодня он уже 500 р. Аджика от 30 и 60 р. взмыла баночка за 100 р. Что это? Рыночная экономика? А всё это из старых, довоенных, запасов. Сейчас никто ничего не производит. А кто и до каких пор будет нас питать гуманитарной помощью? От России хотят держаться подальше, чтобы она ничего не диктовала и в то же время хотят, чтобы она их, нас кормила. «Голова – там, ноги – тут». Так, что ли? И какая глупая страна пойдет на такие условия – кормить задаром. А предложить нам сейчас никому нечего. Плевать им на наши субтропические культуры, когда Россия может их получить и из-за рубежа в обмен на газ, нефть, и лучшего качества. У нас же все здесь далеко не мирового стандарта. Ну, пришлет кто-то пшеницу (Россия, Казахстан), а мы, в Абхазии, увидим ее с такой вот властью и заботой о людях? Ах, 2 кг. пшеничной муки, гуманитарной помощи! Еда на одну неделю и того меньше, где семья. А вот по спискам, как до войны, распределять продукты не хотят. Выгоднее передать черному рынку и вырученные деньги положить в карман. Что хотело грузинское насление, то во всей красе и получило – свободную республику. Свободную от еды!

23 июня 1993 года

У меня, увы, кончились тетради для дневника. Да и писать надоело, каждый день одно и то же: жизнь в поисках воды, дров, еды, хлеба… Обстрелы, отсутствие света, огня…

Пришла гуманитарная помощь, и немного по магазинам продали рис, кукурузную муку и манную крупу. По коммерческим, очень высоким ценам: рис 600 р., мука желтая

кукурузная (уже, бедная, прокисшая и вся мокрая) – по 350 р. за кг и манка по 400 р. И это **гуманитарная** помощь. Больше ничего в магазинах не давали. Всего один день-то продавали – и всё. Надо полагать, что вскоре на черном рынке всё это и еще другое, утаенное от нас, появится по еще более высоким, «свободным», ценам. Такая вот вообще «свобода»! Это сладкое для многих слово! И еще: люди из коммунальных домов вскопали газоны, прилегающие к домам участки, огородили как-то кто чем мог и развели шикарные огороды. Уже цветут во всю картофель, помидоры, огурцы… Приятно пройтись и полюбоваться просто хоть. У меня и такого подспорья нет: мой палисадник затенен выросшими на нем плодовыми деревьями. В основном алычей. Теперь не срубить – плодоносят. Так вот. Ходит часовой и наблюдает за этими огородами: гвардейцы пригрозили хозяев этих импровизированных огородов, что если хоть кто-то выкопает себе из своего же огорода куст картошки, будет отвечать. Так смешно и грустно! И это, когда люди на грани голода. Их же будут обирать защитники города, призванные охранять население. От кого? От желающих вернуться в Сухум абхазцев? Исконных хозяев города? Кому нужны тогда эти огороды, если они выращиваются для таких вот «защитников»?

Утром, в 5 ч. начался сильный обстрел. Я уж думала, началось наступление абхазцев, обещанное по телевидению Надарейшвили 23 июня, в момент пребывания Шеварднадзе в Бельгии, кажется.

Я вскочила, еда проснувшись, и накинув халат на ночную рубашку, взяла складной стульчик, убежала в подвал, накрыв телевизор диванными подушками. Какой наив! Спасут ли подушки? Сидела в подвале одна. «Храбрые» соседи остались в квартирах. Но в 2-х комнатных квартирах легче спрятаться от осколков, там есть глубокие передние и несколько стен. У меня слишком всё открыто. Потом всё стихло, и я вернулась в комнату. Сейчас 5 ч. вечера, но весь день тихо. Тишина не обольщает, все может снова начаться в любую минуту. Дали свет, а его постоянно то ли отключают, то ли рвутся от обстрелов провода.

Сушила на солнце свои скудные запасы: манную крупу, макароны, кукурузную муку. Хлеба нам все не дают. Сделала пышки-ассорти из разных круп. Сколько так продержимся? Коммерческие цены на продукты гуманитарной помощи местные власти по телевидению Абхазии объяснили тем, что надо покрыть издержки доставки ее. Какие такие издержки понесли городские власти – я не пойму. Все издержки лежат лишь на России: цены на продукты, доставка их сюда транспортом… В чей карман в Сухуме перекочуют эти «издержки»? Хорошо, если в городскую

казну. И все издержки за счет голодающих мирных горожан Сухума. Какая же это гуманитарная помощь с такими ценами да и то дошли до людей лишь крохи. Не исключаю, что номенклатурным «товарищам – господам» ее доставили на дом, в фабричной упаковке и **бесплатно**. Ничего, господа, не изменилось, хотя вы и свергли ненавистную Советскую власть и коммунистов. Так какое же общество мы строим? И для кого? Издержки одни – доставка продуктов со склада в магазины транспортом. Но доставили-то крохи. Основное осталось на складе и еще, Бог знает, куда ушло. Страшно жить, никому не веря на света.

24 июня 1993 года

Ходила с утра в город за гуманитарной помощью. Как бы не так! Нет уже ничего в магазинах. Или рис мокрый, черный за 600 р. за кг. Никто не берет. Лучший, наверно, ушел налево. Столько военных, добровольцев и их семей – их же всех кормить надо. Кому нужны гражданские? Странно видеть, как идет доброволец в цивильной, гражданской одежде: в одной руке автомат, в другой – сумка с продуктами. Призваны защищать население, обреченное на голод? Или лишь землю? Без людей! Ходить в город опасно – обстрелы. Чьи? Остается лишь гадать. Что касается траектории снарядов, то чепуха это: и те, и другие пушки стоят одинаково на Гумисте. Лишь одни с этой стороны, а другие – с той. Повернул – и траектория одна – лететь на Сухум. Новый Афон обстреливают отсюда. Приняты адекватные меры, как обещал Надарешивили. Порой мне кажется, что это война между ним и Вл. Ардзинба. Столько ненависти у Тамаза Владимировича к той стороне. Встретились бы уж тогда он с Ардзинба и устроили обычную дуэль, поединок. Так поступали на древней Руси великие полководцы. Армия проигравшего в поединке витязя – предводителя войска повернув, уходила восвояси. И не гибли понапрасну молодые люди. Другие времена – другие нравы!

Хлеба, конечно, населению нет. Город обречен на голод. И, в первую очередь, русскоязычное население. Оттого оно и бежит из Сухума куда глаза глядят. А не от обстрелов.

Всего один день продавали гуманитарную помощь в магазинах. Один день – и все кончилось. По 3 мешка риса и еще какой-то крупы дали всего на магазин. Население почти ничего не приобрело.

25 июня 1993 года

Сказали, что погибло и ранено много пожилых людей,

инвалидов, стоявших в очереди за гуманитарной помощью в центре города от снарядов с той стороны. Выходить опасно. Какая уж тут гуманитарная помощь. Лишь бы ноги унести. За ней же надо подолгу в очереди стоять, а это опасно. Нас ждет голод. Первым от него будет погибать русскоязычное население и мы, абхазцы. Грузины будут умирать последними, если вообще будут умирать. Они как-то выкрутятся или уедут к родственникам в восточную Грузию, благо туда дороги открыты. Тихо, тихо и вдруг начинается неожиданно обстрел. Даже дома опасно, а на улице тем более.

26 июня 1993 года

Вчера убило нашу зав. почтой №15, которая выдавала нам пенсию – толстушку Лию, грузинку (на почте все грузины, кроме почтальонов русских; там, где более всего тяжелая работа и вне денег).

Убило у финского универсама, неподалеку от нас. Говорят, осколком снаряда. Она была одна. Ну, вот. А я по этой дороге часто хожу к роднику в Ачадара и за хворостом. Значит, пока не судьба. А вот Лию, боюсь, Бог наказал. Уж очень она мучила русскоязычных, особенно, пенсионеров, отказывая в выдаче денег, ссылаясь на то, что их нет. А своим знакомым выдавала. И очень ее за это не любили пенсионеры, часто ругаясь с ней.

Я вышла в 7 ч. утра на наш тротуар (там у нас «рынок» и «толчок»), - там и узнала эту потрясающую новость. Купила салат, петрушку, лахану и морковь. Питаюсь, как кролик – зеленью. Огурцы, кабачки и др. овощи – всё по 500-600 р. за кг. Дома стала готовить пюре из зелени с двумя картофелинами и подсолнечным маслом и тут как громыхнуло совсем рядом. Люди с тротуара сразу побежали по домам. Не пойму я этих обстрелов и бомбежек абхазцами. Зачем, с какой целью? Это не вынудит уйти отсюда войска, а мы погибнем только. Надо или брать сразу Сухум, если они от этой затеи не отказываются, или вообще перестать разрушать город и убивать людей. Меня могут убить не грузины, а свои же, своими снарядами. Страшно и опасно выходить не только в город и на рынок в поисках продуктов, но и вообще высунуть нос во двор и на улицу у дома – могут поразить осколки.

Хлеба мы лишены, муки – то же. Брошены на произвол голода. Но даже в 1941 г. людям в городе был гарантирован в день кусок хлеба. Теперь – нет. Строим новое, свободное демократическое, правовое государство на основе рыночной, свободной (когда жрать, извините, нечего) капиталистической экономики. Ура-а-а!!! Да здравствует «свободная» страна!

У моего цветного телевизора жуткое изображение, помехи, цвет исчезает. Все это связываю с такой «хорошей» работой местного телецентра. Даже этого они не могут! Говорят, из-за того, что абхазцы вывели из телецентра Сухума в августе 1992 г. всю хорошую аппаратуру. Надо же как-то объяснить свою беспомощность во всём. Даже если и вывезли, что с того? Сделайте свою, наладьте! Никому мы тут не нужны.

Уехавшие из подъезда соседи Полимоновы бросили во дворе жившую у них серую и больную кошечку, и она бродит в моем палисаднике вся в блохах и одна кожа и кости. Приходится заботиться и о ней: не могу смотреть равнодушно, как она будет гибнуть. Трудно мне ее кормить, ведь я питаюсь одной зеленью. Любит она картофель, а он стоит 800 р. за кг. (старый). Все равно делюсь с ней. Плохо быть сердобольной.

27 июня 1993 года

Сегодня весь день вроде тихо. Может повлияло заявление России за 26 июня?

Мне так нужен стоматолог, а в город из-за обстрелов боюсь идти. Обстрелы начинаются внезапно. И не знаешь, когда они могут возникнуть. Непонятно мне возмущение грузин: любой народ **любой**, если у него отнимут родину и свободу, будет сопротивляться. Любой! Грузины поступили бы точно так же. Не исключение и абхазцы: у них отняли родину и свободу и удивляются их сопротивлению. За 40 лет заселили собой всю Абхазию, приехав из Грузии, а теперь заявляют: нас много, вас мало и вы должны жить по нашим законам и подчиняться нам. Ну, не хотят этого абхазцы, не хотят! Да, война между абхазами и грузинами впервые за все века. Но в прежние столетия тоже **никто так** с абхазами, как в Советское время, не поступал. Оттого и жили мирно эти народы рядом. Не было причин для войны. А сейчас их загнали, как в резервацию, требуют сложить оружие и явиться с повинной всей нации, а не только ее руководителям. Едва ли они этого дождутся. Да и занятую часть Абхазии не сдадут добровольно абхазцы, не откроют добровольно границу на р. Псоу. Все это, увы, можно сделать **лишь силой** и не иначе. Как ни прискорбно, но это так. Похоже, что абхазцы пошли ва-банк. Им уже нечего терять, кроме своих тбилисских цепей, а завоевать они могут лишь свободу и независимость и вернуть себе утерянную родину – часть Абхазии. Одна беда, что силы слишком неравны. На это и ставят руководители Грузии, оттого и злятся на Россию, зная, что определенная часть россиян поддерживает и сочувствует абхазцам. Господи. Когда же конец всему и каким он будет?

Пошла, наконец, впервые за много месяцев тонкой струйкой вода на первых этажах. И то слава Богу!

Приехала наша гвардейка из Зестафони снова. «Наша», так как из нашего подъезда. Теперь мы дверь подъезда на засов снова не запираем – нельзя, они ходят на дежурство на свои позиции. Вот так «повезло» нашему подъезду. А мародеры в любую ночь, глядя на открытую дверь подъезда, могут заявиться. Сегодня она спустилась по лестнице в нарядном черном платье и с автоматом в руках. Мне это кажется нелепым и смешным – наряд цивильный и автомат. Уж лучше бы в брюках военных ходила, как зимой. Сейчас жарко, лето – это и понятно. Облюбовали они эту квартиру Мукба; уезжают, приезжают как к себе домой из Грузии, а Анзор с семьей скитается неизвестно где.

Разорены вдрызг, дотла покинутые абхазцами дома и квартиры – домашние очаги, а грузины почему-то еще удивляются сопротивлению коренных жителей Абхазии – абхазов. Нет у меня ненависти, а есть в душе страшная обида за несправедливость. Но я молчу, молчу. Говорить что-либо бесполезно, тебя не поймут, не выслушают, разговаривать умеют лишь криком, совершенно не способны к спорам нормальным, спокойному диалогу, и мне приходится молчать или делать хорошую мину при плохой игре. Да у меня никто ни разу не спросил даже моего мнения, моей гражданской позиции. А вдруг заводить разговор на эту тему ни с того ни с сего я не желаю. Никого я не переубежу, а врагов лишних наживу. А я тут очень одинока и защитить меня совершенно некому. Никому до меня дела нет. Вот я и доверяю свои обиды и недоумения лишь дневнику. Может настанет время, когда я смогу вслух выразить свои мысли. За инакомыслие еще как может тут попасть, несмотря на «демократический путь» развития Грузии.

3 июля 1993 года

У Дуси Алания – беда. В ночь перед сильным обстрелом (в 2 ч. ночи) к ней заявились 3 гвардейца и стали требовать открыть дверь. Она им не открыла. Тогда они стали ее взламывать, а она убежала на балкон (а живет она на пятом!) этаже и каким-то чудом, не сорвавшись на тротуар, перебралась за перила на балкон 4-го этажа (там в квартире никто не живет), затем – на 3-й к своей знакомой. Чудом уцелела, не упав, а ей уже за 55 лет. Они же забрали всю ее новую посуду (приданное для дочери) и частично по дороге разбили, уронив: хрусталь, столовая посуда, столовые ножи, вилки и т.д. И это, так называемые парни, не бандиты и воры, а бойцы грузинской национальной гвардии, герои, забрались вот так к пожилой, одинокой, голодной

женщине, живущей на сухарях и обобрали ее. Дареджан (моя соседка) на мое замечание, не лучше ли вывести из Сухума танки и пушки и прекратить эту войну, ответила, что «им», «Ардзинба» нельзя доверять. Особенно после Гагра, мол. Ну, а здешним военным и грузинам другим можно, если вот так, с риском разбиться, пожилая женщина спасается, повиснув на балкончиках, бегством от наших «защитников»? Какие алогичные люди! Даже туповатые и недалекие. Дальше своей выгоды и носа не видят ничего. Они считают, что абхазцы, оставшиеся в Сухуме, отлично себя чувствуют и хорошо живут. И это при угрозе голода и постоянного ожидания нападения, ограбления и возможного убийства. И непонятно здешним грузинам, что мы ждем **избавления** от всего этого и что это **вполне естественно**. Они живут лишь под страхом обстрелов, а мы под страхом надвигающегося голода, обстрелов и нападения гвардейцев на наши квартиры. В основном, всех абхазцев ограбили подчистую, но и конца этому все нет. Конечно, я молю Бога послать нам избавление. А это могут сделать лишь абхазцы, прихода которых так боятся грузины. Хорошо нам живется?! Уехал недавно Жора Хашба в Гудаута с больной сестрой. А жена (она русская) привязала веревку к трубам парового отопления, чтобы на случай прихода мародеров спуститься по ней вниз со второго этажа. Это мы-то хорошо живем!?

Ночью от жутких обстрелов туда-сюда дрожали дома. Мы, соседи подъезда, русские, сидели почти всю ночь в подвале. С керосиновой лампой. Света нет, темнота и разрывы снарядов. Тут пушки бьют совсем где-то под боком. Потом по ним из-за Гумисты начинают стрелять, и мы как на мишени. Днем тоже слегка постреливали. Я узнала обнадеживающую новость, что гудаутцы высадили десант где-то в районе Очамчира. Хорошо, если он не уничтожен и удачен. Но боюсь что не так. Они говорят, что убили там 100 чел. Но я им не очень верю, преувеличивая потери противника, они свои преуменьшают.

Другая огорчившая меня новость: готовится подписание Договора Грузии с Россией после приезда Ельцина из Греции. Они говорят, что еще дня три так будут стрелять, потом подпишут с Россией Договор и тогда капут гудаутской группировке.

Неужели Россия, которую просят взять под свое покровительство абхазцы, отдает этот маленький народ на заклание? А тут уповают лишь на это. Так мне горестно, слов нет, от вопиющей несправедливости. Неужели Бог не видит всего этого и не спасет мой народ и меня?

«Хорошо» живут тут сейчас абхазцы, потому что их не убивают в массовом порядке? Хотя единичные случаи и были. А где их масса-то? В каждом коммунальном доме 1-2 человека живет и, в основном, женщины. Да и на них не гнушаются нападать.

Сегодня вечером стелить постель не буду. Вдруг откроется стрельба. Будто и «Катюши» вчера отсюда за Гумисту стреляли. Где они их достали-то, эти «Катюши»?

Приготовила сумку для подвала. Положила в нее документы свои и Левика, лекарства, очки, молитвенник, теплые носки и часы. Чуть что – бежать. Рядом лампа керосиновая и спички. Прилягу на диван одетая. Складная скамеечка для рыболова. Так мы коротали сегодняшнюю ночь. В десятиминутную передышку люди побежали за хлебом к «Колосу». У меня не было денег совсем. Жду в понедельник зарплату. Соседи дали 1 тощий батончик черного хлеба. Долг верну. Вкусный, настоящий черный. Горбушки уже в подвале съела. После передышки – снова стрельба. Мы было ушли из подвала и прилегли. Но пришлось вскочить и снова бежать в подвал. Так и бегали до утра. Стало светать, и стихло. И мы ушли спать.

4 июля 1993 года

Столько волнений и событий! Не спим вторые сутки, сидя по большей части в подвале – такая интенсивная артиллерийская стрельба. На углу нашего дома разорвался снаряд (я была в подвале), вылетели мои оставшиеся в кухне стекла. В комнате пленка на окне пробита мелкими осколками. Хорошо, что меня не было в квартире. Очень у меня опасно – негде укрыться.

Даже в дни наступления в марте этого года так не стреляли – тогда я благополучно просидела в ванной комнате. Теперь опасно и в ванной.

Всплыла всякая нечисть. На нашей площадке, в абхазской квартире, воровская грузинская шайка. Я о них уже писала в дневнике раньше. Ограбили гвардейку и ее мужа, пользуясь их отсутствием. Среди бела дня, – и пригрозили соседям, чтобы молчали. Грабят друг у друга. Могут обчистить и нас, пока мы всю ночь сидим в подвале, прячась от обстрелов. Надо держать ухо востро – боюсь я их. Машина их весь день стоит у подъезда. Грузят ворованное и уезжают. Потом снова приезжают. Что делать?

В квартире у меня опасно от стрельбы, а буду прятаться в подвале – воры обчистят. У них уже небольшая паника и суматоха: «Абхазцы идут!». «Патроны кончаются…» и т.д. Так где же вы, мои соплеменники, жду вас как избавления от всех страхов. Сбили какой-то самолет и радость, хлопанье в ладоши, а через некоторое время: «Вот дураки мы – это сбит грузинский самолет!».

Что происходит, ничего не пойму: наступление не наступление, но что-то серьезное. Остаться бы в живых, Господи! Хоть бы, убегая, они забыли о нас, не расправились с нами от злости и досады. Я сижу без копейки – деньги кончились, а идти в библиотеку за ними страшно. Можно попасть под обстрел и погибнуть в дороге, да и отлучиться опасно – взломают дверь и всё унесут из квартиры. И никто их не остановит – пригрозят. Буду тянуть и есть свои запасы. Может войдут в город за это время абхазцы. Единственное наше избавление оставшихся здесь – абхазцев и даже русскоязычных. Не погибнуть бы от снарядов своих же. Сон не идет, хотя не сплю вторые сутки. Не до сна, когда сильная пальба. Собственно, не по домам стреляют абхазцы, а по пушкам их, которые расставлены кругом возле домов. Бьют по огневым точкам, попадают в наши дворы и дома. Так страшно! Но иначе в Сухум им не войти. Спешу в подвал – боюсь.

Если это воровская шайка попытается меня ограбить, взломав при мне же дверь да еще и убить, чтобы я молчала, (а мне очень не нравится, что они вдруг появились в такое вот время и ловят рыбку в мутной воде, крутятся тут все время, а их давно тут не было), то пусть вернувшиеся сюда абхазцы, мои родственники и друзья знают, что они тесно общались с соседом моего дома, мегрелом из среднего подъезда Гией Эсебуа. И он их всех должен отлично знать. Это чтобы они не ушли от возмездия. Хватит, сколько они тут помучили абхазцев. И меня попытаются ограбить нагло лишь потому, что я – абхазка. У гвардейцев они могут красть сколько угодно. Тут, как говорится вор у вора украл, но довольно грабить ни в чем неповинных людей только лишь за то, что они абхазцы.

Сейчас 5 ч. вечера. Я должна лечь и немного соснуть, так как измучена бессонными ночами. А часа в два ночи, наверно, снова начнется канонада пушек оттуда и отсюда. Их «Град» уже и сейчас периодически грохочет туда. Видимо, там идут какие-то приготовления к баталиям, а эти стараются им помешать. О, Боже, уцелеть бы только. Буду сидеть в подвале и следить за квартирой от нашествия воров. Они сейчас очень пользуются этим, зная, что люди покидают квартиры на время и бегут в

подвалы.

6 июля 1993 года

Такой хороший солнечный теплый и совсем нежаркий день и просто не хочется верить, что ночью придется бегать из квартиры в подвал и обратно из-за сильной пушечной канонады. Ночью я не выдержала и постелила себе на полу в ванной комнате. Ноги не умещались, вылезали за дверь и я лежала скрючившись. Намяла бока, болят колени, поджатые всю ночь к себе. Уснула очень поздно, но зато не слышала никакой пальбы, а соседи бегали в подвал. Конечно от прямого попадания снаряда меня не спасет ванная комната, но от осколков может защитить.

Утром я была вынуждена выйти в город за зарплатой, т.к. осталась совсем без денег, хотя и купить, собственно, нечего – мы на пороге голода. Город в ужасающем состоянии. Удивило то, что танки всю ночь и днем колесят по городу, по улицам и кварталам и беспрестанно стреляют аж в сторону Гумисты и за нее. А потом начинают палить по танкам и оттуда и попадают вовсе не в танки а в дома и людей. Что же это за война? Если фронт у р. Гумиста, то пусть бы туда и отправлялись танки и пушки и палили бы по позициям противника. Город рушится по вине грузин же и с провокационной, похоже, целью вызывают огонь на себя, чтобы противник крушил город и убивал людей. Так и пушки тут возле наших домов стоят и по нас бьют с той стороны. Не в пушки попадают, а в жилые дома и в нас. Странная война!

Увидела бывшую институтскую подругу, грузинку. Здорово их обозлила эта беседа Ардзинба с Карауловым по телевидению. Ненависти их просто нет предела: он и такой сякой, и не политик и т.д. И все это мнение лишь одной стороны – грузинской.

Запугали их Ардзинба и абхазцами политики насмерть. Считают, что придут абхазцы и обязательно всех их убьют. Обязательно! На мое замечание, что это не так, не соглашаются ни в какую. Вот мой с подругой диалог по этому поводу:

Она: Ты слышала по телевидению, что он (Ардзинба) сказал?

Я: Слышала. Он не сказал ничего агрессивного по отношению к грузинскому населению, а лишь, что права они обеспечат всем, кто живет в Абхазии.

Она: Нет, права будут обеспечены абхазам, русским, армянам и другим, но не грузинам.

Я: Значит, лучше наоборот? Тогда какая это демократия?

В ответ молчание – нечего сказать. И снова разговор о привилегиях абхазцев. Господи, но у меня-то какая привилегия: родители по вине государства с моего детства умерщвлены в тюрьме, а у меня самая худшая квартира во всем доме. А

работала, как лошадь, в библиотеке все 30 лет. Всё нажила честным трудом. Приводит пример: вот, Света А. ящиками домой продукты таскала. Знаю я таких. Но это же лишь номенклатура так жила, она есть и у грузинской части населения, а не простой народ, как сыр в масле катался. Тогда скажите, что это война номенклатур и пусть она воюет друг с другом. А она, и та и другая, смылась из республики, а воюют простые парни и те, и другие! Похоже, воюют грузины не за территориальную целостность, а за привилегии для свой, национальной, номенклатуры! И если уж эта моя знакомая учительница и интеллигент ничего не хочет, не может понять, то что говорить о простонародье? На мой взгляд, эти два народа уже никогда в жизни не поймут (и не понимали никогда) друг друга. И вряд ли это поколение теперь сможет жить рядом друг с другом. Очень жаль, но это так. Это разговор на двух совершенно разных языках.

В городе воронки, воронки от снарядов везде, в парках, на улицах; в воронках застрявшие разорвавшиеся снаряды, срезанные снарядами верхушки декоративных насаждений и везде на тротуарах битые стекла хрустят под ногами. Ни одного целого окна. Людей очень мало, все сидят по домам, боятся обстрелов. А если и выходят, то бегут быстро по своим делам, стараясь успеть сделать их до начала обстрела. Так трусцой шла и я, пока не взяла свою зарплату. По дороге набрала хворост для печки. А возле нас на пятачке рыночном купила соусную стручковую фасоль за 1.000 р. за кг. Ужас! Но ведь надо что-то есть. 1 кабачок весом в 1 кг стоит 500(!) рублей. Свободный рынок и свободная республика!

И опять эта подруга, как и другие грузины, сказала мне, что абхазцы, оставшиеся в Сухуме, чувствуют себя преотлично. А вот, как только придут абхазцы из Гудаута, грузин всех поубивают. Жаль, что я забыла рассказать ей о Дусе Алания, бежавшей от врывающихся к ней гвардейцев, по балконам с 5-го на 4-й этаж, а затем – на третий, без ничего, с голыми руками, как цирковой акробат, пожилая женщина. Вот так абхазцы все тут живут хорошо! Это кто как. И если и хорошо внешне, то под постоянной угрозой попасть в беду, с бесконечным страхом за свою жизнь, имущество, квартиру.

Будучи в городе, зашла и к Цице Ампар. У них отобрали телефон за якобы неуплаченную задолженность, но клиент был под другой, чужой фамилией. И это тоже произвол. Вот так «хорошо» живется в Сухуме абхазцам. Будут мстить по мелочам на каждом шагу. Так разве можно будет тогда жить рядом? Наверно, нет.

В эти дни возле нашего дома разорвалось три снаряда. К

счастью, они попали не в дома: один – в землю у угла дома, чуть не угодив в квартиру Хазова на первом этаже, второй – в гараж Васи, телемастера из соседнего дома (машины у него там не было) и третий – прямо на наш двор, где я обычно вешаю для сушки белье. Отчего наш дом был избран местом интенсивного обстрела, не пойму. Да, пушки где-то здесь стоят у гвардейцев. Сосед говорит, что метят в «Колос». Вряд ли, хотя и в него попали снаряды. А что нам «Колос»? Он хлеба нам всё равно не даёт – лишь военных кормит.

И кто сказал, что на первом этаже безопаснее? Как раз на нем и опаснее всего: разорвется снаряд в земле возле дома, а осколки летят в окна.

7 июля 1993 года

Ночь проспала на полу в ванной комнате. Гораздо лучше и удобнее, теплее, чем вчера. Стреляли, но не очень сильно. А утром в 5 ч. усилилась канонада и я, одевшись, спустилась в подвал. Потом утихло, пошла на наш «пятачок» за зеленью и овощами. Люди всё хватают за любую цену, не торгуясь. Картофель мелкий молодой взяла за 800 р. 1 кг. Покружилась еще там и узнала, что в «Колосе» котлы разбиты от снарядов. Ничего, наладят, уже воду везут во двор. Только нам от этого завода – ничего: ни муки, ни хлеба. Всё военным, по знакомству и своим.

Привилегии абхазов им покоя не дают. А что сейчас? Хлеб, как привилегия, у кого? Будто они никогда не имели никаких привилегий. Чтобы решать вопрос о привилегиях, вовсе не обязательно было вводить в Абхазию танки, пушки и боевые вертолеты.

А эти истерические вопли: «Всех их (т.е. абхазцев) надо убить!» – больше похожи на кличи при танце дикарей. А ведь грузинская нация – цивилизованная нация. Такой они ее, во всяком случае, видят и считают. Так как объяснить такую кровожадность, которой гнушается и Господь Бог?

8 июля 1993 года

Уже третью ночь сплю в ванной комнате на полу, скорчившись. Но от прямого попадания снаряда и она не спасет. Я пошла с утра в Новый район к Саре.

Оказалось ночью, в 12 ч. в их дом попал мощный снаряд. Впервые. Дом 9-этажный. Снаряд задел, содрав кусок лестничной площадки, а потом рикошетом пробил на 4-ом этаже чью-то пустующую квартиру. Дыра огромная, а стены дома толстые. И в других квартирах от мощной взрывной волны **вылетели двери**.

Их починяли. Уцелели лишь стальные двери. Дело в том, что во дворе этого дома, прикрываясь им, уже с зимы стоят 5-6 танков, намесивших грязи там по колено. Ночью они получили приказ выйти на позицию и открыть огонь. А они туда не пошли, а выползли из-за дома, растеклись вокруг него и открыли огонь за Гумисту. А оттуда, недолго думая, послали им в ответ снаряд, угодивший не в танки, а в дом. Мне там дали немного досок для огня из-под ящиков от снарядов и от вышибленных дверей. Дома я стала варить свое варево, как открыли огонь с той стороны, опять загремело где-то скрежет железный (упал снаряд) и я побежала в подвал. И не приляжешь в квартире отдохнуть – страшно.

Договоры – пустая надежда. Никаких Договоров абхазцы не хотят знать. Одно и первейшее условие – вывод тяжелой техники и грузинских войск, приехавших сюда из Грузии воевать, из Абхазии. А они добровольно уходить не желают. Значит, так и будет продолжаться дуэль пушек, а мы тут дрожать. Пока не изгонят их насильно.

К вечеру узнала новость удивившую и огорчившую меня. Оказывается зять моих русских соседей – русский парень – воюет против абхазцев с оружием в руках. Это – семья Бандюковых на 3-ем этаже, с которой я всегда была в приятельских отношениях. И вот! Я давно знаю, что они абхазцев не могут терпеть (если не сказать больше), всегда при мне злые иронии, покалывания, я не очень, на это обращала внимание: каждый делает свой выбор сам, и они его сделали; знала, что они поддержали августовское нашествие на абхазов, одобрили, поддерживают и Шеварднадзе, но чтобы эта семья русская и оружие подняла на абхазов, это я и предположить не могла. Вот **таким** русским в Абхазии не место…

А я к этим соседям ходила, вела крамольные по этому времени разговоры, тары-бары-растабары. Воду им у себя позволяла на первом этаже брать. И впрямь как в шутливой поговорке: «Соседи – это скорпионы!» не все, конечно.

Теперь я к ним не пойду никогда и за водой не пущу. И меня они ненавидят, искусно маскируя это. Да, каждый делает свой выбор, это его право. Тут и судить не стоит. Пусть совесть говорит. Не в национальности дело, если они даже и ненавидят абхазов – в справедливости. В ее восстановлении. Да видит сам Господь кто прав!

К этой воровской шайке, что возле меня на площадке, ходит женщина легкого поведения по фамилии Папаскири; так Бандюковы уверены, что она абхазка, а эта семья – мегрельская, она живет в частном доме возле нас, а не абхазская. Всё, что плохое, у Бандюковых связано с абхазцами. Вот такая злобная

русская семья по отношению к нам. Боже, среди кого мы живем? Воры, недруги, бандиты… от кого же ждать избавления и все время бояться. Бандюковы и меня могут выдать военной полиции, как абхазку неблагонадежную. Замкни мои уста, Боже, перед недругами. Дай силу воли.

9 июля 1993 года

Ночью была высадка грузинских войск в Сухумском порту с корабля, и абхазская сторона открыла сильный огонь по морю откуда-то с северной стороны. Я этого не слышала, т.к. улеглась на полу в ванной комнате, закрыв дверь. Соседи рассказали. Весь день идет жестокий бой у Гумисты, не переставая ни на минуту. Все пушки, стоявшие вокруг нас как обычно, переместились туда и потому стреляют не по городу сегодня, а по позициям обеих войск. Соседи-грузины ходят с озабоченными лицами друг к другу, поговорить и обменяться информацией. Я улучила минуту и сходила к колодцу за пресной водой. Сегодня был ливень, и мы набрали дождевой воды. Ночь будет едва ли спокойной опять.

Старшая дочь погибшей кошки Муськи родила котеночка – очень красив. Пришлось поделиться с мамой едой. Хлеба я уже не вижу месяц. Живу на сухарях и лепешках, пока они есть, т.е. остатки муки. Да еще приходится кормить больную кошечку, которую бросили во дворе соседи, уехавшие недавно на Урал. Так жаль и животных, не виноватых ни в чём.

К вечеру стали давать тесто из ржаной муки. Я была уже близко к раздаточному окну, но тесто кончилось. Ушла домой затемно. Сильная пальба из пушек, стоять в очереди долго опасно – снаряд может залететь в «Колос».

Спать в комнате опять невозможно из-за грохота пушек. Сначала я ложусь в комнате, в надежде, что можно будет спать в нормальной позе и условиях, но периодический грохот пушек прямо над ухом заставляет собирать постель и перебираться в ванную комнату.

Если танки, пушки и войска скоро не уйдут, лично я обречена на голод. Люди в очереди за тестом наглые, берут без очереди (я так не умею); один берет сразу 5-10 порций теста, другой – ни одну. Такое вот «умелое» распределение и руководство сухумских властей. Да и есть ли она вообще, власть в городе? Одна забота: оборона, танки, пушки, гвардейцы, а горожане пусть помирают с голоду. Каждый предоставлен сам себе. Война за землю как таковую, но не за людей и не для людей. Для номенклатуры из Тбилиси и Сухума.

А что, интересно, едят сами наши «защитники» - гвардейцы, кроме черного ржаного хлеба? Ума не приложу что еще им могут

дать. Вот лишь бы их накормить, а народ – побоку. Так много людей уехало, город, в сущности, опустел, а хлеба не хватает, потому что много военных. Пока они все здесь хлеба нам не видать. В связи с последним обострением обстановки соседи-грузины стали относиться ко мне прохладнее, будто это я ее обостряю или что-либо от меня зависит. Единственная абхазка во всем доме-то! Какие они всё же нелогичные, несправедливые. Я не хлопаю в ладоши, если сбит грузинский самолет – там же были люди, я не радуюсь местным некрологам по телевидению – мне жалко всех молодых ребят. Обо всем этом не скажешь о моих соседях – грузинах: и хлопают в ладоши, и торжествуют при поражениях противника. Наверно, это естественно, но это не по-христиански, не по-божески, а они считают себя очень набожными. А я вот так не могу - и все. Так у кого к кому ненависть, о которой они кричат? И разговаривать с ними просто, нормально и тихо, по-человечески нельзя – срываются на крик, злятся, истеричны, особенно женщины. Не говорю с ними на тему войны.

10 июля 1993 года

С утра услышала, будто Шеварднадзе изрёк: «Придется выводить войска!». Дай-то Бог! Полагаю, Россия напирает, а не Ардзинба он боится. В самом деле, наверно, весь мир поражается упрямству главы правительства Грузии и нежеланию его вывести войска. Уж если они тем более пришли всего лишь «для охраны в Абхазии железных дорог», как заявляют правители Грузии. Второй Саддам Хусейн? Тот тоже упорствовал, заявлял, что Кувейт то ли 18-я, то ли 19-я провинция Ирака. Да, на всех картах мира Абхазия пока в составе Грузии, но ведь она же **автономная** республика, а значит независимая и самостоятельная **по любой** нашей Конституции.

Долгих десять месяцев и больше абхазцы просят, настаивают, требуют вывести тяжелую технику и войска, и это остается гласом вопиющего в пустыне. И в самом деле, почему мировое сообщество и общественное мнение не возмутится и не потребует их вывести, если вся эта война – причина одна: нахождение здесь пушек, танков, боевиков.

С утра грохочет «Град». Туда, за Гумисту. Видимо мешает там подводить технику, менять расположение войск. Они **всегда** отсюда **первыми** начинают бить за Гумисту. Зачем же горожанам обижаться, когда затем в ответ снаряды летят оттуда на нас, на город. Это же вполне естественно. Значит, туда бить можно, сюда – нельзя?..

Попытаюсь сегодня выйти к «Колосу» и достать тесто, если будут давать.

11 июля 1993 года

Вот и случилось то, что должно случиться – в наш дом попал снаряд. На первый этаж, возле меня, через одно соседское окно. Это было утром. Было тихо, но стала бить здешняя установка «Град» возле нас, и те из-за реки вот так ответили. Раньше мы жили спокойнее. Возле нас пушки не стояли. Они были на кладбище и в других нелюдных местах. А теперь Сухум ощетинился этими пушками. Их стало больше, и они стоят везде возле жилых домов. Всегда начинают палить туда **первыми**, а оттуда бьют по ним, а попадают в наши дома и дворы. Попробуй попади в пушку! Такая вот война! И это неверно, что первые этажи безопаснее. Как раз траектория снаряда такова, чтобы поразить на земле пушку, а не высокое здание. Снаряды летят невысоко и приземляются возле нас. Я уже боюсь в квартире оставаться. У меня как раз северо-западная сторона, опасная при обстреле. Сплю уже неделю на полу ванной комнаты. Но и днем постоянная стрельба. Каждый день могут убить. Когда залетел снаряд, я в кухне разделывала тесто на лепешки, взятое накануне в «Колосе». Такой был грохот и дым, что я решила, что снаряд залетел в комнату мою. Я еще была не одета. Выскочила за дверь в одной ночной рубашке, одна нога – босая, другая – в тапочке, и побежала в таком виде в подвал. У меня сорвало шторы, переломился карниз, в кухне всю золу выдуло из печки на мое тесто, снова порвалась пленка на всех окнах, открылись дверцы всех шкафов. Весь день устанавливала порядок. По счастливой случайности, никто не погиб, хотя квартиры эти не пустуют. Снаряд разорвался в простенке между окнами квартир Гогия и Гвалия и залетел в спальню Гогия. Сын их, спавший там, был в это время в туалете – это его и спасло. У Гвалия тоже ералаш в квартире, а старика их, парализованного и спавшего в спальне, ранило в лицо осколками выбитого стекла. Уцелею ли я, дождусь ли конца войны? Наш район подвергается интенсивному обстрелу из-за реки из-за пушек возле нас. Сейчас сами бы местные грузины могли бы потребовать вывода отсюда тяжелой техники. Но они этого не требуют. Абхазцы, значит, придут и всех убьют, как они опасаются, а вот так, значит, лучше – гибнуть под снарядами. Мы же и так погибнем.

12 июля 1993 года

С раннего утра, лишь рассвело, стала бить пушка за Гумисту. Я опять встревожилась и стала ждать ответа. Но оттуда молчали (и правильно, пусть берегут снаряды, зачем бесполезно палить не по пушкам, а по домам), и я вышла на наш «пятачок» за зеленью.

Но там еще не пришли торговки, и я пряталась в подъезде разгромленного еще прошлым летом ими же рабочем общежитии. «Град» всё палил туда, и я боялась ответа.

На мой взгляд, не выведут они тяжелую технику. Это для них вопрос престижа (весь мир же узнает об этом) и амбиций. Они знают, что вслед за выводом войск вернутся изгнанные отсюда прошлым летом военной хунтой пока что законные правители Абхазии; водрузят первым делом свой флаг над Домом правительства, который тоже сорвали прошлым летом, разорвали и втоптали в уличную пыль непрошеные «защитники» железной дороги в Абхазии. А это уже не по их сценарию. Зачем тогда весь этот сыр-бор с августа 1992 года? Ведь не для охраны дорог они сюда вошли тогда в самом деле, а с единственной целью – изгнать неугодный парламент – абхазскую его часть. В этом соль и суть, и сейчас вернуть всё на круги своя? И после стольких жертв и издержек? Нет, не пойдут. Если только Россия не настоит. Грузия сейчас в сложном положении: с одной стороны, угроза потерять власть над Абхазией (пусть даже не территорию), а с другой – грозит голод, если Россия не даст хлеба и еды. «Защитников» ведь кормить нечем будет. Уже сейчас они на черном хлебе, который нам тоже не достается.

А эти мои уши! Я слышу грохот и разрыв снаряда лишь, когда он падает на наш дом. Шутка, конечно, но не все залпы мне слышны, как другим. Слух всё ухудшается у меня – больные уши и возраст дает о себе знать

Сосед Хазов пришел из города раненый в руку. Был на пл. Ленина. Каждый день чего-то бегает в такое время в город. Еду, наверно, ищет. Говорит, бомбили два самолета. И что они там в центре могли бомбить? Я полагаю, огневые точки искали, установки «Град» и другие. Боюсь, что мирно ни о чем не договорятся. Грузинская сторона согласна на вывод войск и техники в том случае, если прежнее правительство уйдет в отставку, т.е. весь абхазский парламент с Ардзинба во главе. Но на это не пойдет противная сторона. Здесь уже важно, кто будет «командовать парадом». Даже не в «креслах» дело, как утрируют некоторые горожане, а в сфере влияния в Абхазии и в том, по какому пути дальше пойдет Абхазия – по самостоятельному или снова под эгидой Тбилиси. Не пойдут на второе абхазцы и всё. Чувствую, до мира далеко. Завтра опять в Сочи переговоры. Думаю, что пустое это дело, даже при участии Козырева. Какое право у России отнимать родину и независимость у маленького абхазского народа! А если, как настаивает Козырев, полная свобода Абхазии в составе Грузии, то какая же это свобода, если войска не уйдут или уйдут с неприемлемым для абхазов

условием – отставкой нынешнего руководства, которое поддерживает абхазский народ.

«Шахматная» задачка да и только! Лишь бы уцелеть и не погибнуть, по крайней мере.

Мне вспоминаются слова одной из моих соседок – мегрелок Ламары Ч., сказанные в августе прошлого года как только вошли сюда войска. Идёт ожесточенная перестрелка в городе, абхазцы его еще не оставили, прямо на улицах возле нас гибнут парни, а она в это время говорит: «Вот теперь абхазцы и грузины будут жить дружно!». Вскоре она из города с детьми удрала и весь год ее тут нет. Такая вот нелогичность опять! И о чьей и к кому можно говорить ненависти и неприязни. У всех моих соседей-мегрелов одинаковая неприязнь. Хотят быть «наверху», а эти дураки – абхазцы им мешают. Вот как живут «дружно» воюя уже целый год! Где она сейчас, эта Ламара, что скажет?

17 июля 1993 года

Город на время оставили в покое – не обстреливают и отсюда меньше бьют – все пушки переместились к северу, к горам – идет ожесточенная война за плацдарм в окрестностях Сухума – село Шрому. Пока оно в руках абхазцев, но его пытаются вернуть грузины. Очевидно, в лоб, атакой Сухум брать абхазцы уже не хотят, а пытаются Сухум окружить и воссоединиться с Восточным Очамчирским и Ткварчельским фронтами. Это уже может быть к зиме настоящая блокада Сухума. Правда, со стороны моря и по воздуху доставить в Сухум что-то можно. Да и железная дорога заработала – абхазцы не удержали сухопутные дороги в сторону Грузии и Тбилиси. Силенок, видимо, не хватает. И зачем тогда весь этот сыр-бор, если нет сил? Просто гибнуть, понапрасну? Кому это выгодно? Опять же тем же грузинам – меньше останется абхазов.

С утра стоит тишина, но ночью стреляли. Я все сплю на полу ванной комнаты. Грузия и войска готова вывести с условием отставки абхазского всего парламента и правительства. Но и это неприемлемо для абхазцев. В таких случаях и говорят русские: «Нашла коса на камень!». Вся война-то в августе 1992 г. и затевалась-то лишь с одной целью: изгнать неугодное правительство и парламент Абхазии и назначить угодное. Разве вернутся теперь захватчики к исходному положению, потеряв столько в войне? Это значит, дать Абхазии суверенитет и самостоятельность, что для Грузии неприемлемо. А неприемлемее всего Ардзинба и его окружение. Аджария-то живет, как хочет. Но если Абхазия, Аджария и Юго-Осетия и в

составе Грузии обособятся, на что, собственно, будет жить центр Грузии, Тбилиси? Лапу сосать подобно медведю в зимней спячке? То что приемлемо для России, для Грузии неприемлемо. Россия большая, Грузия – маленькая. Вот и идет война. Все напоминает борьбу средневековья: князьки, царьки, дружины – боевики, полубандиты, требования дани, бояре – номенклатура и чернь – простые голодные люди… Чем отличен конец XX века от XVII-го? Да почти ничем. Лишь названия вещей поменялись.

Алик, из соседского дома, полурусский, полуармянин одел форму и взял автомат, пошел сражаться против абхазцев. Соседи говорят: «А что делать, работы нет, есть нечего, больной отец…». Всё верно, но все равно это не может служить оправданием для убийства людей, которые ему, собственно, ничего плохого не сделали, а, наоборот, хотят улучшить его жизнь, как и всех нас.

Так тяжело без света и огня! И когда муки наши кончатся? Ем ржаные сухарики. Привезли полную машину муки в «Колос», на другой день ее уже не было. Всё растаскивают и пекут лишь для военных. Тесто уже не дают. Там за ним было убийство одно, а не очередь. Люди озверели, из-за куска хлеба. Ничего из гуманитарной помощи я так и не видела – ни горстки муки. Одинокий-то пенсионер. Эту желтую кукурузную муку, что продавали по 350 р. за кг в магазине, бабки на рынке прямо из казенных мешков продают по 1.000 р. за кг. Вот где она, эта мука. Наживаются дельцы на гуманитарной помощи. А мука-то это кормовая, для скота, смолотая прямо с кочанами. Но и ее у нас нет, не достать, а цена не черном рынке вот такая баснословная. Скоту живется лучше, чем нам тут.

Во всем доме я – единственный человек, болеющий за абхазов и возмущающийся вопиющей несправедливостью по отношению к ним: загнали в угол исконных жителей земли, именем которых она названа и кричат им: «Сдавайтесь!».

Русским в доме – всё равно, лишь бы была еда и быт наладился, а есть и явные недоброжелатели абхазцев, грузины, само собой, ждут их поражения и конца, я единственная абхазка, и то наполовину, пожилая одинокая женщина во всем доме. Говорят, что абхазцам здесь сейчас хорошо живется, а много ли их тут: в каждом многоквартирном доме **по одному – два человека**. Их тут и нет. Так что, и этих извести нужно? Ну и ну!

Немецкие фашисты в 1941 году, входя в советские города и оккупируя их, и то не уничтожали без разбора мирное русское население города, не все русские покидали город и жили весь период оккупации. А тут нас, абхазцев, **всегда готовы** уничтожить – лишь бы дали сигнал свыше. Да и без сигнала могут, от лютой ненависти и озлобления, что застит глаза и

справедливость. И это набожные православные христиане! О чем они просят Господа? Оправдать насилие, как немцы писали на пряжках своих поясов: «С нами Бог»?

Мне **страшно** одиноко! До ужаса, и я не хочу просто жить. Ни одна живая душа не заглянет, если я сама не выйду к людям. Это потому, что я - абхазка. Одни боятся общения со мной, другие – просто не желают.

А будет мне голодно (а это уже есть) и холодно, я и пикнуть не смею, т.к. мне скажут: «Это братья твои устроили – благодари их». Скорее собакам бросят кусок хлеба, чем дадут мне, а это уже есть. Говорят, когда стоявшая возле одного многоквартирного дома пушка стала грохать за Гумисту, жильцы дома вышли, стали кричать и прогнали артиллеристов с пушкой прочь от дома. Вот если бы все жильцы поступали так, то пушки пришлось бы давно вывести из Сухума.

Прячась между домами, пушки вызывают огонь на себя. Им ничего, а снаряды летят в жилые дома. Наверно, нарочно ставят пушки у жилых домов, чтобы с той стороны потом обстреливали, вместо прячущихся среди них пушек, дома, и кричать затем на весь мир, что абхазцы обстреливают и разрушают Сухум. А куда им прикажете стрелять, если пушки прячутся за домами. Говорят, сегодня ночью сильно обстреляли Сухум из-за реки. Думаю что опять или танки, колеся по городу, стреляли за Гумисту, и пушки прямо с кварталов палили на абхазскую сторону, а те им отвечали оттуда и обстреляли город. Мое мнение: в разрушении города в большей степени виновата грузинская сторона, т.к. **постоянно** обстреливает из города из своих пушек и танков, вероятно, и Новый Афон и позиции абхазцев. А здесь во всем виноватой видят лишь абхазскую сторону. Лишь слепому не видно что происходит. А им не видно, и во всю клянут абхазцев из-за обстрелов Сухума. Будто не видят **кто** начинает стрелять первым. Люди уже начали в этом разбираться. Только грузинское население делает вид, будто не понимает этого. Хотят казаться наивными, непонятливыми детьми.

Только так, если они не хотят ставить свои пушки и у позиций или в местах, где люди не живут, а ставят их нарочно как раз в людных местах, в центре города, в местах наиболее опасных для населения. Нарочно, наверно, чтобы обстреливали и разрушали город, целясь в пушки, но не попадая в них. И это одна из провокаций с целью обвинить абхазцев в обстреле города. Значит, туда стрелять все время безнаказанно можно, сюда – нельзя. Какая же это тогда война?

20 июля 1993 года

Вчера пошла к Саре в Новый район за моральной поддержкой

и утешением, а расстроилась еще больше. В кровопролитных боях за сёла Шрому, Ахалшени, Каманы и т.д. погибло много лыхненских ребят. Прогнозы, судя по передачам гудаутского радио, неутешительны. Украина шлет пароходами Грузии оружие, гудаутцы призывают всех, вплоть до женщин, подняться на защиту Родины. А если даже женщин, то, значит, очень плохо уж все…

Господи, если бы Россия помогала абхазцам, как кричат во все горло грузины, то они давно бы взяли Сухум и освободили Абхазию от военной техники и войск. Значит, не очень-то она, Россия, помогает. Лишь позволяет северокавказцам делать это. Но их тоже меньше, чем всех грузинов вместе взятых.

Хлеба нет, муки нет, деньги на исходе, впереди маячит голод. Из гуманитарной помощи мне достался всего лишь 1 кг мокрой желтой кормовой кукурузной муки за 350 р. Теперь она на черном рынке стоит 1.000 р. за кг. Ту муку пшеничную, что нам должны были дать на работе, украли со склада. Опять **они** всё грабят, запасаются продуктами, плюя на другое население. Как же выжить? И без огня опять. Не могу уже достать хотя бы 1 л. керосина для коптилки. Говорят, он стоит теперь 500 р. за 1 л., я бы купила, но и его нет. В 1941 г. керосина было навалом. И вообще, как все говорят, в 1941-1945 гг. было всё гораздо лучше, легче, несмотря на грандиозную войну, чем сейчас. Я бы утопила в болоте собственными руками всех политиков, доведших нас до такого скотского состояния.

Пусть раздолбают «Колос», все равно нам оттуда нет ни хлеба, ни теста, ни муки; пусть не шлют больше **никогда** гуманитарной помощи – всё равно она идет лишь в одни, известные, руки. Зачем? Погибать так погибать! С музыкой! На миру и смерть красна. Сплю все время на полу в ванной комнате – уже освоилась и привыкла; зато до меня слабо доходит пушечная канонада. Слышу, когда уж очень громко стреляют. Конечно, рискую, как и все. Моя сторона опасна при обстрелах со стороны Гумисты. Но в эти дни канонада пушек переместилась на север Абхазии, где абхазцы стараются удержать захваченные ими сёла Сухумского района. Пока держатся, но надолго ли? Говорят, у грузин появилось новое оружие с фосфором, вызывающим огонь и пожары. Купили, конечно, на Украине или еще где-то. Как темнеет, становится страшно. Еще страшнее оттого, что нет света, а ночи очень тёмные – ни зги не видно, одна сплошная чернота. И коптилку жгу лишь в ванной комнате, а вносить в квартиру боюсь, чтобы не привлечь чьего-то внимания к своему окну.

Соседи-грузины отчуждаются уже и от русских. Русские соседки вышли во двор и присели на лавочку к грузинским

соседям – те встали и ушли. Они говорят: «Мы воюем с Россией!». Черта с два! Давно бы Сухум был взят, если бы это было так. Помощь России чисто символическая. Оппозиция Ельцину, так называемая Грузией реакционная сила, села в служу. Непотопляемый корабль – Боречка – плывет на своем жирке дальше, вперед, к демократии, и Эдичку он не даст никому обидеть – слишком велики заслуги того в развале СССР и социализма. Что будет с бедным народом дальше при **таких** правителях, известно лишь Богу. Знать бы мне, что думает теперь грузинский народ о свободной Грузии, но я этого не слышу, мне не говорят. А ведь умные грузины задолго до развала СССР предрекали крах Грузии в таких условиях и предупреждали. Но тогда все бежали, даже вприпрыжку, за Звиадом. И добежали! Дальше бежать некуда. Надо опять идти на поклон к России и к другим, более состоятельным странам. Все возвращается на круги своя, история часто повторяется.

21 июля 1993 года

Ночь прошла у меня неспокойно, даже в ванной комнате. Стреляли, по слуху, из какого-то незнакомого орудия – было страшно. Утром пошла к колодцу за водой и просидела там в очереди часа два – нет воды, обмелел колодец, дно видно. Чтобы наполнить одно ведро, бадью с цепью надо опустить в колодец 4-5 раз. Пока сидела там, видела, как парни забирали у жителей из частных мегрельских домов пустые газовые баллоны. У них и газ есть. Есть все, кроме воды. В этом мы, русскоязычные, уравнены. В остальном проблемы наши, а их – в меньшей степени. Не в воде дело в разнице нашего с ними бытия, а в еде. У них нет хлеба, есть мука. У меня ни того, ни другого, ни огня, чтобы сварить похлебку. А зимой для обогрева опять же они будут рубить платаны, эвкалипты, утаскивая все толстые стволы и ветви в свои дворы, а мы после них собирать мелочь: кору, хворост. Таков будет «новый порядок» и «новая демократия». И потом говорить, что тут ни абхазцев, ни русских никто не обижает. Да, не стреляют массово из автоматов. В остальном же мы – ущербные люди, не высшая раса, плебеи.

Летом ветра больше, чем зимой. Бриз летний. Он задувает мою развалившуюся банку – печку. Комната, пока варю, полна едкого дыма. О том, как мы по-разному тут живем, можно судить даже по внешности. Мы все очень похудели, платья стали мешковатые, они, как были толстые, таковыми и остались. Пухлые, лоснящиеся от жирка. Вот и наглядный пример. Ну, а кто был худ, так и остался худым.

Шла от колодца и видела возвращающихся пешком с ночного

дежурства от Гумисты гвардейцев с автоматами. И у меня возникает мысль: **кого** же они не пускают в Сухум? Исконных жителей этого города и земли, именем которых она и названа Абхазией? Это даже смешно, если посмотреть со стороны. Всегда меня поражают люди, не умеющие или не хотящие логически мыслит. А соседка Дареджан как-то сказала: «Они (абхазы) всё время хотят пройти сюда!». А куда им собственно, идти, уважаемые, если не к своим разоренным и разграбленным в Сухуме очагам и квартирам? Это же и их город, а другой этнической родины у них нет. И не пускать их сюда?! Вооружены, да. Но и они не придут сюда под пушки, автоматы и штыки, пока их тут так встречают. Уберут орудия, и они не войдут с оружием – проследит кто-то за этим. Не пускают! Хозяев земли не пускают! Это ли не наглость? А русские, которым испокон веков присуще обостренное чувство справедливости, отправляют своих сыновей в грузинскую гвардию истреблять абхазцев. За кусок хлеба! Ничего себе – русские праведники. Убивать людей, не сделавших им ничего плохого, а, наоборот, стремящихся создать равноправие для всех. И армяне – туда же. Им, что, важна так территориальная целостность Грузии? Да плевать им на целостность – идут за кусок хлеба или получить затем привилегии за это. Ну, ну, поглядим, чем всё это кончится. Поживем – увидим! Бог, он всё видит.

Говорят, ночью в «Колос» попал снаряд, и опять они же разворовали хранившуюся там муку. Запасаются, а нам грозит голод.

Те, кто имеет огород и сад, продают овощи и фрукты по очень высоким ценам, а на вырученные от их продажи деньги покупают еще более дорогое масло, сахар, муку, крупы. Вот эти люди не чувствуют войны. Например, человек берет сразу 3-х литровый баллон топленого масла за 12 тыс. руб., а я едва купила 700 г. и скоро съела. Другой берет сразу 5 кг. сливочного масла – на это тоже надо уйму денег. И всё на вырученные деньги с сада, огорода, иногда гвардейская зарплата. Мне же продавать нечего. Я просто чистый пролетарий, бедняк. Жалкий интеллигентишка – они и погибают в первую очередь.

Остатки гуманитарной помощи продают кто где попало по баснословным ценам: вермишель по 2.500 р. за кг., растительное масло за 5.000 и т.д. А пенсия-то всего 4 тыс. с чем-то. Вот так и живи, «Свободная республика!».

В общем, население Сухума брошено на произвол судьбы – спасайся кто как может. И спасаются, чаще всего те, кто чувствует себя привилегированной кастой, которой дозволено то, что не дозволено и что побоятся сделать другие. Да другим и не дадут

ничего. Пришла я в магазин на кондитерскую фабрику за развесным печеньем. Мне сказали, что его нет. А тут же парень вынес и унес целую не распакованную коробку. Грузин! То, что дозволено Юпитеру то не дозволено Быку.

Мы теперь вздрагиваем от каждого шума, стука столь напуганные постоянной стрельбой, а тут еще под боком, на моей площадке квартира – «малина» воровской шайки. Потрясающее соседство, и я всю ночь, лежа на полу в ванной комнате в кромешной темноте, прислушиваюсь к моей двери: не подошел ли кто, не взламывают ли дверь моей квартиры. И без стука могут взять и выломать. Но пока, слава Богу, тихо. Молюсь, молюсь, молюсь и утром и вечером. Обо всем! Да поможет мне и моему бедному народу Господь. Бог, не терпящий беззакония и несправедливости. Так хочется надеяться на лучшее.

Лук репчатый на рынке 5.000 р. за кг.! И это – рыночная экономика?! Мародерство это – и больше ничего! «Спасибо» Ельцину и еже с ним.

22 июля 1993 года

Вышла на наш рыночный «пятачок» и достала яблоки по 50 р. за кг. Дешево – обрадовалась. Проехал виллис доверху груженный вещами, коврами… Открытый! А на вещах улыбающиеся довольные ребята – то ли гвардейцы, то ли мародеры… Уже не понять кто есть кто. А говорили, что им было дано три дня в начале войны на разграбление. Но уже скоро год войне, а всё грабят.

15 июля – годовщина смерти Риты – моей сестры. Боже, прошло уже три года как нет её. Риточка, Ритуля, как ты мне была нужна сейчас, в такое тяжкое время! Жив ли Лева в Гудаута? Часто во сне вижу Риту. Очень часто. Молись за нас, Риточка, мне так тяжело, горестно, тягостно, что тебя нет со мной. Но выдержала бы ты, больная, такое наше существование? Может, это к лучшему, что ты оставила такой пакостный наш мир, никому не нужную нашу жизнь? Зачем мы цепляемся за эту, **такую**, жизнь? Разве это жизнь – это прозябание и постоянный страх перед всем: пулями, снарядами, мародерами, голодом, эпидемией и другими «прелестями» военного и рыночного быта, новой системы общества, неведанной нам до сих пор.

Смешная у нас собачка Белка, которую приютили с зимы соседи в подъезде и кормят. Лает она исключительно на гвардейцев в форме. На ребят в гражданской одежде не лает.

Солидарна с абхазцами?

Говорят о каком-то договоре с 24 июля (кстати, день рождения Риты), но весь день и вечер отсюда так палили пушки за Гумисту, что все мы, соседи, просидели это время в подъезде, боясь оставаться в квартире или выйти во двор. Если разговор о договоре и выводе войск, то зачем так безбожно стрелять? За Гумистой, наверно, уже и живых не осталось от такой пальбы. Стрелять напоследок, в отместку? Оттуда почти не отвечали, могут ночью ответить.

Итак, уже 1 кг. муки стоит 2.000 р. Для сравнения: новую пенсию назначили всем одну – 4.600 р. Это на 2 кг муки. Вот так и живи. И на 1 кабачок – 500 р. Что купоны, что рубли – все равно. Гиперинфляция убивающая наповал.

23 июля 1993 года

Всю ночь молчали все пушки – тут и там. Я с раннего утра ушла с ведром к источнику с водой и просидела там в очереди до 10 ч. утра. Затем решила пойти на гору, где мимозовая роща за «Колосом» и водонапорная колонка. Там много сухих срезанных мимозовых веток. Грузинки и зимой-то хворост на улицах не собирали. А сейчас и вовсе у многих керосинки, керогазы, примусы… Лишь я и немногие бедолаги топят печки, чтобы сварить похлебку какую-то. Там, где лесок и рощица – русское простонародье тут как тут. Интеллигенция, «гнилая», по-Сталину, мыкается больше всех. Вышла даже к кладбищу лечкопскому. Там армянская школа, пустая, во дворе танк и двор покрыт маскировочной сеткой. Поспешила уйти, чтобы не выдворили. Но я никого вокруг не увидела, пусто, ни души.

Шла и думала: настанет ли время, чтобы все пережитое мной тут я буду вспоминать как страшный сон.

Утром у источника агрессивные мегрельские женщины «решали» абхазскую проблему. Обзывали Ардзинба психически больным, категорически против его возвращения на пост Председателя Верховного Совета Абхазии. Какие-то слухи о его смещении и назначении на его место Анкваба. Кем, когда, зачем – неизвестно. Анкваб им больше импонирует.

Так хочется чистой воды: лето, жара, а воды все нет.

Пользуясь тишиной, решила пойти в Ачадара к роднику. Все водные источники, которыми я пользуюсь, сомнительны, пить сырую эту воду нельзя, лишь родниковую можно еще пить сырую! Да и то едва ли. Шла и рисковала попасть под обстрел, погибнуть за баллон воды. И стрелять начали, но я уже шла вперед, не вернулась. У родника даже была слышна очередь из минометов. Пряталась в укрытии. Народу за водой было мало, но мужчины

привозят на тачках бочки пластмассовые, бидоны огромные… А у меня всего два баллона по три литра. И не пропустили. Я ждала больше часа, рискуя быть убитой. Когда я их упрекнула, они обиделись. Считают свой народ благородным, рыцарским, а не пропустили пожилую женщину с двумя банками – полведра-то всего. Не может быть благородным весь народ – в нем есть разные люди. Что такое благородство, рыцарство, джентльменство? Это воспитание и внутренняя культура. По дороге еще собрала полную сумку дров. Так и тащила все с трудом – воду, дрова. И уже перед своим домом, под своими окнами упала, зацепившись ногой за неудобную сумку с дровами. Один баллон разбился вдребезги, другой опрокинулся и вылился. Было очень обидно, а я рисковала жизнью из-за этой воды. За что-то меня наказал Бог. За что? Я только турнула эту надоедливую кошку, брошенную уехавшими навсегда соседями, как тут же упала. Не надо было ее гнать? Но уж очень она мне надоела и жалостливо все время смотрит на мои окна. Кормить нечем, хлеба у меня давно нет, я ем одни овощи. Чем мне еще и кошку кормить? Только этой проблемы мне в этой жизни такой не хватало. Зачем мне чужие животные, я сама на грани выживания.

К вечеру начала сильно бить отсюда пушка. И это грузины тут оправдывают. Мол, если не бить, то абхазцы норовят идти сюда. Значит, нет им сюда вообще пути – дороги. А затем оттуда начали тоже отвечать, и где-то рядом упал снаряд. Я выбежала в подвал. И эти разговоры о договоре. Гудаутцы вообще ни о каком договоре не говорят – он, такой, им не нужен. Вчера грузины будто все до единого снаряда выпустили за Гумисту. Я думала, напоследок. Нет, и сегодня долбят туда.

24 июля 1993 года

Всю ночь «пукала» их пушечка за Гумисту. Я лежала в комнате и слышала: «пук, пук…». Не выдержав, ушла спать в ванную комнату. Спасая лишь себя тут, они подставляют под удар всё остальное население города. Придут, значит, абхазцы и **всех их** убьют – лучше всем вместе от снарядов погибать. Лишь о себе думают. **Только за это** они могут быть неприятны. Ведь другим абхазцев опасаться нечего – русским и другим, кроме грузин, которым все равно кто будет здесь: абхазцы или грузины.

Можно и молчать, терпеть, погибать вместе с ними молча, но заискивать – то перед ними, как делает это О.М., зачем? Пусть они заискивают перед другими за то, что подставляют под удар всех живущих в городе. Как она подстелила коврик под толстый зад Талико. Готова лечь и позволить им ходить по ней. Тошно же смотреть!! Молчи, но не унижайся – из-за них же тут погибаем, не

из-за абхазцев. Они ночью на все «пуканья» так и не ответили из-за реки. А ведь на них отсюда летели снаряды – могло лопнуть терпение. А может на центр Сухума бросали – мы не знаем.

А гудаутцы со своим радио тоже хороши. Меня, к примеру, не интересует, что делается в их осином гнезде в Тбилиси. Эти взаимные обличения и пустословия надоели и раздражают. Занятые новым перераспределением кресел и взаимным вручением высших наград, в Тбилиси вовсе позабыли о народах Абхазии. Бросили на произвол судьбы погибать от голода, снарядов и холода зимой. Дерутся за территорию без людей. Потому и говорят все, что в тяжелом 1941 году жить было легче, чем сейчас. Пусть бы лучше гудаутцы сказали нам, сколько это будет тянутся и когда кончится такая наша жизнь. Или все будет тянуться годами как в Карабахе. Гудаутские эмоции, подкалывания противника уже надоели. Если нет сил, пусть бы так и сказали.

Тут люди уже все видят кто и почему без конца стреляет, чья вина в обстрелах города. Но русские трусят, возражают и спорят с опаской. Вот и будут молча погибать. Говорить бесполезно – так не надо хоть поощрять унижаться и заискивать. Пусть видят они тут хоть **молчаливое осуждение**. И поддакивать не надо – молчать уж – и всё. О себе они лишь думают. Только о себе! Во всех отношениях. За что их уважать тогда? И это «благородный» народ? Оттуда молчат, не стреляют, а отсюда все время палят и вызывают огонь. Пушки маленькие, как кузнечики, прячутся между домами и постоянно передвигаются, а ответный огонь принимают наши дома, среди которых пушки и прячутся. И это тоже будто они не видят, оправдывают свои пушки. Не было у меня ненависти, но от всей этой несправедливости я начинаю закипать. Трудно тут сдержаться. Да их скоро уже за всё это возненавидят и все другие, за их эгоизм, ложь и несправедливость. Бог, он все видит, где ложь, а где правда.

Утром давали развесной турецкий маргарин, видимо из гуманитарной помощи. По 800 р. за кг. Давали на 1.000 р., но мне не досталось – кончился. Мне вообще не везет в очередях и с продуктами – помру я от голода. В очереди опять почти все русские и армяне. Грузины подходят, презрительно оглядывая очередь норовят брать без очереди. И ухитряются, берут. А у кое-кого он уже дома есть.

Дали почитать «Демократическую Абхазию». В ней пишут, что и Мегрелия хочет иметь статус, свою Конституцию. На мой взгляд, это очередная провокация, чтобы помешать Абхазии: смотрите, мол, и Мегрелия, как и Абхазия – один из просто регионов Грузии будет бороться за независимость. Мол, и

Абхазия, и Мегрелия – всего лишь регионы Грузии и если Абхазия добивается самостоятельности, то почему и Мегрелии не хотеть того же. А затем и Сванетии, Аджарии, Кахетии, Гурии и т.д. и т.д. Тонкая политика и хитрая тактика. Как это надо изощряться в разных способах провокации и лжи?

25 июля 1993 года

Ветер задувает мою банку – не могу сварить свою похлебку.

Очень болят разбитые колени и локоть левой руки, ушибленной при падении с родниковой водой из Ачадара.

В газете объявление: просят прийти одиноким пенсионерам в Министерство соцобеспечения для регистрации. Я уж собиралась это сделать в надежде, что там можно будет получать гуманитарную помощь, но осторожные люди отсоветовали туда идти. Сказали, что будет учет одиноких стариков, которых затем или ограбят или постараются отправить на тот свет поскорее, чтобы освободить квартиру и присвоить. И я не решилась идти и отмечаться. Что ж, при такой власти, в такое страшное время, при полном беспределе ничего невероятного нет. А живу я впроголодь. И дело не в том, что в городе нет продуктов. Они поступают, но нет справедливого их распределения. Один достает мешок муки, другой не может купить и 1 кг. Так же и маргарин, и все остальное. А в их газете пишут, что все в городе есть. Возможно и есть, но не для всех, а для избранных и пронырливых. Но я не пронырливая и не избранная, значит, обречена на голод. А цены сумасшедшие, никакой пенсии и зарплаты не хватит.

На фронтах вроде без перемен. Но пушки палить не прекращают, бегаем в подвал, когда уж очень близко рвутся снаряды, сплю по-прежнему на полу ванной комнаты, Гудаута молчит, а этому тут радио я не верю. Конечно, они так дискредитировали Ардзинба, что едва ли его возвращение на пост главы правительства Абхазии теперь возможно. Восстановили большинство население Сухума против него своими злобными публикациями. В последнем номере «Демократической Абхазии» заметка вообще называется о нём: «Могильщик». И откуда столько злости, ненависти, просто бешенства против одного человека, будто лишь он один во всем виноват, а все другие у них тут – паиньки, зайчики невинные. Одна субъективность и отвращение ко всему абхазскому. Стреляют, а я стою у своей банки и варю свое варево. Есть же надо. Но в окно может влететь снаряд или осколок. Каждодневный риск.

26 июля 1993 года

В 12 ч. ночи были такие залпы мощных пушек, что тряслась земля под домом. Я вскакивала с пола ванной комнаты и выходила в подъезд со своей коптилкой, т.к. мне было страшно в комнате. Но в подъезде – никого, парадная дверь – нараспашку, и я опять ушла в квартиру. Уснуть уже не могла, а в 5 ч. утра вышла, еще затемно, к магазину, где обещали давать турецкий развесной маргарин – он как сливочное масло. Четыре часа просидела у магазина в очереди. Была недалеко совсем. Но привезли не маргарин, а сахар, и началось столпотворение. Люди прорывались в магазин через двери, влезли в окно и брали без всякой очереди. Я туда прорваться, как все не могла. Внутри магазина – военная полиция и гвардейцы. Но они не за порядком наблюдали, а хватали сахар для себя. Даже не для себя, а для знакомых грузин и своих семей. **Почти все** грузины прорвались в магазин и взяли сахар вне очереди. Кто по 2 кг., кто по 4 кг. и больше. Кое-кто потом будет продавать на «черном рынке» по 5 тыс. за кг… Мне от всего этого: ночного недосыпа, голода, жары, долгого стояния и волнений стало плохо закружилась голова, померкло в глазах, и я потеряла сознание – обморок. Если бы меня не поддержали, я бы упала на землю. Усадили – немного отошла. Но сахар мне так и не достался, даже в законном порядке – очереди. Я ушла домой без него и легла. Вот так они поступают с остальным населением. Себя же они не обидели. Когда я сказала военным, что это их обязанность – проследить за порядком (для чего же тогда полиция военная?), они лишь пожали плечами и сказали, что ничего сделать не могут. И я у них просила не сахара дать мне, а привести к порядку людей. Бесполезно! Люди охамели, обнаглели, озверели. И вот с такими людьми мы собираемся строить демократию и правовое государство? Смешно! И обижаются, когда им говоришь об этом. Опять алогичность, тупоумие или притворство? Сознание собственной исключительности или привилегированности?

Слыхала, будто подписывается договор с Грузией, и если грузинский парламент его утвердит, он вступит в силу и война прекратится. Хоть это, если жизнь все равно будет невыносима и голодна. Хоть стрелять перестанут. Но при этом слышала, что местное грузинское население все равно парламент Абхазии в прежнем составе не принимают и не пускают абхазцев в Сухум. Значит, стрельба будет продолжаться.

Конечно, они боятся, что абхазцы будут ходить по квартирам. Знает кошка чье мясо съела. Ведь они обошли **почти все** абхазские квартиры тогда летом под видом поиска оружия. Знают, что до Гагра была летом же и **Очамчира**, где они жгли, убивали, грабили, насиловали и откуда люди бежали в

Ткварчели. А Гагра была уже осенью, после. Они боятся и возмездия. Сейчас лишь грузины сами могли бы спасти население города от обстрелов, потребовав вывести отсюда пушки. Но они этого делать не хотят. Будут терпеть обстрелы и губить другое население, негрузинское, которое не боится абхазцев и их прихода. Они гнусные в этом отношении, эгоисты.

Из Гудаута меня интересуют лишь **военные сводки и дипломатические переговоры**. Долго ли будет длиться еще это. Вот что, а не обличения грузинского правительства. Я и так знаю, что оно из себя представляет. Но о договоре каком-то в Гудаута молчат. Значит, он им не нужен, а нужен лишь Грузии, России. Потому они и трубят о нем. Гудаута нужно лишь, чтобы они с пушками убрались отсюда и сюда вернулись абхазцы. Это – их право, их город, их дома и квартиры. В не меньшей степени, а в большей чем грузинские. Если подумать, кого они не пускают в Сухум, то становится смешно! Законных хозяев этой земли, именем которых она названа. Абсурд какой-то! Неужели это не видит справедливая мировая общественность?

А впрочем что мне жаловаться и хныкать, что меня оставляют без еды, вырывая мою долю продуктов из-под носа и рта. Пора уже привыкнуть, что я – человек совестливый, не умею брать свое нахрапом и наглостью. Такие люди из интеллигенции погибают в первую очередь. И еще. Мне надо быть благодарной, что меня тут пока не убили и не ограбили – ведь я – человек вне закона, бесправный, беззащитный, еврей – 1941 года. И даже хуже – туземец, индеец Америки и даже не негр – у них больше сейчас прав в Америке, чем у меня. И нужно молчать и не хныкать, что не дают есть. Авось как-нибудь протяну до конца войны или освобождения от бесправия.

Говорят, что абхазцы взяли Мерхеули, село разрушено, верно ли, кто знает. Никакой достоверной информации. Вечером опять бьет артиллерия. Чаще отсюда – туда, за Гумисту. Едва ли будет спокойной ночь. Постелила опять в ванной комнате. Соседи-грузины вокруг все довольные – набрали сахара. Смелые и нахрапистые негрузины тоже. А я буду лапу сосать вместо чая с сахаром. А сахар так нужен мозгу. Хоть немного. Я его давно не ем. Наверно, и оттого сознание потеряла в очереди. Вот это и нужно местному грузинскому населению – властвовать, чувствовать себя хозяином положения во всем, а на других взирать свысока, держать в черном теле и давать иногда подачки постольку поскольку люди не все пока уехали и мозолят глаза своим попрошайничеством и нищенством.

27 июля 1993 года

Появился, о Божье чудо, хлеб! Авось теперь не протяну ноги. Пока! Утром жена Жоры Х. – Валя – принесла батон хлеба. Потом я вышла к «Колосу» и, выстояв очередь, взяла два батона (больше не давали). Теперь надо его караулить и по ночам, и по утрам. Пока не исчез опять. Я же уже месяц живу без хлеба. Одновременно и ведра мои стояли в очереди на горе к водному источнику. Вот так, одна беготня: хлеб (хоть бы и был), дрова, вода, продукты, пенсия… Бутылки надо сдать – денег мало у меня. Света все нет.

В очереди слышала, что абхазцы ночью сильно обстреляли район Келасури, сельхоз институт. А что там за ним? Кажется, и село Мерхеули, а потом Маджара. Это уже Гульрипшский район. Значит, решили обойти Сухум с севера, взять город в клещи, а выходом лишь к морю. Соединиться с Очамчирским и Ткварчельским фронтами. Но на их пути лежит Абхазская Сванетия. Обойти ее сверху сложно, а если ниже, то сваны могут ударить в тыл абхазцам. Не пойму я их планов. Неужели они думают своей горсткой храбрецов изгнать отсюда войска силой?! Это же безумие чистое. Реально ли это?

Господи, нам бы хоть уцелеть и дождаться конца войны. Не верю, что настанут мирные времена без стрельбы и без голода.

Давно надо было обойти Сухум с севера, а не бить все время в лоб из-за Гумисты. Наверно, не было для этого сил да и зима, бездорожье. Интересно, у кого в руках объездная дорога. Это важная стратегическая линия. Дорога – это всё.

Дж. Иоселиани, по их газете, принимал участие в обезвреживании абхазского десанта в районе Очамчира. На его совести, от его руки, конечно, есть погибшие абхазские парни. И это профессор, гуманитарий, ученый… А не разбойник ли или предводитель их? Хорош гуманитарий! И он хочет мира с абхазцами. Какого?

29 июля 1993 года

Третий день непривычно тихо – молчат пушки. Смешно сказать, но мы привыкли к ним, и даже скучно без них. Шучу, конечно. Они несут разрушения и смерть. Теперь я хожу без опаски к роднику в Ачадара, а по дороге собираю дрова – там их больше, чем в черте города. Ведь ни воды, ни света у нас по прежнему нет. Появился и хлеб, и я, наконец, выстояв многочасовую очередь, набрала его.

Не пойму, что происходит. Кончилась война? У меня нет никакой точной информации. Отчего грузины ходят довольные? Чего добились абхазцы, понеся столько жертв и урона? Сюда они пока не идут – пустят ли их. Наверно, грузин успокоило, что

территориальная целостность Грузии сохранена, а Ардзинба и правительство (это-то я от грузин слышала) они намереваются скоро сместить путем «демократических» выборов. Безусловно, всё, что сейчас происходит в Сухуме, «сверхдемократично». И террор горожан преступниками и захват почти всего продовольствия в одни известные всем руки, и многое другое. И при этом считается, что негрузинское население «никто не обижает».

А если это просто мирная передышка для набирания новых сил? Ведь известно, что в Тбилиси есть люди, желающие продолжения войны, чтобы окончательно и до конца разделаться с постоянно непокорными абхазцами. Да и в Гудаута кое-кто считает, что если уж начали гнать отсюда их войска, то надо гнать до конца. Грузинская сторона забеспокоилась, видимо, больше всего после того, как абхазцы занимают всё больше северную часть Абхазии, пытаются встретиться с Восточным своим фронтом и даже заняли села в Гальском районе. Это, наверно, и заторопило грузинское правительство с принятием решений выхода достойного, как они всегда подчеркивают, из войны. Достойного для обеих сторон?

30 июля 1993 года

Третий день не стреляют. Война кончилась? Это как сказать. Мне чего-то тревожно на душе. Собирая дрова по дороге в Ачадара, вижу еще больше гвардейцев зачастивших на позиции и идущих туда и оттуда.

Едут танки к Гумисте с уже новыми (старые выцвели) грузинскими шелковыми флагами развевающимися на носу бронемашины. Все это так подчеркнуто вызывающе. Соседка, придя из города, рассказала, что по нему снуют туда-сюда танки с вздернутыми вверх дулами. Мегрелия воинственно бряцает оружием (до сих пор она молчала, видимо, Звиади дал указания новые), сами мегрелы города ходят с тревожными и обеспокоенными лицами. Еще бы! Бряцанье оружием до добра не доводит. На месте второй школы в городе, говорят, зияет дыра огромная. Соседка Валя пришла из Нового района из ограбленной квартиры матери, уехавшей в Калиниград. Она – русская. В квартире были ценные вещи, два телевизора, новый холодильник и другие. Сегодня я видела две грузовые машины, груженные мебелью. Переезжают, ограблен кто-то? Скорее всего второе.

У соседки Ол.М. открыли подвал и унесли оттуда весь, дефицитный сейчас, керосин.

На горе, где я беру воду из источника, роскошный, недостроенный еще особняк одного абхазца. Там никто сейчас не

живет. Так и у него сняли и унесли огромные железные ворота. Беспредел продолжается.

Русские молодые дамы на время войны обзавелись кавалерами – гвардейцами и это дало им жить в наше время сытно и припеваючи. Знаю одну такую даму: муж – абхазец, давно уехал на время войны, а она завела себе нового избранника – гвардейца - свана. Поделом абхазцам – мужчинам, пренебрегающим своими девушками, остающимися в старых девах…

Коробок спичек стоит сейчас сто купонов. Беспредела ценам нет!

Я отнесла Саре батон хлеба, поговорили, выпили чаю со свежим белым хлебом и турецким маргарином – он как сливочное масло. Она мне подарила 2 пакета сухого супа, который стоил когда-то 38 коп. пакет и его никто не брал. Дочь ее прислала с оказией из Харькова. Мне это хватит на какое-то время. Сижу совершенно без денег – ни пенсии, ни зарплаты. Хорошо, что хоть хлеб сейчас у меня есть. Не исчезнет ли опять? Люди боятся и берут, берут его про запас. А сушить негде, влажно, и он будет плесневеть. Уже плесневеет. И не высушить без огня. Значит, запасов сухарей не сделать, а хлеб скоро может снова исчезнуть. Неизвестно еще что предстоит. И постоянный лейтмотив: «Что надо было абхазцам – они так хорошо тут жили!». Мол, они развязали войну.

Пока готовлю свою скудную еду, слезы потоком (буквально) льются по щекам от едкого дыма, полного в квартире. Я хуже всех в доме живу. Во всех отношениях. Одна радость, что пока не убита и не ограблена. Но и это может случиться в любой день или ночь. И это называется, что абхазцы здесь сейчас «очень хорошо» живут. А трудности, мол, у всех общие. Как бы не так! А я еще и брошена всеми: не полезу сама к людям, не появлюсь во дворе – никому и дела нет, жива я или нет. Может через месяц догадаются зайти в квартиру, если уж надолго пропаду. Люди и раньше были равнодушные, а сейчас и вовсе очерствели, даже озверели. Даже в 1941 году такого не было! Я стала очень не любить людей. Любить их не за что! Редкая искра сочувствия изредка мелькнет. О, чудо! В квартире Макаровых надо мной временно поселилась русская женщина – погорелка Галина Ник. У нее в Ачадара был дом (сгорел), есть огород. В это затишье она принесла оттуда овощи и дала мне кабачок - цуккини. Впервые я увидела этот сорт кабачка. Он будет мне подспорьем, на несколько дней.

Каждый день ищу дрова и воду, и часто хожу в Ачадара, пока тихо. Там лучше вода в роднике и больше дров. Ходила и сегодня.

Ежедневно похоронные процессии на машине оттуда на кладбище Лечкопа. В любое время дня. Ребята на позиции всё идут, идут, идут. В форме и без нее, но с автоматами. Их стало еще больше в период затишья. Хоронят много, а все равно идут. Значит воинственность не иссякает. Они защищают родину? А что, интересно, защищают абхазцы? Остров Крит, Гватемалу, Саудовскую Аравию или Пелопонесские острова? Может быть, все-таки Абхазию, тоже свою родину, имя которой они носят. Их не пускают в родной город! На каком основании, почему? Им, что, он не родной, как другим? Где, собственно, **Истина**, справедливость, права человека, в конце концов?

Огромный ущерб нанесен природе города. Могучие исполины – эвкалипты, долгожители города, так хрупки. Снарядами срезаны ветви и даже толстые стволы. Прямо измочалены снарядами и их осколками. Гибли зимой от мокрого снега, валились прямо с корнем на тротуары, снаряды довершили их гибель. А теперь и люди топорами обтесывают толстую кору у стволов внизу на дрова, не довольствуясь тонкой корой с ветвей, которую сбрасывает сам эвкалипт. Варварство по отношению к родному городу **во всём**. И потом они называют себя патриотами Абхазии и города. Чушь это! Все нации тут живут чисто потребительски, не жалея ничего, только бы им было хорошо и они выжили. После них хоть потоп.

Важа Зарандия был прав! Не любит здесь никто и город, и Абхазию. А если Родина, то ее следует любить и беречь. И до обстрелов Сухум был уже в ужасающем состоянии. И не абхазцы привели его в такое состояние, не их руками он был разгромлен.

По-моему, здесь передышку используют для наращивания новых сил. Уже и те парни – соседи, которые до сих пор не были в гвардейцах, пошли в армию. А что это значит? Укрепляются, не доверяют абхазцам. А абхазцы им доверяют?

31 июля 1993 года

Всю ночь снилась еда: жареные котлеты, пицца итальянская с начинкой. Все это я покупала на базаре с боем. Страшно болит голова!

Валя Тарба с Лялей Инал-ипа ходили к абхазским руководителям за помощью. Сначала к Ануа, но он им ничем не помог, затем к Лакербай, который выделил им по 2 кг. пшеничной муки. Наверно, им тоже говорят, что абхазцы в Сухуме оставшиеся преотлично себя чувствуют… Я просить у них ничего не пойду. Я лишь жду возвращения сюда законных властей, могущих спасти нас от царящего тут произвола и

беспредела. Не вернутся, я пропаду. Ни денег, ни продуктов нет. Лишь чудом доставшийся хлеб, комбижир, вермишель и рис, а есть их не с чем.

«Печка-банка» моя развалилась – сплошной дым в квартире, от которого я плачу. Сосед – Игорь уехал, новую мне сделать некому. И вообще я пала совсем духом – сил нет больше. Хоть ложись и помирай.

1 августа 1993 года

Боже, скоро год со дня наших мучений! Такая усталость и нежелание больше бороться и жить. Видеть их уже никого не хочу! Просто видеть не желаю! Виновников нашей беды.

Пошла опять за дровами – люди не зевают, соберут всё и я останусь ни с чем, поэтому и мне зевать нельзя, хотя я уже **ни-чего** не желаю. **Ничего!**

Проехал «Икарус» полон гвардейцами. Прямо на Гумисту, на позицию. Потом вернулся пустой. Значит, отвез с комфортом. А то они всё пешком топают, а то и на велосипедах педали крутят. Укрепляются, значит. Такой вот мир – перемирие! В любой день может начаться всё с начала. Может и к наступлению на Гудаута готовятся. Надеюсь, и там не зевают. Потом промчался вихрем танк с развевающемся на ветру шелковым флагом и с ребятами на борту. На танке надпись «Георгия», но на иностранном языке. И чего они увлекаются надписями на танках не на своем, а на иностранном языке? Подражание, космополитизм? Игра в войну мальчишек? И впрямь, идут порой ребята лет пятнадцати – шпана. И с автоматами. Это что, тотальная мобилизация, старше уже не осталось? Как Гитлер бросал в бой юнг-штурмовцев? Снует туда-сюда большой желтый кран «Ивановец». Говорят, он поднимает танки. Разбитые или там, где им не пройти? Или загружает разбитые на платформы ж.-д. Или сгружает с них? Но мелькает он на улицах постоянно. Соседи русские пошли по ежевику на кладбище – меня не позвали. Собрали много. Они меня никогда никуда не зовут. Я – белая ворона среди них. Страшно одиноко и обидно. Зато я собрала дров – и это им уже завидно, что я тоже не зевала, а провела время с пользой для себя. Боже, как я хочу уехать из Сухума и из этого отвратительного дома подальше. Кончилась бы война, чтобы этим заняться.

И эти смешные зеленые маскировочные сети на машинах, танках и даже «Икарусах». Вводят ли они в заблуждение противника?

2 августа 1993 года

Пошла с утра в библиотеку. Сказали, что уже надо ходить и работать. Убирали территорию вокруг здания. Дали денег, и я смогла купить себе продукты: картофель, помидоры, огурцы, хлеб и топленое масло. Если бы не библиотека, с таким пенсионным обеспечением я ноги протянула. Карточку мою в собесе потеряли, никто ничего не знает, а девчонок – инспекторов нет. Можно ли так поступать с одиноким пенсионером? У них все можно! На рынке, и около, гвардейцев, видимо-невидимо. И на «Икарусах» - тоже. Укрепляются! Такой вот «мир». Слухи. В Каманах абхазцы расстреляли всю семью Ануа-абхазца. По распоряжению, мол, Ардзинба. Всех собак на Ардзинба вешают. А может у Ануа были свои враги?

На мое замечание, что все продукты в магазинах прошли мимо нас, на работе Медея К. сказала, что все продукты со складов Сухума бежавшие в Гудаута абхазцы вывезли туда. Значит, так их здесь информировали. Выходит родные мародеры не грабили здесь склады и магазины, а всё разграбили абхазцы. А было ли у них на это время, если они еле успели унести отсюда ноги. Вот такая кругом необъективность.

Но я снова ей заметила, что имею ввиду недавнюю гуманитарную помощь, а не давно разграбленные склады Сухума в августе прошлого года. Она уже промолчала.

Марина Л. – девчонка, ненавидит меня еще с 1989 года, когда в газете «Бзыбь» была напечатана моя статья с упреком Гамсахурдия. Она не здоровалась со мной. Я ей враг номер один! Смешно прямо! Как надоела эта их ненависть непонятно за что. Просто не обращать внимания – и все. Индюк тоже лопнул, говорят, от злости и ненависти. Подожду и я.

Меня работа не страшит. Но тяжело ходить так далеко пешком, после этого искать дома дрова, воду, топить печку и готовить еду. Снайперы абхазские, говорят, стреляют в эл. монтеров на поврежденной линии и не дают восстановить эл. свет. А без него я очень мучаюсь. И коптилка скоро останется без керосина – его нет. Не достать.

Взяла у соседки почитать исторический роман И. Ефремова «Таис Афинская». Интересно, но нет времени для чтения днем, а ночью нет света. Передохнула, придя с работы, поела на скорую руку и надо идти за водой и дровами в район Ачадара. У родника большая очередь. Люди привозят на тачках бочки, бидоны колхозные молочные и жди, пока это всё они наполняют. А у меня всего-то банка на 5 л. воды. И попросить пропустить вне очереди мне неудобно. Такая вот дурацкая деликатность. Хорошо хоть дрова по дороге наберу. Ну, я – ладно, хожу за ними за город, а

что делает в центре города Цица Ампар с дочерью? Где им взять, живущим на ул. Фрунзе, дров? А у них тоже печка.

Снуют по дороге в Ачадара все военные машины защитного цвета. Любые – грузовые и прочие. Что-то отвозят туда к Гумисте, увозят. Укрепляются! А о чем же договор подписали, не пойму. Так и будем жить в подвешенном состоянии: ни мира, ни войны? Но мы измучались без всего, что нужно цивилизованному городу: света, огня, воды, а зимой (а она на носу) и тепла. Сколько ждать и чего, собственно? У родника группа грузин что-то бурно обсуждает. Конечно же абхазскую проблему. Слышу я плохо и понимаю слабо. А лучше не слышать и не понимать – так спокойнее для здоровья.

3 августа 1993 года

Говорят, в Тбилиси собрались женщины, потерявшие сыновей в войне с Абхазией, у парламента и заявили протест: почему сдали Сухум, во имя чего погибли их сыновья.

Значит мало гибели их сыновей, нужно, чтобы и у других погибли? А сдали кому, неприятелю, что ли, а не таким же законным хозяевам города, какими считают себя они? Сухум так далеко от Тбилиси. Мало им там своей родины? Почему они ищут ее еще и тут и норовят отнять ее у абхазцев? Шеварднадзе не может не понимать, чтобы политик такого класса (какого?), миролюбивый политик, пользующийся большим международным авторитетом (из-за чего и призвали его грузины к себе править) не мог что-то сделать в этой неправедной для Грузии войне с абхазцами? Даже при сохранении территориальной целостности Грузии. Он с каждым днем этой войны теряет свой международный престиж и авторитет. Все понимает и не хочет войны – ему ее навязали его агрессивные соплеменники и желают ее продолжать для окончательного решения абхазского вопроса. Уж лучше бы он оставался в Москве и жил там уютно и спокойно. На всех не угодишь!

А тут беспредел продолжается. Беспричинно палят из автоматов в воздух хулиганы, полагаю. Хоронят какую-то врачиху, убитую гвардейцами.

На заколоченных дверях медпункта на вокзале на русском языке висит записка безграмотная: «Грабили 5 раз, тут нет нечего, не ломайте дверь шестой раз!». Почему на русском, едва ли это делают боящиеся сейчас здесь всего русские. Надо писать на грузинском языке. Лишь грузины ничего тут сейчас не боятся, кроме обстрелов из-за Гумисты.

И кто сказал, что Сухум сдан абхазцам? Если круглые сутки идет поток вооруженных мужчин (любых, и даже похожих на кого угодно, с бакенбардами, бородой и черной шляпой, мальчишки

лет 15-16-ти), с грохотом мчатся к Гумисте и обратно танки, а город и рынок наводнены военными, то о мире говорить рано. И в любой момент, к радости тбилисских мамаш, война может возобновиться, и тогда оденут траур новые мамаши. Неужели им это нужно?

В Доме железнодорожников у них давно какой-то штаб: много любых марок машин, военных, но ни разу ни один снаряд в это здание не залетел. И вокруг все жилые дома стоят с целыми окнами. Я не сожалею об этом, а просто прихожу к выводу: возле этого их штаба ни одна пушка, не стояла и не стреляла за Гумисту. Берегли это здание и свой штаб. Естественно, и оттуда не целились в них. Зато в центре города, между нашими домами стояло много пушек и весь ответный огонь из-за Гумисты принимали на себя мы, а не пушки и их штаб. Теперь мне понятно выражение: «Вызывать на себя огонь!». А стреляли тут пушки возле нас с раннего утра и до поздней ночи. И мы со страхом постоянно ждали ответного огня. И он приходил, и мы бежали в подвал.

5 августа 1993 года

Вчера 3 часа просидела у водного источника на горе – очередь. С одним-то ведром. Сегодня пошла к роднику в Ачадара, а там тоже масса людей с тачками, бочками, бидонами, а у меня всего 2 стеклянные банки. Я ушла, а по дороге набрала дров. Одна радость, что не стреляют, но жизнь тяжелейшая. Ничего для жизни нет: ни огня, ни воды, ни света… Я так устаю за день от поисков всего этого да еще на работу туда и обратно иду по жаре пешком, что ночью не могу уснуть. Засыпаю под утро как раз когда надо рано вставать. При грохоте пушек я лучше спала на полу в ванной комнате. Днем писать дневник некогда, ночью – света нет. В коптилке последний керосин – его уже не продают. Будем ходить в темноте. Шла из Ачадара с дровами и видела: гвардейцы идут, идут и едут, едут к Гумисте. Очень много! Кто на чем: пешком, на велосипедах на подножках грузовых автомашин, в багажниках легковых автомашин, на танках, на бамперах и капотах грузовиков, вилисе, кто на чем. Ощетинились, укрепляются, а разговоры о мире. Участились грабежи квартир. Наверно спешат дограбить, пока сюда придут абхазцы. Обобрали два дня назад Валю Джикирба-Агрба. А она сидела тут почти весь год и караулила свое имущество. И вот когда казалось бы конец войне, ее не «забыли». Унесли два телевизора, постельное белье, книги и даже подушки. Все погрузили на машину. Было их 6 человек в военной форме вооруженных. Могут и за мебелью еще приехать. Сын Вали Агрба работал на абхазском телевидении в

Сухуме.

Смешно то, что абхазцев и сейчас пускать сюда не хотят. Ни с оружием, ни без оружия. Не знаю о чем там политики в высших сферах договариваются, но грузинское население, по их разговорам, не хочет возвращения в Сухум абхазцев. В самом деле, зачем им тут абхазцы, без которых они неплохо живут: грабят негрузинское население и наживаются за счет этого, захватили все продукты питания в свои руки и все источники продовольствия (склады, пекарни, магазины), лишь малую толику гуманитарной помощи они выбросили в магазины (и то не во все и везде), немного отдали старикам-пенсионерам, а остальное ушло неизвестно куда. Появился хлеб, но едва ли надолго – мешками с пекарен увозят муку. Придут абхазцы, власти и всю эту вольготную жизнь пресекут и заставят жить всех одинаково, быть равными, а не избранным народом. Естественно, они будут помехой и не нужны.

Если бы абхазцы пришли на положении пленных, сдавшихся, сложивших добровольно оружие, то это было бы терпимо, можно подчинить их себе, осадить и заставить жить теперь на втором плане. Но они сюда не идут на положении пленных, а с условием, чтобы им вернули их власть. А это уже другой коленкор, не устраивающий грузинское население. Потому и не желают пускать, потому и ощетинились и не очень охотно пошли на такой мир. Но другого выхода тогда, кроме продолжения войны, нет. А это очень нежелательно **всем**, кто здесь живет и абхазам – то же. Кто хочет погибать? Вот и сидим и ждем. Пока ни мира, ни войны. Ну, хоть пушки молчат, а это уже кое-что. Дальше сидите и договаривайтесь

Свет нам не дают абхазцы, как говорят, требуя от другой стороны наладить эл. снабжение г. Ткварчели. Правильно, ошибки и ущерб надо возмещать и исправлять обеим сторонам, если они пекутся о населении.

6 августа 1993 года

Разговоры их у родника в Ачадара на своем языке. Я не понимаю, Дуся Ал. была со мной – перевела. Итак: «Теперь очередь сванов. Приедет Дж. Иоселиани и все сделает по-своему». Надо полагать, по-своему решит абхазскую проблему. Уничтожив весь народ бандой «Мхедриони». И еще сказали, что какие-то беженцы (не знаю какой национальности) вернулись в Сухум, но сваны их не пустили в свои дома и квартиры.

Значит, очередь сванов! Теперь они возьмутся за нас, и тут добра не жди.

Хлеба уже нет, кончилась мука. И неудивительно, муку увозили тачками в мешках прямо с хлебозавода или с ж.д. путей

из вагонов. Они, а кто же еще?

За водой тоже беспредел, Валя Т. ушла с родника плача, не взяв воды. С водой все хуже и хуже. На Гумисту проехал грузовик, полный байковых одеял. Для МС или гвардейцев? Они там в зарослях у реки днюют и ночуют. Но зачем абхазцам штурмом брать Сухум, если по Договору они имеют право мирно прийти в город? Но пускать их не хотят. Смешно, это законных-то жителей города! А у реки масса ребят из Тбилиси, а не сухумцев. Что им тут надо?

Приехала из Зестафони гвардейка Р., что разорила квартиру Анзора М. Дограбить пока вернутся законные хозяева квартиры. Грузила с парнем в легковую машину. Не стыдно ли ей перед соседями – грузинами нашего дома? Ведь это просто воровство. Приехала воевать, так воюй, а зачем без конца грабить? Уже год! Это позорит и их армию и нацию вообще. Но они так, видимо, не считают.

9 августа 1993 года

Танки с пушками наверху снуют туда-сюда по городу, мчатся по ул. Эшба к Гумисте и обратно. На броне группы гвардейцев лихих. В центре города танк ненароком задавил легковую машину. Из сидящих в ней мужчин (грузины) погиб один, за рулем. Зачем в такие дни, когда только и разговоров о вводе МС по центру города должны бесноваться танки и давить горожан? Мне это непонятно.

На машине скорой помощи с Красным крестом надпись опять на привычном им иностранном языке: «Кобра». Причём здесь «Кобра» и «Скорая помощь». Раздражает нелепая подражательность иностранному всему…

И еще: вернулись какие-то беженцы в Сухум, сваны их не пустили в свои дома и квартиры. Какой национальности были беженцы, не знаю, не сказали. Это из их беседы у родника. По ул. Эшба много стало машин крытых брезентом и больших типа рефрижераторов. Что развозят, кто знает. Провезли полный грузовик байковых одеял. Может, для МС, а они в Абхазию не спешат.

Обещают свет на днях, уже сил нет жить без огня и воды. Рубят роскошные эвкалипты на дрова, я подбираю ветки.

Дограбливают абхазцев, и тех, кто остался, и тех, кто бросил квартиры и имущество и бежал. Снова «чистили» квартиру Светы Логуа. У Юры Чкадуа унесли даже входную дверь, разобрали и унесли паркет, в квартире у него уже вообще нет ничего…

На работе я устроила санитарный день: всё убрала, вытерла

пыль, подмела и вымыла пол. Теперь занимаюсь карточками. Хожу пешком, т.к. транспорт не ходит. Хожу через день – очень жарко, далеко, а дома – поиски воды и дров, как обычно. Уже скоро год нашим мучениям и блокаде города.

Ночью были перестрелки у Гумисты. Отсюда стреляли каким-то орудием, из-за Гумисты ответили автоматной очередью. Такой вот «мир». Он Тбилиси не нужен, это я поняла из статьи Н. Натадзе в их «ДА». Смешно это звучит – «Демократическая» Абхазия!

А мы живем еще и впроголодь : головка чеснока – 200 р., 1 кабачок – 500 р., кукуруза 1 кг. – 800 р., болгарский перец – 600 р. за кг., а острый 3 шт. – 100 р., цена на помидоры и огурцы колеблется в зависимости от величины плода в пределах 200-250 р. Вот и живи! Пенсия 4 тыс. рублей и ту мне не дают второй месяц. Если бы не моя прежняя работа, все имущество пришлось бы распродать и тянуть, чтобы ноги не протянуть.

12 августа 1993 года

Хлеб, хлеб и хлеб! Живу на сухарях, но и их мало у меня. Хлеб на заводе появился да не для нас. В отдельном окошке (как белые в Америке отдельно от негров, т.е., нас) берут одни мегрело – грузины. В очереди из них стоят единицы, слишком уж совестливые. Весь хлеб – им! Простояла с 4-х утра до 10 утра – ничего! Пойду опять вечером и буду стоять упорно до глубокой ночи. Если это «демократия», то что же такое фашизм? Неужели они не понимают, что такое распределение хлеба и продуктов лишь ссорит всё негрузинское население с мегрело-грузинами, вызывает недоумение, досаду, злость и вот тут уж и ненависть. Так вести себя шовинистически, как они нельзя.

Все мегрелы соседи в доме – с хлебом. Собак им кормят, а я без хлеба. Соседка по площадке, дверь в дверь, муж – гвардеец, сумками приносит хлеб, мне никогда не предложат батон. Я бы заплатила. Они берут хлеба столько, сколько хотят: себе берут гвардейцы, домочадцам, соседям, знакомым, просто тому, кто их попросит. Одни берут полный мешок, другому не достается и батона. Такая вот «демократия». Господи, неужели ты не видишь страшного беззакония? Кто же нас тут спасет? И когда? Я в отчаянии! Войска выводить не собираются, наоборот укрепились и будто готовятся к новой войне, а через два дня исполняется год, как она началась. И всё, будто так и надо. Хлеб весь съедает армия вместе с грузинским населением, абхазцев назад в Сухум не пускают, в Тбилиси убили американца… Собственно, это хорошо, может США поймут **что за страну** приняли так поспешно в ООН и не пора ли ее оттуда удалить. Беззаконная,

террористическая, смешно говорить о ней, как о цивилизованной, где хлеб распределяется по национальному признаку: сначала – своим, а уж если что останется – другим. А остается очень мало, не хватает. Ведь и они, и их войска здесь сейчас – основное население.

Кроша свои старые, больные зубы, грызу сухари. Условий для жизни по-прежнему никаких. Не выстояв хлеб, пошла к колодцу за водой, где, слава Богу, не было на этот раз очереди. В квартире дым, сажа, копоть и пепел. Потолок в кухне почернел, не успеваю сметать нанесенную дымом черную паутину, посуда, стол, холодильник – всё покрыто серым пеплом.

Интересно, абхазцы в нынешнем руководстве Сухума – Маршания, Эшба, Ануа, Лакербай и другие – знают ли как распределяется хлеб? Или у них есть всё, и это их не интересует. А надо было бы им знать, прежде чем призывать к дружбе навеки между абхазами и грузинами. Грузинские племена (сваны, мегрелы) сами не находят общего языка, что же они хотят от абхазцев совершенно отличных от них по складу характера и нравов, языку? Из-за их разборов кто будет у власти в Тбилиси нам здесь жизни больше не видать. И абхазцам все равно кто будет главой Грузии. Кто бы ни был Абхазии от этого не легче. Конечно, такое несправедливое распределение хлеба возмущает русскоязычное население. И, главное, всё это видят дети, стоящие тоже в очередях. Зачмеательный пример интернационализма и дружбы между народами!

Ура-а-а! На секунду мелькнул свет и снова погас. Пробный, наверно. Я не верю в то, что у нас теперь будет когда-либо нормально гореть свет. Даже странно и непривычно видеть электрический свет.

Пришла почтальон и принесла пенсию за два месяца сразу! И никто не спрашивает, как ты, одинокий пенсионер, жил всё это время и на что. Если бы не родное мое бывшее учреждение, сидеть бы мне на барахолке со своими вещами и всё продавать. А потом, попробуй, купи себе всё это снова.

15 августа 1993 года

Когда два дня назад мелькнул в квартире эл. свет, я орала «Ура-а-а!», но он погас через несколько секунд и надолго. Когда я увидела идущий впервые по городу троллейбус, я снова орала «Ура-а-а!» прямо по улице, никого не стесняясь, а прохожие улыбались. Когда сегодня, наконец загорелся в квартире свет, но я уже нечего не орала, сил не было и чувства притупились, сколько и чем можно осчастливить бедных блокадников. И я вспомнила строки из романа «На скользком пути» Эристави-

Хоштария:

«Беден, кто судьбы в ненастье,
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв».

Это обо мне в нынешней жизни. Теперь бы воду заиметь, и вздохну немного. Телевизор заработал. Слушала «бесподобную» Н. Гонгадзе. Оказывается Грузия обеспокоена депортацией грузин из Гагра и др. мест, контролируемых абхазцами. А кто-нибудь обеспокоен абхазцами, спасавшимися в бегах из зоны конфликта? А где они в Сухуме, абхазцы? Их не депортировали, но они бежали, спасая свои жизни. И не все оставшиеся тут благополучно пережили войну.

Не пойму я, чего добились абхазцы этим миром. Зачем столько жертв понесли? Что изменится по сравнению с довоенными (с августа 1992 г.) временами? Откуда у абхазцев оптимизм и на чем он основан? Самораспустится парламент, так как он будет недееспособен, поскольку ни один грузин работать в нем не выйдет при нынешнем составе парламента; будут новые «демократические» выборы и поставят во главе парламента марионеток. Все-то известно заранее. Но политики так решили. А ведь Сухум был уже почти «в кармане» абхазцев, окруженный со всех сторон абхазской стороной. Поживем – увидим! Но я полна сомнений и пессимизма. Между тем я позавчера выстояла очередь за хлебом 16 часов! Рекордная цифра. Хоть зажегся свет – и то слава Богу! Теперь хотя бы воду получить и отмыть всё от сажи, пепла… Надолго ли этот свет? И наладится ли быт?

17 августа 1993 года

По телевидению уже третий день обнадеживающие вести – войска уходят, а на деле? Промчался на всех парах к Гумисте танк, на броне - группа воинственных гвардейцев в разной одежде, у Ачадара патруль, проверяет машины… Отвели их войска к Дранда, но они же не уходят совсем из Абхазии. Это не вывод войск, а разъединение противоборствующих сторон, **разведение** войск. Есть разница. Я им не верю, во всем вижу подвох, они одурачат глупых (это я от злости) абхазцев. Ну и что, если тут МС. Будто нельзя и это обойти. Всё может этот народ. Всё! Я не понимаю и радужного настроения здешних абхазцев, которые, поднимая большой палец, говорят, что всё будет отлично и о'кей! Ой ли! Я не вижу причин для оптимизма. Да, не стреляют и это отрадно. Кому нужна война, гибель, кровь… Но чего, собственно, добились абхазцы? Ради чего погибло столько молодых абхазцев? Ну, грузины гибли, но они отстояли свою

территориальную целостность, уничтожили, по слухам, 20 тыс. абхазцев, разрушили, разорили, разграбили Абхазию, нанесли ей колоссальный материальный ущерб, парализовали экономику, дискредитировали законное правительство и уповают на новые, «демократические» выборы, где в парламенте будет больше депутатов – грузин… Словом, они вернулись к тому, что было до войны, а абхазцы к худшему состоянию! Нет, победители есть! Они победили, и уже заранее пишут в своей «ДА», что ни одна страна не признает Абхазию как самостоятельное государство. И это вполне вероятно. Так из-за чего был сыр-бор и столько жертв? Может было лучше сразу «лапки кверху» и сдаться? По крайней мере, 20 тыс. абхазских ребят были бы живы и дали потомство. А теперь не 17-тью процентами будут нас попрекать, а все 10-тью. Мне очень грустно и тягостно на душе. Я не столь оптимистична, я, по гороскопу, Скорпион, всё подвергаю сомнению и недоверчива. Но поживём – увидим! Дай Бог, чтобы мои сомнения оказались напрасными.

По телевидению гудаутцы показали, как они отправили домой северкоавказцев. Не поспешили ли? Отсюда пока никто не ушел. Сосед из дома напротив, принес воду, затем одел форму, взял автомат и ушел к Гумисте. Армянин! Вот так они «отводят» войска из Абхазии! Наивные гудаутцы. Возвращаются домой в свои квартиры сухумские грузины. Уверенные, довольные. А абхазцы сухумские когда вернутся? И вернутся ли? Жить рядом будут отчужденные, отношения натянутые с грузинами. Особенно у тех абхазцев, которые бежали из Сухума. Мы, оставшиеся тут на время войны, хоть претерпели всё вместе с грузинами: холод, голод, обстрелы, безводье и т.д. И то, когда я прохожу мимо, смотрят на меня, как на доисторическое ископаемое или обезьяну макаку из питомника. Что они думают в это время обо мне, я не знаю. Но догадываюсь. Не потерпели бы фиаско гудаутцы с **таким** выводом войск. Никто никуда не уходит. Вернутся абхазцы, с ними могут запросто разделаться. И плевать им на мировое сообщество и авторитет Шеварднадзе. Не могу объяснить почему, но у меня очень неспокойно на душе, даже тревожно. Интуиция женская или что еще?

18 августа 1993 года

ЦТ и С. Шойгу не в курсе дел. Все грузинские гвардейцы, как и прежде, ходят на дежурство у р. Гумиста и сидят там. Мелькают иногда и танки. Всю ночь у вокзала палили из автоматов неизвестно по кому. Хлеба не дают. Его берет только грузинское население мешками и фургоном для гвардейцев. Так кто же их развёл и вывел? Это неправда! Из с. Дранда к «Колосу» приехали

люди за хлебом.

Я полна сомнений и тревоги. А телевидение утешает и наверняка не знает всей правды. Выведут они войска – держите шире карман!

Неужели абхазцы так доверчивы и наивны?!

19 августа 1993 года

День Преображения, а я как-то и забыла об этом. Пошла в Новый район к Саре поделиться своими сомнениями и тревогой. У их дома стоят два танка, как всегда. Но сейчас их всего два, а было раньше больше. Сара на меня накричала: всё хорошо, всё идет нормально, в Гудаута сидят не профаны!… Дай-то Бог, чтобы мои сомнения были беспочвенны. Танки, говорит она, до сих пор не выведены, т.к. нет горючего в них. Это они так нам, наивным, объясняют. Между тем, усилились грабежи и убийства – время стало опаснее, чем прежде. Через балкон на третий этаж проникли в квартиру подруги Сары – Нары Карал-Оглы и ее, тоже подруги – украинки. Они живут на площадке рядом. Обокрали и избили. Ребята были в военной одежде с автоматами. Конечно, переодетые воры. Зачем гвардейцам лезть через балкон, они обычно входят в дверь, сломав ее или вышибив ногами.

В поездах, в сторону Тбилиси, тетки в глубоком трауре и с шеренгой фотокарточек убитых на груди (надеясь, что их так больше пожалеют) вывозят из Сухума всё что только можно. Везли такие тётки в чемоданах медь, собранную с эл. проводов. У них ее отобрали.

Шеварднадзе по телевидению заявил, что лишь 20% гуманитарной помощи, поступающей в Абхазию, попадало к военным. Они сидели тут голодные, на одном хлебе. Например, сегодня, сказала С., хлеб гвардейцам, квартирующим в их доме, даже не привезли. Зато мужики – грузины, не военные, брали хлеб **мешками** у хлебозавода.

Вся остальная гуманитарная помощь растаскивалась мафией, спекулянтами и попадала в частные руки, грузинские, конечно, в основном. Вот так население республики «кормило» свою родную армию. Кто же так согласился бы воевать, защищать паразитирующих элементов? И долго ли?

Сара меня толком не утешила, лишь наорав на меня, зато сама расстроилась, глядя на мои тревоги. И она сказала: поживём – увидим! Дай-то Бог дожить до лучших времен – время страшное, хуже, чем во время войны.

21 августа 1993 года

Нет, техника и войска из Абхазии еще **не ушли,** лишь **отведены**. А вчера и танк промчался со стороны Гумисты в город. Слухи, что они закапывают свои танки. Вполне вероятно. По городу снует экскаватор, умеющий глубоко рыть и кран «Ивановец», могущий эти танки поднимать. «Новости» и «Вести» порой вообще уже молчат об Абхазии. Все, что происходит, вселяет в меня тревогу и недоумение. Осталось всё так, как было до войны, как хотели грузины. За что тогда жертвы со стороны абхазцев? И что им, абхазцам, светит впереди.

Вызывает подозрение моё подземный переход у поворота на Старый поселок. Они возились в нем в те дни, когда грозило вторжение абхазских войск. Видимо устанавливали там взрывное устройство или мины.

Ведь это – центральная магистраль в Абхазии с запада, из Гудаута. Но вот возятся там и сейчас, хотя наступил вроде мир. Может разминировали или, наоборот, что-то еще установили, готовя террористический акт на случай въезда в Сухум абхазского законного правительства? Во всяком случае, эта возня в подземном переходе мне кажется подозрительной. И сказать и сообщить на ту сторону невозможно – нет связи. Да и боюсь я, убьют меня за рассекречивание тайны. Говорят, Ардзинба сейчас не вернется в Сухум. И это верно, у него здесь среди грузин – все враги. Все до одного! Будут ему мстить. Так что не исключено его физическое устранение любым способом. Ищи потом террористов. Да им и плевать, найдутся такие, кто пожертвует и собой для устранения Ардзинба – не будет тянуть Абхазию к самостоятельности. Считают, что все дело в нём, а все другие абхазы – лишь покорная толпа, овечье стадо, которое надо лишить вожака, и всё образуется.

Телевидение Абхазии стало сдержаннее в оценках и высказываниях, меньше оскорблений в адрес абхазцев – даже совсем без оскорблений. Все это – результат, наверно, назначения Шартава, сменившего ядовитого Надарейшвили, удравшего в Тбилиси и увезшего туда же своего Сосо Ахалая – этого дегенерата по внешности и по сути.

Ушли с той стороны северокавказцы и казаки. Их на границе разоружают.

А кто разоружит здешних супостатов? Вчера уже они по городу ходили почти без оружия, не считая холодного – ножи за поясом. Они оружие просто попрятали по своим домам. Разоружат ли их и кто? Или так и будем жить словно на пороховой бочке до нового столкновения и рукопашной. У соседей-грузин остались «гостить» какие-то мужчины «на всякий

случай». Город был до войны и сейчас наводнен **не жителями Сухума.** Сухум теперь просто Чубурхинджи – он стал совсем грузинским. Идет корабль, русские опять будут покидать Абхазию. А что остается делать – здесь жить невозможно ни в каком смысле. Хлеба опять нет, нет и нет! Достала немного теста на хлебозаводе и пеку пышки, а потом опять меня ждут сухари. Свет, слава Богу есть, за водой ходим на улицу к повороту на Старый поселок. Вода опасна, грозит эпидемия.

Итак, наблюдаю с недоумением и горечью: на той стороне уехали северокавказцы и казаки, их на границе разоружили (всё, что и требовала и ждала Грузия), а они тут, даже не местные, чужие, сняли военную форму, спрятали автоматы и ходят и живут, как гражданские в грузинских домах и квартирах. Все тут, никто никуда не ушел. Наступит удобный момент, надеть форму (или даже без нее), всего лишь взяв автомат, и истребить окончательно ненавистных, мешающих им жить, абхазцев. Наверно, резня и наше уничтожение еще впереди!

Кто додумался до такого решения вопроса, т.е. одностороннего разоружения? Абхазцам тоже сюда с оружием войти не дадут. Всё худшее еще впереди! Бронетехника и пушки тоже из Абхазии не выведены. Ни одна единица! Горючего нет для вывода, - говорят. Что за глупость!? На кого рассчитан обман? Зачем горючее, если как видно из съемок по телевидению, техника стоит вся на ж.-д. платформах? Поезд же увозит, не самоходом же идут! В общем, обдурили наивных абхазцев. Кто всё решил так за них, Ельцин, Шеварднадзе, ООН? За кого они приняли этот малочисленный народ абхазцев? За дикарей наивных? Зачем абхазцы пошли на всё это? Неужели они рассчитывают на то, что им дадут действительно самостоятельность? Святая простота!

Выбрано новое правительство в Грузии – Совет Министров. Новый премьер-министр заявил, что будет бороться за единую Грузию. Опять Абхазия как бельмо на глазу? А почему бы ему не сказать, что будет бороться за **единство грузинского народа?** Ведь тянут все в стороны как лебедь, рак и щука, между собой не найдут согласия, а хотят найти согласия с абхазцами. Где же логика? Наша жизнь здесь сейчас, как в Израиле арабов и евреев. Да, это Ливан, Ольстер и что хотите, но не мир. Так и будет впредь с развалом Союза. Это **свобода** абхазцам, когда рядом будут жить переодетые гвардейцы, не жители Абхазии, а из районов Грузии?

Грузия всегда в обиде на Россию, что она, мол, помогает абхазцам. А по-моему Ельцин надул и облапошил абхазцев в пользу Э.А. Шеварднадзе, своего дружка по развалу Союза.

Другого ждать и не следовало. И эйфории абхазцев тут в Сухуме мне не понять. Может они не поняли что происходит? А С. Шойгу что, ничего не видит что происходит? А куда смотрит миссия ООН? Грузины скажут, что местных, мол, ребят выводить некуда. Но они не местные, это ложь, они все приехали, эти переодетые в гражданскую одежду мужчины, из Грузии. Тут не живут.

Помидоры – 1.000 р. за кг., зеленая фасоль, болгарский перец, баклажаны и т.д. – всё по 2.000 руб. картофель – 3.000 р. лук – 4.000 и выше.

А пенсия всего 4.600 р. Не хватает ни зарплаты, ни пенсии. Хоть бы кто стариков пожалел. Увы! Грузия закусила удила и стала на дыбы! Хаос, бардак, неуправляемость, царство мафиози! А Звиад снова призывает своих сторонников к активизации действий. Так и будем жить до смерти? Не могут найти общий язык друг с другом, почему же они удивляются, что абхазы стали сепаратистами, стремятся к отдалению от мегрелов и грузин?

Заселили за год войны все пустоши и пустыри. С пропиской и без нее. При таком раскладе сил абхазцев теперь будет не 17%, которыми они вечно нас попрекают, а все 5%. Будь моя власть, я бы первым долгом удалила из города и Абхазии посторонних, пришлых, самовольно приехавших и осевших тут людей. Устрожила бы и упорядочила прописку. Займутся ли этим сейчас абхазцы? Вряд ли! Если опять не начнется, миллионные теперь, взяточничество за незаконную прописку. Жить трудно и всем нужны деньги, а патриотизм тогда – побоку. Оттого мы и дошли до войны и до жизни такой. Из-за отсутствия патриотизма! Оптом и в розницу распродажа квартир, домов, самой земли в Абхазии. Увы, всё это так и было.

10 сентября 1993 года

Ничего больше писать не хочу. Я заболела от перепадов настроения: то отчаяние и разочарование, то забрезжившая вдруг надежда и обратно. Боюсь, что не дождаться нам освобождения. Всё очень тягостно! Надо переправить Дневник в Гудаута – дома держать его опасно. Завтра пойду к верхнему мосту у Гумисты.

Опять началось, и возникло желание и дальше описывать события. Так и не удалось устроить встречу у моста – заговорили опять пушки.

18 сентября 1993 года

Опять началась война – разрушен хрупкий, на ниточке висевший мир. А все потому, что грузинская сторона не выполняет важнейших пунктов сочинского соглашения: не вывезли технику, а так просто поломанную и свое личное и

награбленное имущество, остальную попрятали, закопали, и главное – не пускают в Сухум ни прежнее правительство, ни беженцев – абхазцев. Обеспокоены они лишь тем, что не могут вернуться грузины – беженцы в зону Гагра и Гуадута. Между тем все грузины, бежавшие в восточную Грузию, вернулись почти все в Сухум.

И вот снова стрельба, еще сильнее прежнего. С каким ожесточением бьют они туда сразу возникшими откуда-то «Градами» и гаубицами (так вот «вывезли»). Круглые сутки бьют, как бы при этом говоря: «Вот вам, вот, только посмейте вернуться в Сухум!». И как им только не стыдно! По этой маленькой горстке абхазцев бить с таким остервенением и злобой!? Может опять украинцев на помощь призовут? И не стыдно! Не могут справиться с горсткой.

Не знаю, не знаю, что нас ждет. Уцелеем ли мы теперь. Видимо, уже без взятия Сухума не обойтись, даже если это и грозит большими жертвами. Сюда по-другому они абхазцев не пустят! Надо же – таких же законных, и даже законнее их, жителей города, чем все они вместе взятые.

Хотя я не пойму, чем пушки могут решить вопрос взятия города. Лишь рушатся дома и гибнут мирные жители, а гвардейцы с их пушками все остаются целехоньки. Тут надо просто идти в атаку и брать город нахрапом. От пушек же гвардейцы никуда не побегут. Каждую минуту мы подвергаемся опасности от попадания снаряда в дом, в квартиру. Невозможно что-то сварить, света ведь опять нет, поесть спокойно. Нет хлеба. Валя Хашба дала мне горстку пшеничной муки. Смешала с манной крупой и сделаю лепешечки. Голод уже наступает на пятки, а тут опасность от обстрелов. Так и не смогла я устроить свидание с кем-нибудь из своих гудаутских родственников на Гумистинском мосту. Не успела, опять заговорили пушки. Опять ни воды, ни света, ни хлеба и пушки грохочут круглые сутки. Установила печку. Она очень хорошая, по крайней мере, зимой смогу согреться и от щепочек, если и нет дров. Цены на овощи невообразимые. Но купила на нашем «пятачке» помидоры по 2.000 куп.за кг. Получила пенсию 9.300 куп. И уже от нее осталось лишь 3.000. А ничего в сущности я и не купила стоящего. Овощей нет, фруктов не ем, хлеба нет, муки – тоже. Опять я сплю на полу ванной комнаты. В нашем доме сосед по фамилии Маргания, зовут Гриша. Мегрел. Он ударил свою русскую соседку лишь за то, что она изволила сказать: «И на нашей улице будет праздник!». Ударил он и другую соседку-армянку, тоже, сказавшую что-то ему не по нутру. Вот такая «демократия» и разрешение инакомыслия. Надо всем молчать,

набрав в рот воды.

Позвала соседка – О.М. и дала мне мисочку мелких яблочек, и, о, чудо, мисочку белой пшеничной муки. Мне на лепешки пока хватит продержаться. Я во втором часу ночи сегодня выходила к хлебозаводу, так страшно было, ни зги не видно, на улицах мертвынь, на заводе никаких огней и ни одной живой души рядом и вокруг, когда обычно там в такое время уже бывало столпотворение. Видимо, кончилась мука. А что дальше?

Сейчас пушки молчат, но стрекочет какое-то оружие вдали. Наверно, это и есть минометы… Нарушили абхазцы договор о прекращении огня? Но весь вопрос в том: почему они это сделали? А вот на этот вопрос и закрывают все глаза.

Раньше грузинские парни воевали за территориальную целостность Грузии, как они говорят. А сейчас за что они сражаются, если Абхазия все равно осталась в составе Грузии? Наверно, за то, чтобы не давать ей никакой, даже минимальной свободы и держать навеки в узде. Если сейчас абхазцы не вырвутся из-под этого гнета, им никогда уже не вырваться из-под него. Это – последний шанс. Дается он очень и очень тяжело, с большими жертвами и потерями. Но никто никогда в мире не преподносит свободу другому народу на блюдечке с голубой каемочкой. Свобода и независимость дается лишь в борьбе, с кровью и жертвами. Такова жизнь испокон веков.

Не нарадуюсь на свою печку. Я ее купила ранней весной за 1.000 р., а сейчас даже маленькая стоит 30 тыс. Моя же довольно большая, с духовочкой, в которой все можно испечь, запечь (вот яблочки запеку). Вся проблема в дровах. Но и дров она, как я заметила, берет не очень много, т.к. я внутри поддон печки и бока ее обложила кирпичами. Они долго держат тепло. Теперь зимой я не замерзну, если не погибну до нее. Даже корой эвкалипта согреюсь. Надо же, абхазцы дали нам за этот месяц и свет и воду, и троллейбусы пошли, телевизоры мы смотрели, готовили еду на эл. плитках, купались, и вот всё пошло коту под хвост – все снова исчезло. Мне страшно, допустим войдут в Сухум абхазцы, но тогда тут грузины каждый дом превратят в крепость. Я уже вижу на верхнем этаже разгромленного рабочего общежития возле нас, в окне, какого-то парня в военной одежде. Они прильнут ко всем окнам и станут стрелять по абхазцам. Снайперы! Погибнет много наших ребят. А если хозяева квартир не впустят грузинских снайперов к своим окнам, будут стрелять и в хозяев. Очень все это страшно к непредсказуемо – взятие Сухума. Не так все просто! Для абхазцев это все равно что взятие русскими Берлина в 1945 году.

Сейчас сезон винограда, инжира… Как хочется их, я лишь

облизываюсь. Стоят это тысячи и тысячи за кг. А мне ведь и овощи нужны для какой-то еды к обеду. Утром купила помидоры, с ума сойти, за 2.500 куп.за кг. Можно ли так прожить?

К вечеру сгорела табачная фабрика в старом поселке от попадания снаряда с той стороны, абхазской. И еще горело какое-то предприятие пустующее в Новом районе, я видела это от соседей с пятого этажа.

19 сентября 1993 года

Знаменательный день – в городе, по слухам, появились абхазцы. Весь день шла, как обычно, артиллерийская сильная стрельба – с той и этой стороны. Я из квартиры постоянно выбегала на площадку лестничную, а оттуда в подвал – я же на первом этаже живу, благо – подвал близко. Возле него у нас стоят стульчики и скамеечки – соседи все спускаются. Уже смеркалось, и я ушла в квартиру, несмотря на залпы пушек с этой стороны. Потом приоткрыла дверь квартиры, чтобы взглянуть сидят ли еще соседи на площадке у подвала и вижу, что все возбужденные и куда-то рвутся выбежать во двор. Спрашиваю, что случилось, - никто не отвечает. Высунулась из дверей и Дареджан, я и у нее спросила, а она мне с раздражением ответила, что, мол, не знает, все куда-то бегут… Отлично знала! Спросила у рядом стоящего соседа – Хазова, и он ответил: «Тут абхазцы, абхазцы в городе!». Так громко сказал. И это звучало, как если бы он сказал, что в городе – снежный человек! Легкая паника, все гудят, куда-то рвутся, а чаще всего в свои норы – квартиры, все разбежались по своим углам. Я тоже ушла к себе с горечью думая: «Почему они так переполошились, будто абхазцы какие-то разбойники, будут сейчас всех резать или грабить, будто это какие-то дикие папуасы и еще невесть кто»? Высказала это мнение и одной русской соседке, сочувствующей нам и тоже очень ждущей возвращения абхазцев. Но больше всего меня встревожила мысль – как бы этих ребят не перебили тут. Ушла к себе и стала, как обычно, по вечерам молиться, на сей раз, чтобы Господь помог этим мальчикам и сберег им жизнь. В этот день и услышала страшную вещь: один из соседей, Ахалая Л., говорил с огромным удовлетворением, как грузины взяли в плен бедных 20 абхазцев и, мол, тут же их расстреляли! Так, наверно, и фашисты не всегда делали – пленных на месте пленения тут же расстреливать. Я плакала, молила Бога помочь нашим бедным ребятам, которые хотят всего лишь вернуть себе свою родину и город и ничего ни у кого не отнимают. Потом я наблюдала в окно, как забегали мегрелки из соседнего дома с сумками. Вероятно, они несли что-то на хранение своим соседям – негрузинам. Видела, как

Дареджан поднялась к Вале Х. с каким-то свертком. Тоже, вероятно, что-то прятать от «разбойников» - абхазцев. Пусть прячут! Абхазцы должны развеять это их гнусное мнение о себе. Так настрополили всех людей против абхазцев, вывели их лишь злодеями. Я надеюсь что абхазцы докажут, что это не так. Им сейчас только и дела, что бегать по квартирам грузин и грабить их. Им лишь бы тут удержаться, подавить эти мерзкие их «Грады» - огневые точки, обезвредить их. Я бы на месте абхазцев этим бы и занялась: чтобы «Грады» и другие пушки больше не стреляли. Господи, молю тебя, помоги ребятам, пришедшим в Сухум, не дай им тут погибнуть!

Ночью пушки отсюда стреляли, но меньше. Я все равно спала в ванной комнате на полу. Через весь город летели светящиеся снаряды в сторону нижнего Гумистинского моста. Они летели откуда-то с северной стороны или северо-восточной. Я не знала, чьи эти снаряды и мне было тревожно. Хорошо, если это от верхних сел Сухумского района – Каманы, Шрома и Ахалшени, и они били по позициям противника у Гумисты, а если наоборот, стреляли грузины по позициям абхазов у Гумисты? Тревожно было очень, я не могла уснуть и слонялась по темной комнате, подходила к окну и наблюдала.

20 сентября 1993 года

Страшно, но пойду в библиотеку за зарплатой. Если кто-то туда придет. Было утром тихо, но уже ухают пушки изредка. Сосед Хазов, видимо, в честь проникновения сюда абхазов утром занялся уборкой мусора под своим окном: стекол битых и прочего, что валялось там почти с зимы кучей. Он тоже очень ждет возвращения абхазцев. А гвардейку нашу с детьми из квартиры А. Мукба сдуло как ветром. Вообще они снова тут побежали в свою Грузию, но уже это сложнее, т.к.звиадисты тоже там не зевают. Слышала, что какой-то важный чин полиции с женой и детьми тоже бежал. Только бы пришли наши, они побегут, хотя не собираются с ними расправляться абхазцы – не до того им: надо освободить всю Абхазию от оккупантов.

Но мои соседи – грузины зимой и сейчас, осенью, совершенно разные люди. Зимой делились даже куском хлеба, а сейчас не только делиться хлебом, стараются не смотреть в мою сторону, отворачиваются, едва здороваются, хотя мое отношение к ним осталось прежнее, ровное, как обычно. Оно и понятно! Вырывается Абхазия из-под узды, а это очень им не желательно. Вся эта лафа, которая у них сейчас в этом беззаконии, прикажет долго жить. Может, в самом деле, и на нашей улице будет праздник, мысль за которую ударил сосед Маргания Люду

русскую.

6 октября 1993 года

Что-то вроде эпилога к моим дневниковым записям. Уже который день нашей Победы – взятие Сухума. А наступление началось 16 сентября.

Абхазцы освободили Сухум и Абхазию. За этой скупой строкой столько волнений, тревог, переживаний, страха, надежды и отчаяния.

Были сильные бои в районе где я живу – ул. Эшба, у школы и подземного перехода. Мы сидели в подвале, а грохот стоял невообразимый, и замирали сердца – не в наш ли дом попал снаряд. Каждый раз выбегали во двор на секунду и в квартиры, чтобы взглянуть – не у нас ли горит. В дом попал снаряд, и наверху, у Маквалы и Гии Эсебуа, сгорели дотла квартиры. Захватило и квартиру русскую на 5-ом этаже. Загорелась и крыша, но соседи под обстрелами бегали к бассейну возле «Колоса», таскали ведрами воду (воды ведь в домах давно нет) и смогли потушить крышу. Иначе могли загореться все квартиры. Крыша у нас легковоспламеняющаяся. Зато на ул. Эшба 9-ти этажки и одна 5-ти этажка горели как хорошие свечи. Подожгли дома сами гвардейцы. Люди ничего из вещей не смогли спасти – они в это время сидели в подвалах, спасаясь от обстрелов. Наученные горьким опытом, я и соседки моего подъезда собрали свои вещи (кроме мебели), связали их в узлы и тюки и снесли в подвал. Там же и сидели круглые сутки и даже спали несколько дней. Я спала на своем курортном шезлонге, конечно, без особого комфорта. Когда абхазцы вошли к нам во двор и заняли уже вокзал – все снова занесли и распаковали. Перед наступлением на нашу улицу, в подъездах нашего дома, у меня на первом этаже – тоже, сидели по 2-3 гвардейца, спали – они прямо там на полу, в углу – куча гранатометов, а мы – в подвале. Заходя на секунду в свою квартиру, я прошмыгивала мимо них, а сердце замирало. Им сказали, что в доме уже не живут абхазцы, а я – русская. Пробудь они в нашем дворе несколько дней, они бы узнали кто я, и тогда трудно было бы предсказать события в отношении меня. Они были очень обозлены. А на углу нашего дома рыли дзоты, окапывались. Но ночью они ушли в бой и больше к нам не вернулись. А бой был очень сильный и длился почти всю ночь. Мы сидели в подвале при слабом свете керосиновой лампы. Потом прилегли там же.

Итак, вошли абхазцы. Начался обратный процесс, т.е.

сработало действие бумеранга – грабежи, занятие домов и квартир, кроме, слава Богу – убийств. О чем тут были весьма наслышаны, т.е. о массовых убийствах и захоронениях. Все ложь! Почти все соседи дома – мегрелы остались в наших коммунальных домах. Они похлопывали абхазских боевиков по плечу и егозили перед ними: «Наши мальчики, наши мальчики!». Я и то стеснялась к ним подойти, хотя ждала их прихода с великим нетерпением. Я была тут уже на грани: каждый день убийства, изнасилования женщин, грабежи, голод, дрожала каждую ночь и все мысленно обращалась к своим: «Да где же вы, почему медлите и не идете?». Теперь Дареджан каждую ночь запирает дверь на засов, а мне уже это не нужно. Я не боюсь никого. А когда мы страшно боялись, она дверь не запирала, потому что ей было не страшно, а нам страшно. Времена и роли переменились. Я достала свою табличку с фамилией, снятую с 1989 года и повесила, а Дареджан уже сняла свою. Вот так-то! «И на нашей улице праздник настал!». Непрерывный поток машин в сторону Гудаута с награбленным у грузин имуществом. Грузины везли вещи абхазов на восток Грузии, абхазы – на запад, в обратном направлении. Вообще же это мне где-то и смешно – наблюдать все это. «Что посеешь – то и пожнешь», говорят же русские. Кстати, русские тоже не зевают. Абхазцы разрешили населению пойти на кондитерскую фабрику и взять себе там продукты. Открыли замки. И все ринулись почти рыча. Хватали все, что было под рукой. Мешками муку, сахар, арахис, какао и т.д. Я, конечно, не умею угнаться за прыткими русскими, у которых сильно развит хватательный рефлекс. Люди просто обезумели. Я нарвала там в подсобном хозяйстве зеленые помидоры, фасоль, набрала арахиса, воск нашла. И это все мои трофеи. Но и это чудо просто, хоть не помру теперь. Приехали через несколько дней мои. Сначала оставили российские деньги, но они мне пока ни к чему – у нас рынок не работает, никто никакую еду не продает, а лишь ищет. Русские, схватив тачки, сумки и мешки, пошли грабить мегрельские огороды и сады по городу и в Ачадара. Я и это не могу. Мои привезли мне немного овощей – этим и живу. Из Гудаута привозят хлеб черный в фургоне каждый день. Дают у «Колоса». Бесплатно! Всем одинаково, не взирая на национальность. Сначала давали по одной буханочке, теперь – по две. А в самом Гудаута уже из-за нас хлеба не хватает.

Но вот смотрю и думаю: зачем воевали (правда, освободили Абхазию силой) – все мегрелы тут остались. И будут ждать своего лучшего часа. Они постараются взять реванш, собравшись с новыми силами. Едва ли они смирятся с тем, что у них отняли

дома и квартиры, имущество, вообще отняли землю, сады мандариновые… Я боюсь, что они станут бомбить город и превратят его в руины, могут убивать исподтишка, ведь ушли многие в горы, отравлять водные источники. И впустить их всех сюда нельзя – станут мешать, саботировать, проводить диверсионные акции и устраивать терроризм. Что-то еще будет! Мне тревожно. Не проглотят они эту пилюлю – потерю Абхазии, этого лакомого кусочка земли.

Злюсь и на абхазцев. Они набрали вещи и укатили опять в Гудаута, а мы снова тут остались в этих невыносимых условиях жизни. По прежнему нет воды, света, огня, все стекла у нас выбиты – впереди же зима. Заняли чужие дома, оставив на воротах записи, что занято и фамилии, сами уехали опять-таки. А мы снова тут и за все нам придется в случае отвечать. Нас второй раз тут грузины в живых не оставят. Сухумские беженцы абхазцы – жившие весь год в Гудаута и ограбленные тут грузинами, тоже приехали сразу, поглядели на свои разворованные квартиры снова укатили назад. А мы опять тут остались. Да, здесь жизнь тяжелая, голодная, ничего нет для жизни, но ведь мы тут так жили целый год – в условиях войны и блокады. Это был очень тяжелый год борьбы нашей за выживание. Гуадутцы так и не поняли этого. Вижу по их рассказам и их реагированию на наши сетования. И еще интересное. Те абхазы которые здесь оставались весь год, настроены более непримиримо по отношению к грузинам из-за всего пережитого. Мы же тут очень нагляделись на их нравы и наглость, когда они нас элементарно лишали даже куска хлеба. А абхазы, приехавшие из Гудаута благодушны, якшаются с грузинами-соседями как ни в чем не бывало, уже все им простили, жалеют их. Конечно, великодушие по отношению к поверженному (поверженному ли еще, как сказать?) противнику благородно, но и прощать все, значит, ждать снова повторения всего того, что было. Не все можно прощать! Я ничего не забыла, не простила. Хотя меня и не убили и не ограбили. Моя соседка Дареджан уже всем моим рассказала, как она меня спасала от гвардейцев три раза. Значит, не предательство не считается нормой, а возводится в степень великодушия и благородства. Она и мне несколько раз уже говорила об этом. Боится за себя. Я ей ответила, что и я ее в обиду не дам. Да, не выдала, но и доброжелательности по отношению ко мне, единственной абхазке, оставшейся в нашем доме, не было. Всю зиму ее муж гвардеец таскал по 10 буханок хлеба в дом и ни разу не предложил ни одной. Даже за деньги! Не спросили, есть ли у меня хлеб. А у меня его не было уже несколько месяцев и просить его я у них не могла. Сухари кончились, муки у меня не было… А

у них было все – и хлеб, и мука и все прочее. Разве я могу это забыть? Не приди абхазцы, я бы с голоду околела. А сейчас они вместе со всеми бегают к абхазской машине за хлебом – и ничего. Будто так и надо! Да, так и надо, вот это и есть настоящая демократия, когда хлеб всем, а не избранной нации. Подавились бы они такой своей «демократией». Ребята абхазские не злобствуют, относятся к ним лояльно, никого не обижают. А они такие ужасы в своих газетах и по телевидению рассказывали об абхазах, напугали население до смерти. Знай грузины тут все, что их никто не тронет, они бы, к сожалению, не уехали. А так, их пропаганда лишь сыграла нам на руку – перепуганное грузинское население бежало сломя голову. Что было и нужно абхазцам. Их никто не гнал – сами бежали. Русские, как обычно, «и нашим и вашим». Кто будет кормить, с тем и останутся. Но грузины их не кормили и они стали ждать абхазцев, надеясь, что те к ним будут добрее. Так и случилось. Но вот сами-то русские не все были на высоте. Наступление абхазов их очень напугало – опасались за свои шкуры и имущество. Лишь бы не стреляли, была бы работа, хлеб и быт налажен, а там, кто ни будет, Бог с ним – абхазы ли, грузины ли… А впрочем, чего другого ждать. Были и сочувствующие, но скрывали это тщательно, боясь за себя. Ведь дал же один сосед Маргания, то ли мегрел, то ли абхазец по физиономии русской соседке за то, что она перед наступлением имела неосторожность сказать: «И на нашей улице будет праздник!». Или что-то вроде: «Когда придут наши». Так что язык нужно было все время держать за зубами. А я теперь молчу. О чем с ними говорить? Время само все расставит по своим местам. И история в будущем скажет свое слово.

Итак, Бог милосердный услышал мои еженощные почти весь год молитвы! Слава ему и моя благодарность.

И наконец. Вот он, результат колониальных и имперских эмоций: «Нас много, вас – мало; нас много – вас мало. Не смейте командовать – Абхазия земля грузинская, а вы всего лишь пришельцы, скажите спасибо, что живете здесь, мы вас приютили. Сухум – грузинский город!» - вот примерный лейтмотив, звучащий перед абхазцами в последние годы с начала злополучной перестройки – катастройки, терпеливо сносивших все эти оскорбления, но не выдержавших вконец. И вот он результат – красная тряпка перед разъяренным быком. Неужели сами грузины этого не понимают, что бумеранг часто возвращается назад и бьет по тому, кто его запустил?